

20 ЛЕТ

Свято-Тихоновский
Университет

К 20-ЛЕТИЮ
ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

«ОТГОЛОСОК ПРОШЕДШЕГО В БУДУЩЕМ»

Сборник научных статей
преподавателей и аспирантов Исторического факультета

Москва
Издательство ПСТГУ
2012

УДК
ББК

Рекомендовано для издания советом Исторического факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Рецензенты:

Д. А. Андреев, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века Исторического
факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Д. А. Цыганков, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории
России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

Ответственный редактор

А. М. Феофанов, кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры
истории России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

«Отголосок прошедшего в будущем». Сб. науч. статей. – М.:
Изд-во ПСТГУ, 2012. – 371 с.

ISBN 978-5-7429-

Данный сборник научных статей преподавателей и аспирантов Исторического факультета ПСТГУ посвящен 80-летию заведующего кафедрой всеобщей истории доктора исторических наук, профессора Д. В. Деопика и 20-летию университета.

Первый раздел «Исторический текст между прошлым и настоящим» начинается размышлениями профессора Д. В. Деопика об историческом процессе и научном познании, а также об историческом пути Византии и России; в него вошли работы по церковной, политической истории, а также по истории культуры России, Европы и Азии. Статьи раздела ««Светильник горящий»: Церковь и духовное просвещение в синодальную эпоху» посвящены истории общественной мысли, церковной и социальной истории России. В раздел ««На перекрестках судеб и эпох»: война, реформы и русское общество в имперской России» вошли работы по истории внешней и внутренней политики России, связанные темой военного времени.

Издание адресовано специалистам-историкам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей.

УДК
ББК

ISBN 978-5-7429-

© Оформление. Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2012

Посвящается 80-летию
доктора исторических наук, профессора
Дмитрия Витальевича Деопика,
заведующего кафедрой всеобщей истории
Исторического факультета
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета

Что такое история? Отголосок прошедшего в будущем.
Отсвет, отбрасываемый будущим на прошедшее
Виктор Мари Гюго

Вместо предисловия

Трудно поверить, что нашему дорогому Дмитрию Витальевичу Деопику, отцу-основателю Исторического факультета и бессменному руководителю кафедры всеобщей истории ПСТГУ, в год 20-летия университета исполняется 80 лет. Как говорит боговдохновенный Псалмопевец, «дни лет наших, в нихже семьдесят лет, аще же в силах, осьмьдесят лет» (Пс 89. 10). С точки зрения вечности это мимолетность, а по человеческим меркам – та пора, когда «кротость пришла к нам, и будем научены». Смиренномудрие – достоинство настоящего ученого-историка, сознающего тот факт, что «тысяча лет в очах Твоих, Господи, как день вчерашний» (Пс 89. 4).

Дмитрий Витальевич – тот человек, который приобщил к особому христианскому осмыслению истории несколько поколений молодых исследователей – уже 15 выпускников молодого Исторического факультета ПСТГУ, существующего с 2000 года, защитили кандидатские диссертации! И все они прошли школу Дмитрия Витальевича, слушали его лекции по истории Древнего Востока, Библейской археологии, а самое главное – неформально общались с ним, а поэтому имели возможность прикоснуться к реальной истории в лице своего учителя. Как говорил Виктор Гюго: «Что такое история? *Отголосок прошедшего в будущем. Отсвет, отбрасываемый будущим на прошедшее*». Историки конечно же видят отголоски прошлого не только в будущем, но и в настоящем. Мы помним, что наша воля, отраженная в наших делах, создает нашу будущность, а изучение истории помогает познать то, как дела времен минувших создали настоящее, в котором мы создаем наше будущее. История – непрерывная связь поколений, традиция, невидимой нитью скрепляющая живых с почившими и еще не родившимися, именно поэтому история – самая необыкновенная и живая наука, и ее зримым воплощением для наших студентов, преподавателей и коллег, безусловно, стал Дмитрий Витальевич, благодарным приношением которому и является данный сборник. «И буди светлость Господа Бога нашего на нас, и дела рук наших исправи» (Пс 89. 16).

Часть I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И НАСТОЯЩИМ

Д. В. Деоник

Об исторических свидетельствах и восприятии истории в различные эпохи¹

1. О написании истории и историках

Мой учебник по истории Древнего Востока — это не описание реальной жизни, он условен, как любой учебник, так как очень многое остается сокрытым от современной науки. Но он приближен к действительности больше, чем университетский учебник, за счет *интонации*. Рассказ ведется «запросто», без «дидактической отстраненности» и в то же время он очень краток, в отличие от трехтомной, очень хорошей, академической «Истории Древнего Востока». Это не модель общества в сочетании с немногими примерами, а общество, о котором мы многое не знаем, но знаем достаточно, чтобы непринужденно рассуждать об *основном*. Основное *наука сегодня уже знает. Это открытия XIX века.*

¹ Автор выражает благодарность к. и. н., доц. М. Ю. Ульянову, к. и. н., ст. преп. Г. Е. Захарову, секретарю кафедры всеобщей истории М. И. Егоровой и студенту второго курса Исторического факультета ПСТГУ С. К. Юркину за помощь в подготовке к публикации данных материалов.

И еще — юмор; он является плодом эпохи, XX столетия. Но это не влияние телевидения, которое говорит с иронией обо всем, — этот стиль был присущ лекциям автора с самого начала, с 1956 г. И еще одна особенность: византийско-русское видение истории, при котором великие люди прошлого редко *самозабвенно возвеличивались*; всем было ясно, что царь — человек. И рассказывать о нем надо как о человеке. А к людям автор относится с юмором, хочется думать — добрым.

В итоге о царях прошлого автор рассказывает как о знакомых, хотя за такое большинство царей его казнили бы. Но это древняя история, о России XIX в. автору не пришлось бы в голову писать с юмором. И о князьях русских (и не русских) средневековых — тоже. А почему?

Там *много* фактов, они итак как живые. А тут надо как-то оживлять, так устроена европейская наука — это необходимо! А так как они почти все язычники, к их «установкам» у автора особого почтения и *нет*.

Разумеется, нельзя увлекаться, среди них была масса достойных людей. Так не над всеми царями и не над всеми поступками автор и шутит.

Все истории написаны о грамотных людях, в том числе о грамотных начальниках неграмотных людей (а последних, даже если они читают Дарью Донцову, большинство) и для очень узкого круга, тоже грамотных, людей. Так как же быть? Считать «историю грамотных» (а только ею мы располагаем при реконструкциях) истинной историей народа или... Как учитывать настроение основной массы верующих христиан в любой христианской стране, когда пишешь о ее народе, его истории? Тем более что вера неграмотных крепче, чем вера большинства полуграмотных (чиновников) или грамотных.

Учитывать это настроение при написании истории необходимо; именно неграмотные решают дело в критические моменты жизни народа, пойдя за одним из соперничающих грамотных. Так вот «лозунги» (больше чем дела) тех, за кем пошло большинство (в ситуации истинного выбора, а не обмана, о чем, правда, нередко трудно судить), выражают настроения неграмотных. И мы можем об этих настроениях судить, особенно если эти «лозунги» имеют свойство повторяться. Но это для критических моментов, а основное время жизни люди живут «как обычно», настроение у них — «пусть будет как обычно», и «лозунгов» особых выдвигать не надо. Но изучать это «обычно» было бы непросто, если бы

Господь так не устроил мир, что ситуации выбора реализуются чаще, чем мы думаем. И один и тот же выбор в нескольких бесспорно сходных ситуациях — это и есть мнение «неграмотных». Тут нужны сложные методики различения, но если частота повторов ситуации выбора достаточная — проверить можно! И так, мнение «неграмотных» учесть можно, но в основном по принципиальным, причем ввергающим общество в состояние *конфликта*, вопросам, когда «как обычно» уже не получается.

А основная часть истории, да и описаний современности, говорит нам о грамотных. И никакие регулярные выборы, борьба партий, пресса и прочее ситуацию почти не меняют. О «неграмотных» мы знаем мало, да они на выборы часто и не ходят, кроме критических ситуаций. Но мотивацию поведения «неграмотных» (не само поведение, а его мотивацию, по реакции на «лозунги») определить нелегко. Об этом свидетельствуют феномен нацизма в Германии, коммунизма в России, «культурной революции» в Китае — везде преобладает непонятное.

Нам хочется, насколько это возможно, глубоко погрузиться во все более древние этапы истории конкретного общества, и историки все время добавляют ранние разделы и все дальше и дальше расширяют их границы. Но здесь одновременно мы все более уходим от подробности (мало данных) в сферу общих и в значительной степени гипотетических (это далеко не одно и то же) описаний.

При написании «истории страны» необходимо предлагать рубеж или серию рубежей, приблизительно (иначе никак нельзя!) отделяющих один большой отрезок истории от другого, по которому больше данных, подчеркивая при этом, что нет возможности задать «вопросы второго отрезка» «первому отрезку», и т. д., на всем протяжении истории страны.

Нужно четко отделять «этого не было» от «об этом нет данных и не может быть при данном количестве материалов». И сказать, почему «не может быть», то есть о чем, применительно к этому более раннему периоду, источники нам поведать не могут. Обычно (но не всегда!) причина в том, что авторов источников применительно к «отрезку один» это не интересовало.

Трагедия индологов-историков, «древников» и отчасти медиевистов — неоткуда списывать, нет летописей до VIII в. по Р. Х. (кроме

Шри-Ланки). И как это хорошо видно в учебниках в разделах об Индии до X в. по Р. Х. невозможно (или почти невозможно) выделить главные темы, основные процессы, порой личности. И поэтому нечего нам превозноситься перед средневековыми летописцами — мы такие же, нам нужны чужие, более ранние описания и оценки прошлого («что самое важное в этой эпохе»), периодизация, система приоритетов.

В XX в. немало историков думали об историческом процессе, но мало кто об этом писал. Ключевое — проблема развития — каково содержание исторического процесса. Большинство авторов, написавших хорошие истории каких-либо стран, в них ставили проблему периодизации. Но в то же время мало кто думал и написал о том, как пишется история. Когда пишешь историю, нужно отдавать себе отчет, *как* ты ее пишешь.

Мы тесно связаны с источником — тот, кто обращает внимание на метод анализа источника, обращает внимание и на метод написания истории.

При изучении истории вопрос периодизации один из важнейших. Развитие происходит в разных формах. Возникает много вопросов: в каких сферах жизни общества происходит эволюция, а в каких нет; что изменяется быстро, что медленно; какие явления связаны друг с другом, а какие развиваются сами в себе, без взаимодействия с другими аспектами.

Если говорить о развитии общества, нужно внести детализации в разных аспектах существования общества. Развитие может быть в технологиях и социальных структурах — все это имеет прямое отношение к написанию политической истории. Социальные институты и технологии сельского хозяйства совершенствовались — здесь также может быть периодизация и сравнение с другими странами.

Все ли развивается в социальной сфере? Не все! Нужен список сфер, где развитие происходит и где развитие не происходит. Есть искусство, но нет его развития, тип личности не подвергается развитию, люди приходят и уходят, но нет вектора прогресса. Путь к высшему благу у каждого человека свой, возможности к этому есть в любом обществе на любом этапе. Правление добра сменяется правлением зла, а развития нет.

Идея развития общества — это идея изменения от худшего к лучшему или приспособление к реалиям меняющегося внешнего воздействия. Возникает много вопросов. Признаётся ли саморазвитие социальных структур? Что не меняется в обществе, в человеке, в мире в ходе исторического времени? Улучшается общество с точки зрения жизни конкретного человека, на место которого автор всегда ставит себя, или нет? Совершенство технологий, которые все лучше и лучше обслуживают человека, улучшает ли или сохраняет обстановку, благоприятную для развития человека? Индуизм, буддизм говорят, что общество лучше не станет, но можно самому уйти из мира.

Два типа мировидения. Человека интересует комфортное в духовном и материальном плане бытие. Когда это достигнуто, человек доволен. Быт и 2000 лет назад такой же, как сейчас. Совершенствуются технологии, социальные структуры, и не меняется материальный контекст жизни конкретного человека и возможности для его духовного развития и видения мира. Меняются внешние обстоятельства, а совершенствование социально-технологических структур имеет целью сохранить уровень, но не поднять его. Кратковременные периоды подъема материальной культуры компенсируются упадком в сфере духа. Когда живется хорошо, иные условия развития духа.

Какой опыт видения развития мира — многие живут в рамках взгляда, что весь мир не улучшается (даосизм, буддизм). Авраамические религии — вера в то, что с приходом Мессии можно построить царство Божие на земле. Для христиан, создавших историческую науку, идея времени — христианская. Вопрос развития без вопросов веры не обсудишь. Когда будет хорошо, что будет хорошо? Кому будет хорошо — одному человеку или всему обществу?

Задача истории (для всех) — чаще всего объяснить причины неприятного. Для немногих — и причины приятного. В обычной жизни о ней редко вспоминают, и это плохо! «Боже — спаси! История — объясни, чего не надо больше делать, чтобы не было так плохо». И чем выше ответственность, тем меньше возможность свалить на «начальство» (царь, президент). А если читатель — сам царь, тем важнее для задумавшегося история. Она (история данной страны) читается

прежде всего теми, кто принимает решения (царями и их окружением), а пишется она их помощниками, для них, по определенным правилам:

1. Подросток провинился — как упустили? Где ошибки, в каком возрасте?

2. В суде — как дошел до такого? Что этому предшествовало, какая цепь событий привела к преступлению?

3. Международный кризис — что к нему привело? Что же было такого в прошлом с этими государствами?

4. Войны — почему мы проиграли? Тут нужно узнать и свою историю, и историю противника. Отсюда, кстати, важность востоковедения!

Особенно сейчас.

История нужна — и когда думают, как сохранить хорошее, и в начале важной работы, для воплощения великих начинаний. Но это разноцельное коллективное изучение, а чаще всего обращаются к истории, когда есть необходимость дать самостоятельное непосредственное объяснение того или иного современного явления.

В условиях постмодерна историческая наука находится в открытом упадке. Книги по истории, именно по истории стран теперь чрезвычайно редки. Трудоемкие исследования массового материала чрезвычайно редки, в отличие от середины XX в. и более раннего времени. В целом Россия с ее небывалым расцветом исторической науки в последнее время остается одна.

Было бы интересно собрать описание России из учебников, написанных в странах Азии, особенно в Китае, Японии, Монголии, на Тайване, в обеих Кореях, Вьетнаме. То же из стран Центральной и Восточной Европы и отдельно — из романских и англо-саксонских стран.

Смешно писать «альтернативную историю». Вот сейчас некоторые видят исламский мир как возвращающийся к независимости от США и Европы. А ведь русские не мешали мусульманам быть мусульманами. Действовал европейский «пример», и он действует и вне России. Нужно всегда помнить о таком народе, как поволжские татары — это самый развитой, самый современный народ из мусульманских народов. Ни с

какими арабами или пакистанцами его сравнить нельзя, может быть, только с иранцами, но там страна больше.

Нет никого, кроме поволжский татар, кто в такой же степени являлся бы частью европейской и культуры, и науки, и промышленности, оставаясь при этом мусульманами.

Особенность восприятия современного мира и изменений в нем с течением времени — мы знаем правящих в лицо (благодаря телевизору). Облик, манеру говорить, не очень отредактированную речь, манеру двигаться, общаться. Мы, в общем, видим, что это за человек (особенно в рамках своей страны, культуры). И все возможности телевидения «по оболваниванию» лишь частично (!) компенсируют это обстоятельство. Пример — наши министры и государственная верхушка (да и «думцы»).

А уж когда они «в куче», да не в президиуме, — легко сопоставить со своим кругом знакомых и разобраться. Де Голль говорил: «Дистанция — основа престижа». Так вот дистанция телевидением сокращена как никогда. И потому так боятся появляться на экранах «истинные хозяева». Такого во времена радио и речей по микрофону почти не было.

Историк должен помнить, что в прошлом все были верующими и «чистой» литературы типа европейской эпохи кризиса веры (римская литература, европейская и американская литература последнего полутора тысячелетия) всегда было мало или вообще не было.

Больших этносов было меньше, чем историко-культурных зон, тем более отдельных аграрных очагов, то есть существовали определенные этнокультурные связи между ними (или исходное родство до освоения соответствующих очагов).

Важно различать большие истории и научные работы по узким темам. Интернациональным является второе, публикация на иностранных языках может быть признаком признания или высокого уровня ученого или его участия в международных проектах.

История, как и литературоведение, является частью национальной культуры. Настоящие труды по истории прочно входят в культуру тех народов, на языке которых они написаны. История на иностранном языке далеко не всегда доступна и близка для читателя иной страны,

поскольку и понятийный аппарат, и набор аналогий из национальной и всеобщей истории иные. Поэтому труды выдающихся синологов Матсперо, Гранэ, Крила, как и фундаментальные исследования Эберхарда и др. по Древнему Китаю, не могут быть эффективно использованы в их обобщающей части. И они малоизвестны за пределами узкого круга специалистов.

Наука должна помнить о своих грехах, время ее беззаветного «всеобъяснения» прошло. Другое, связанное с первым, — мало стало читающих людей. И утверждается, что все истины могут быть для них изложены просто. Не думая при этом, что в основном в науке содержится много еще не понятого в полном объеме, и тогда краткое изложение не полезно. Это было известно христианам всегда — не все в Писании должно быть понято, есть нечто, предназначенное для созерцания. Тем более в наших данных о мире. Отметим, что христиане, чья наука и богословие были наиболее развиты в XIX в., оказались наиболее подготовленными к такому восприятию научных фактов.

Атеизм не выработал своих терминологии и дефиниций для описания религий (особенно индуизма).

В 1970–90-х гг. исторические науки в России не возрождались (нет!), но восстанавливались, а в 2000-х это уже четкое продолжение русской научной жизни XIX — начала XX в. и дальнейшее движение вперед. А ведь они наиболее пострадали в советский период. Перед нами очевидный расцвет — по количеству и качеству. Причина, на мой взгляд, заключается в том, что русским неизбежно приходится много думать о своей истории. Это естественно и очевидно.

Историки, прежде всего исследователи истории России, ответственны перед обществом. Общая проблема «Кто мы и что делать дальше?» не решается без обращения к исторической традиции. Смешно сравнивать объем исследований с тем, что было в 1920–30-е гг. (а до 1935 г. историю даже не преподавали в вузах. Интернационалистам история была не нужна!). Да и в 1940, 50, 60-х гг. И честь и слава историкам советского периода, что их трудами и прямыми жертвами течение исторической науки в России не было прервано.

Именно те, кто пронес русское видение истории здесь и в изгнании (Бердяев, Шмурло и др.), они не хранили, они двигались дальше по тому же пути с учетом опыта, национальной трагедии 1917–1930-х гг.

Двум поколениям историков запрещали думать и писать об общих проблемах. Это делали только «организаторы» науки, подчинившие свои способности (средние или малые — никогда не большие) «лизанию блюда». Попытки вести себя иначе имели место, например, в языкознании, но и подавлялись они насильственно. То же в других науках — генетике, биологии (вплоть до убийств). Это могли делать только партийные вожди (все без исключения люди невежественные, почти ничего о науке не знавшие — начиная с Луначарского).

Отсюда теоретическая бесплодность советской науки, преодолеваемая частично лишь в конце 50-х и в 60-е гг. (тартуские семинары, например), да и то в таких сравнительно неполитизированных науках, как лингвистика.

Немногие же попытки в истории (Л. Н. Гумилев) осмеивались в то относительно либеральное время. Но кое-что уже придумали, и вместе с большими теоретическими выводами есть и практические, и ученики появились. Но это поколение ушло, сейчас этих людей уже нет. Рожденные в более позднее время — это уже другие люди.

Это о науке в целом.

Лучшая часть историков и философов, умевших думать над общими проблемами, уехала, сохранив целостность русской исторической науки (Ильин, Бердяев, Шмурло, Трубецкой и др.). То же и в лингвистике (Пражская школа), но о них не знали десятилетиями.

Теперь же историческая наука «воссоединилась», хотя представители «организаторов» науки, почти все бывшие коммунистами, еще преобладали где-то в середине 90-х. Читать их в основном почти невозможно, но ряды их из-за возраста редеют.

Новые «организаторы» обычно нормальные ученые, они все чаще становятся во главе гуманитарных институтов. Но в целом они мало думают над общими проблемами истории. Да и современные Западная Европа и США дать уже могут мало. История эти общества постмодерна середины XX в. просто мало интересует.

Журналистам известны имена типа Фрэнсиса Фукуямы — но это скорее исключение. Надо думать здесь самим. Есть кому и чем думать, теперь не только не сажают, но даже с работы не изгоняют.

Молодые преподаватели в университетах, молодые ученые 2000-х — это «юнкера» Гражданской. Второй раз их не победят, они — за Россию. И она помнит, как она их не поддержала тогда, увлеченная примером и учением других стран. Их бой в том числе за средства для выживания российской науки и прокормления своей семьи. Все они подрабатывают, им трудно заниматься наукой, но они этого хотят. Это их бой за право быть самими собой, учеными. За ними, как и тогда, страна, но теперь перестрадавшая, много утратившая, но поднявшаяся и в массе более нравственная.

Теперь народ понимает, что отнял большевистский переворот у подавляющего большинства. Есть списки героев Великой Отечественной войны, но были бы опубликованы списки убитых и сосланных — многое стало бы яснее.

Но сейчас им противостоит не заблуждающийся русский народ, крестьяне прежде всего, а нечестные чиновники и «плут-купец» (не фабрикант) — их-то легче одолеть.

Россицентризм как важный принцип отбора материала при составлении курса всемирной истории. История Западной Европы не должна рассказываться в отрыве от ее контактов с Россией, ведь в рамках «Истории России» всегда уделяется место ее контактам с Западом. А история Запада почему-то рассматривается без контактов с Россией (а они были, особенно в XIX–XX вв.).

Враг современного студента, особенно гуманитария, — психология менеджера, то есть не хозяина, реализующего свою стратегию (или способного ее выработать), а служащего, во многом «слуги» античного мира, средневековья, да и новых времен. А настоящий ученый — это монах; вначале послушник. Он сам выбрал этот путь, он сам во многом ставит цели, он выбирает стратегию. Слуга (менеджер) совершенно необходим, хорош, массу приятелей хороших, надежных имеет. Но это другая работа — тоже творческая, но в рамках реализации чужой стратегии (strate-

гия выполнения поставленной свыше задачи). Студент-гуманитарий все более (века назад гораздо менее) потенциальный менеджер (не путать с переводчиком). Для его будущей работы глубокие (пусть разрозненные) знания не нужны, вот он и не учится, вернее, учится кое-как. Этот же тип людей 20–40 лет назад учился куда упорнее, хотя тогда проблема социального эскапизма, «бегства в науку», помогала учить студентов.

2. О типах обществ и их взаимоотношениях

«Всеобщее государство», централизация и прочее (III династия Ура, Древнее и Новое царства Египта, ханьский и послеханьский Китай и т. д.), да и вообще «моноцентричность», — это всегда похоже на «социализм».

А периоды «полицентричности» в длительной истории конкретного государства (древнего и не очень) — это «капитализм» (это справедливо для небольшой страны, малой).

Со временем страны увеличиваются или нет? Где-то увеличиваются, где-то уменьшаются, разделяются. Историю творят не только большие страны (пример — Нидерланды).

Современный русский историк часто в древности, да и в средневековье, видит социализм (даже если его не любит). Французский автор (кроме самых компетентных) видит капитализм (особенно в конце XIX и начале XX в.). Интересно читать авторов эпохи позднего средневековья в Европе — уже не совсем летописцев, — что видели они?

А видели во многих странах всегда одно и то же — свое время, время написания летописи, исторического сочинения. И в основном правы как раз авторы позднесредневековые. Различия во времени в истории обществ есть, но они связаны с конкретными большими народами, с уходом (или ассимиляцией) которых начинается новый крупный исторический этап. Но не для последних веков. Близкое к нам время мы членим на более короткие отрезки, народы не могут уходить или исчезать так быстро.

Изменяя масштаб, мы входим в мир иных критериев и взглядов: ничто существенно не меняется; сменяют друг друга политические группы (обычно); социально-экономические периоды (порой политические)

короткие. Это все присуще только европейской исторической науке, но ведь иной — нет.

Варвары-германцы тяготели к римлянам, а не к грекам, поскольку римляне были проще. Так, японцы и китайцы тяготеют к США, а не к Европе, поскольку США проще. А славяне всегда тяготели к грекам. И, несмотря на падение Византии и последующее отсутствие у греков государства до начала XIX в., южные и восточные славяне (русские) не переориентировались, в основной для верующих сфере, на «римлян» XIX–XX вв.

Надо различать два типа тяготения:

1. Юношеское — варвара античности — к «взрослому мужу», греку или римлянину. С желанием им стать! И с возможностью им стать.

2. Зрело-взрослое — у японцев и китайцев — к «успешному деятелю». Без желания им стать!!! Без возможности им стать. И это не «варвары».

Есть ли варвары в XXI в.? Вряд ли это африканцы, они и в первые века н. э. были рядом с Европой, но ничем сопоставимым не стали. Можно предложить скорее индийцев или латиноамериканцев. Но первые явно не «варвары», вторые стоят ближе к германцам времени Римской империи, они уже не во всем «варвары». Но у них нет того высокого потенциала, что был у германцев и у славян.

Европейская буржуазия требовала себе тех же гарантий жизни и имущества, что были у дворянства. При этом о свободе и равенстве для «всех», не включая в это «все»... крестьян (основную массу населения) и слуг (вторая по численности группа населения). Ремесленники — посередине (между дворянами и торговцами), они через сто лет повторят «воплль» буржуазии, создав социалистическое и коммунистическое движения и опять «забыв о крестьянах». Те так и уйдут на второй и третий план в Западной Европе, не уравнившись в возможностях с рабочими. Зато статус слуг повысился (мелкие менеджеры — слуги).

И никто никогда не защищал финансистов, которых порой преследовали. Зато они расцвели вместе с торговцами и промышленной буржуазией, а затем и «сели им на шею», а потом и всем. Я имею в виду весь мир социально и пространственно. Они обладают традицией, но раньше у них не было такой власти. Что-то мешает финансистам править прямо

и сделать из банкира царя, ведь из чиновника царя делали часто и легко. Почему-то никакой народ не понимает такого превращения, не хочет и думать о нем. И сам банкир боится, прячется за другие, традиционные формы власти. Да, дело в том, что он обслуживает общество, ничего не организуя полезного для всех. Купец — организатор перевозки, заводчик — организатор производства и т. д. Может быть, сейчас и финансист реализует что-то полезное для всех, но объяснить этого не может.

Умение систематически, «монотонно» работать, через «не хочу» — это крестьянин и по-своему рабочий в мастерской, рабочий завода, но не торговец, не «меняла» на рынке («финансист») и не «служащий». Они не ставят цели — сделать что-то к концу рабочего дня. Если мало крестьян и рабочих в данном народе, мало и ученых, художников и т. д.; культура покупок и отдыха есть, но науки и искусства меньше, чем раньше (это современный Запад).

Опровергнут основной тезис протестантов: «раз ты успешно трудишься и, как следствие, разбогател, то Бог — с тобой, он любит тебя». Всем в Западной Европе и США ясно — богатство-то есть, но Бог не с ними. Они это все признают, хотя защищаются силлогизмом: «Не Бог отвернулся от нас, это мы мыслим уже иными категориями: цивилизация, прогресс, человек с его правами и т. д.».

Воду мутить нечего, все очевидно — Бога в этих обществах мало, отсюда, следуя их же логике, то, что у них есть, не богатство, а фикция. Очень показательны их лекарства от мелких недугов, их тысячи, все они связаны. Лечить только что-то одно бессмысленно, «спорт нужен».

Когда женщина уравнена в правах, падает рождаемость, приходят гастарбайтеры — и народ проигрывает в той или иной форме.

Народы современной Европы делятся всего на две группы — «небитые» (Англия и Россия) и «битые» (все остальные). Еще есть «отсидившиеся» (Швеция, Швейцария, Испания, Португалия).

Нет плохих и хороших народов. Процент умных и дураков, плохих и хороших одинаков. Но есть плохие, средние и хорошие периоды в истории народов (нацизм, большевизм и т. д. везде и во все времена).

И плохим народ может быть и внутри — по отношению к своим, и вовне — к соседям. Здесь периоды «плохости» (соответственно «средности» и «хорошести») внутри и вовне могут не совпадать.

Советский режим был плох для России, но сделал благое дело для Европы, разбив нацистов, и для Азии и Африки, принеся идею свободы от колониалистов. Группы народов разные, порой очень, и живут нередко рядом. И если это понимать, жить рядом можно неплохо; хотя схожие тянутся друг к другу. Соответственно чужие к «своим» схожим — чужие.

Трудно тем, у кого нет схожих (евреи). Сходство существует в разных сферах, и в разные периоды истории ценность конкретных сфер схожести разная. Народы, связанные сходством в сфере А достаточно тесно, оказываются разными, когда главной для них становится сфера Б. И непонимание возникает, когда у одного из двух народов высшей остается сфера А, а у другой высшей стала сфера Б. Прекрасный пример — тот же СССР. Поэтому так важно *понимание* иного народа.

Как оно приобретается?

1. Опытю контакта, это главное. Так, «фронтовые» народы Европы: греки, русские, иберийцы — они просто знали Восток. И это касается всего народа или его «контактной» части — «казаки» в Византии и в России (и на Пиренейском полуострове существовало что-то подобное).

2. С помощью науки о «других». Это одна из древнейших наук. Образованный слой имел одной из основных задач выработку и систематизацию этого знания, его сохранение и обновление.

Но и для 1 и для 2 нужен... «чужой» сосед.

Это знание (востоковедение) служит для решения, порой веками, конкретных задач конкретного народа. И если кругом германские княжества, а на дворе XV в., то какое тут востоковедение. Кругом свои, пусть даже часть из них — французы или поляки.

И чем сосед более чужд по вере, языку, облику — тем больше роль знания о нем. Но тем одностороннее и информация, поскольку она менее существенна для народа в целом. Обостренное чувство «чужака» — когда он принимает твою веру или навязывает тебе свою. И тут чем дальше он живет рядом, тем лучше его понимают.

Но мораль во всех моментах зиждется на принципе: «не желай (и не делай) другому (в нашем случае — чужому) народу того, чего не желаешь себе».

И все-то друг друга в той или иной степени понимают, но тут вмешивается политика, и мораль уже шепчет, но не молчит. Хотя для монарха практически во всей мировой истории быть аморальным, хотя бы и в отношении к враждебному соседу, «непрестижно». Ударами из-за угла, отравлениями не гордятся, за них не хвалят в летописи (и не умалчивают о таком).

«Золотой миллиард» бережет своих граждан. Там современная демократия с ее достоинствами и недостатками. С реальными выборами, сменой лидеров (надо или не надо), в большинстве — стариков. Посмотреть толпу на отдыхе, туристов и т. д. — общество стариков.

А в остальном мире — как всегда. Есть готовность и положить других — у лидеров, и погибнуть самим — у масс, погибнуть во имя защиты страны и народа от уничтожения, от унижения соседа, если есть шанс победить самим, пусть ничтожный (военные силы Китая — тот шанс). И долго не было больших войн, уже два поколения (а в Азии — 10–50 лет).

Западноевропейский капитализм возник тогда, когда обманывать покупателя стало невыгодно. Вот и перестали класть камни в бочки со сливочным маслом для веса. А когда информационные технологии позволяют уговорить покупать не лучшее, а распиаренное, когда логистика отвечает на вопрос: как лучше продать, а не как лучше и быстрее сделать — «капитализму наступал уже конец».

Наши бесчисленные менеджеры, в отличие от программистов и физиков, за границей никому не нужны, да еще с их примитивным английским или вообще без него. Им и надо быть патриотами. А вот программисты — совершенно другое дело, — например, белорусские десятками тысяч востребованы. Но конечно, меньше, чем индийские (сотни тысяч человек). Работать им не хочется, а программисты работают.

3. О Востоке и востоковедении

Востоковедение пытается: понять Восток (специалисты, причем не только ученые); осознать, что есть что-то отличное от нас, и включить это в свою систему представлений о мире (обществе в целом).

Цели — разные: спланировать контакты с Востоком, чтобы максимально выиграть и минимум проиграть; восстановить исходное цивилизационное равновесие и успокоиться.

Востоковедение в России носит практический характер, оно объясняет непонятное для нас в истории и культуре соседних народов.

Русским присущи два взгляда на Восток. Первый — «свой» — сформировался через прямое общение, через тюркские народы, через Кавказ. Второй — экзотически-романтическое восприятие Востока, полученное из Европы.

Если европейцы в постколониальный период ушли с Востока и до недавнего времени не собирались туда возвращаться, то Россия, страна с многовековым собственным национальным опытом общения с Востоком, вобрала в себя часть народов Востока и по всему югу граничит большим числом восточных государств от Грузии и Казахстана до Китая, Кореи и Японии.

Востоку нужна «девестернизация» для борьбы с надвигающимися традиционными бедами — традиционными же способами. И так, «девестернизация» — основной процесс второй половины XX в. везде на Востоке. Собственно, это уже история, это уже произошло. Может, будет новая волна вестернизации, но это неясно когда.

Длительных войн с *одним* азиатским государством европейцы конца XVII — середины XX в. никогда не вели. Не было «Афгана» (войны в Афганистане британцев недлительные), «Ирака». Раньше удар и соглашение с побежденным при сохранении части или всех традиционных властных структур. И «Афган», и второй Ирак, до этого Вьетнам, Сомали — это новое и это огромные ошибки.

Восток во многом становится сам собой, то есть малодинамичным культурным миром, «Востоком» Николая Бердяева. Да, это факт, уже полвека свободы, и никаких больших идей, никаких крупных духовных лидеров и проч. Они были при колониализме, и то их было немного, да и много нового они не придумывали (например, Ганди и похожие лидеры).

В чем опыт второй половины XX в.?! Можно стать независимыми, создать конкурентоспособную экономику — не становясь Западом! Это

было для Востока открытием второй половины XX в. Можно усвоить часть западного опыта, не становясь Западом, — и будет хорошо. И это даже в сфере технологий. А вот духовный мир остается совсем свой, тем более что западный мир все менее христианский. Раньше шло противостояние или сопоставление двух вер — христианства и той или иной азиатской веры. Теперь конкуренция — сравнение веры с неверием. Это сравнение иное. В этой паре верующий всегда чувствует себя правым и уверенным. Дух Востока остается прежним! И дело востоковедов это показать. Экономическое и даже военное преимущество Запада не ставляет изменяться. НЕЗАЧЕМ!

Но это значит, как ни парадоксально, сохранение слабости Востока, так как высокие технологии основаны на христианском типе личности, на таком явлении христианской цивилизации, как личность, которого за пределами христианского мира нет. Восток остается Востоком... и остается слабым. Шанс есть у той части европейского мира, где сохраняются в большей степени христианские ценности, — в России.

И дело здесь не только в христианстве. На Востоке есть две страны, способные самостоятельно создавать высокие технологии, — это Индия и Иран. Так оба эти народа — индоевропейцы! Понятие личности формировалось и до христианства в европейском мире. Может быть, именно потому этот мир в основной своей части и пошел за Христом. Но это уже другой вопрос.

4. О «фронтных» народах

«Фронтные» народы христианской Европы в IV–XVI вв. — греки, иберийцы, русские, сербы, болгары, отчасти народы будущей Австро-Венгрии.

Ощущение границы, характеризующее иные общества (не только мусульманские), очень четкое у западных европейцев и размытое у «фронтных народов». Даже не размытое, просто это менее значимое для них понятие. Есть грань, какая-то общая промежуточная зона — это будет гораздо лучше и точнее. И видение Востока у них свое по сравнению с «тыловыми» народами.

Среди последних выделяются немцы (не германцы в общем смысле слова!), они тоже понимали Восток, прежде всего Оттоманскую Турцию.

Такое видение у «фронтных» народов складывалось долго, 1000–1500 лет, и изменения Востока они видели, видели, как ушла в отрыв христианская Европа (вся!), и для Востока XVII в., а может быть, и всегда православная Россия — бесспорная часть христианской Европы, но более понятная, чем ее «тыловые» народы», и это важно.

«Фронтные» или «прифронтные» народы Европы: греки, иберийцы и русские. Что было утрачено «фронтными» народами в ходе более частых войн? Комфорт и все то, что на европейских языках называют «качественной жизнью» (искусство потребления и др.). Труднее у «фронтных» народов было с искусством, особенно в те времена, пока приходилось вести борьбу; когда борьба завершалась, тогда возникали условия для творчества. И появлялись истинные творения.

Что было приобретено? Сила веры, которую надо было защищать. И сект у них было немного в те периоды, когда они выполняли функцию хранителей. Причем общего достаточно много, хотя контактов друг с другом, а особенно у русских с иберийцами, фактически не было. Россия — «фронтной» народ дважды — и на Востоке, и на Западе (об этом далее).

Специфическая роль России в истории Европы — это защита ее от «Азии». Не просто самооборона, как у иберийцев. «Азия», боровшаяся против иберийцев, — это окраина, а у нас самое оно: монголы, Золотая Орда, Оттоманская империя. И военно-феодалное сословие у нас несколько иное — это тоже феодалы, защищенные законом, но более боеспособные, более «централизованные» в основной части российской истории (в чем помог опыт Византии), более авторитетные в городе, так как это всегда «действующие» военные офицеры.

Централизация при ранней Московской Руси — по византийским образцам, по греческому опыту (те тоже сдерживали «Азию» тысячу лет). Но с военно-феодалным сословием, схожим с «молодой» Европой, без «ромейских» политических традиций и с «молодой» культурой.

Но Русь, в отличие от Византии, шла вперед и присоединяла земли. Это во многом военное общество, все оно веками переживало большие войны на своей территории (это не Западная Европа). И русские умели терпеть, это помогало в войнах. Помогал и климат, к которому тоже надо «притерпеться».

Видимо, России пора снова выполнить долг, возложенный на нее свыше, — защита остального христианского мира: раньше мы защищали его веру от иноверцев, язычников, от «Востока»; потом мы защитили его от взбесившихся атеистов, строивших свое «царство» на земле (Наполеон, Гитлер); потом мы защитили его от атеизма своим примером при социализме; теперь мы защищаем духовность христианского мира (как Латинская Америка) от внутреннего распада, от победы религиозного индифферентизма, от душевного гниения и слабости. А это видно по числу новомучеников и по тому, что стало потом. Храмов все больше и воцерковленных россиян становится все больше — этого больше в христианском мире нигде нет. У нас были и гонения, которые им не снились, у нас было и возрождение, которым у них пока незаметно.

Мы пытаемся восстановить массовую веру. Пытаемся возродить гуманитарные науки христианского мира. И мы продолжаем быть физической защитой Европы. «Что бы с ними было, если бы все это граничило с ними».

Мы дали для всего христианского мира пример мирного падения «социализма». Мы дали всему христианскому миру и пример покаяния. 1991 год — всеобщий отказ всех людей от поддержки тоталитарного советского режима.

И христианская широта души. Отказ от Восточной Европы — бесплатно; отказ от ядерного приоритета — без страха перед Америкой. Это поведение христианина-мирянина на уровне страны.

5. Об истории Византии

Мало кому известно, что Византия греков и Анкорская империя кхмеров имеют много общего.

Сходство: ближе к концу — и у греков, и у кхмеров — внутренняя вооруженная борьба, отнимающая больше сил, чем внешний бой. Они не могли понять, что пришли критические времена и надо менять менталитет. Кхмерам повезло — не было таких сильных противников, как турки. Камбоджа сохранила независимость, хотя внутренние междоусобия шли и в XVIII в., да и в XX в. Отдали две трети земель тайцам — и выжили.

Византия греков и славяне — тут все перемешано, все знакомы. Перебежчиков обычно не казнят по возвращении на родину, так как и вера одна, и страна во многом одна (Балканы).

С начала XI в. греки, впрочем, устроили «этнические чистки» (не вырезая болгар) и, возможно, именно этим и дали себе еще 500 лет государственности. Но этнически страна пестрая, даже на самом вершине. И еще — не казнили политических противников и знатных пленных, это много давало, хотя кое-чему и вредило.

История Византии по сравнению с латинской и германской Европой кажется перегруженной интригами и придворными кознями по очень простым причинам. Одна из них никак не связана со спецификой жизни Империи. Другая — связана, но связана со спецификой источников, восходящая к специфике разделения властей, а не к государству в целом.

Первое. В написании истории степень подробности значительно выше и иная культурная среда — в истории Византии не было культурного разрыва с античностью. Византия это не римско-германский Запад, где легенд наподобие сказаний о короле Артуре много, но был ли такой на свете (хотелось бы), никому неизвестно. Ведь в тамошних ранних государствах для малообразованных королей их малограмотные летописцы писали мало. Отсюда и деталей их истории мы знаем значительно меньше, во всяком случае до XI в.

Второе. В Византии два центра власти — Император и Патриарх. Две письменные традиции. Римский Папа, сидя в Риме, вдали от центров тогдашней Европы, ни власти такой не имел, ни информацией такой не обладал. Отсюда и история Византии — это история и Империи, и Патриархата одновременно.

Греки стали «хуже» или «лучше», став «византийцами»?

Бывает ли народ хуже или лучше по мере протекания исторического времени. Можно сказать, что скорее бывают хорошие, обычные, и плохие состояния народа — у русских при Сталине, у немцев при Гитлере.

Для православных (греков) стали «лучше». Они первые массово восприняли Учение, победили «переселенцев» (германцев и тюрков), сохранили и донесли до нас античную цивилизацию. Тысячу лет защищали Европу, учили славян и другие воспринимавшие Учение народы.

Для наследников латинян стало «хуже». Особенно это развилось с Возрождением, которое для католика и носителя романских языков было прямым «выходом» на античность, минуя «литературную» передачу, то есть через храмы — через скульптуру и архитектуру греков. В то время как сами-то греки обращались к античности через рукописи. Это существенное различие. Рукописи часто просто были непонятны «упрощенным» римлянам провинции да и разоренной столицы, утратившей роль культурного центра.

Возрождение — это «воспоминания неграмотных». Воспоминания больше о скульптуре, архитектуре и т. д., чем о текстах. Литература Возрождения — возрождение части литературной традиции.

Почему Бердяев почти «не видел» Византию? Он был западником, как всякий «культурный» русский конца XIX — начала XX в. Заметим, что у православных философов было по-другому.

На Западе нелюбовь к Византии восходит к IV в. по Р. Х. Каковы же причины:

1. Зависть — богатые, культурные, непобедимые (IV–VII вв.).
  2. Непонимание (даже у Блаженного Августина) сложности греческих авторов, очень сложных для средневековых итальянцев и испанцев. Остальные о греках думали мало.
  3. Совесть — стыдно было «за удар в спину» в 1204 г.
  4. Позднее, когда «формировалась наука» нового времени, греки уже были под Османской империей. Византия и греки стали соотносить с прошлым, а ведь именно тогда европейская историческая наука и формировала картину мира, его общую историю.
  5. То, что греки ничего не меняли, в вере они православные, ортодоксы.
  6. Страх перед наследницей Византии — Третьим Римом, Россией.
- Это все у католиков, а у протестантов всех направлений еще и вторичное непонимание плюс нежелание понять; у ранних католиков этого не было.

Античность в русскую культуру пришла не после Петра из Западной Европы, где она была «расконсервирована» Ренессансом, а прежде всего прямо — от греков Византии, как часть христианской культуры.

Смешно думать, что средневековые греки забыли античность — они-то ее и сохранили, в том числе и «технически». Она, лучшей своей частью, сохранилась в христианстве, пришла на Русь с крещением и обитала здесь до XV в. и позже.

В Византии не забыли греческую литературу, которая от них была передана и нам, и в огромной степени Западной Европе. Те, кто нес христианскую миссию к нам, Гомера в школе сдавали; в них не было заложено отрицания греческой культуры.

А бедные варваризованные латиняне почти не знали греческого языка до XV в., пока масса греческой иммиграции не достигла Европы — Венеция была «набита» греческими авторами, деятелями культуры, книгами, библиотеками, — тогда много и пришло.

Но в летописи никаких народов это почти не попадало. И нечего было «возрождать» в православном мире то, что существовало и так. Наиболее известное — живопись, фрески, да и поэзия, церковная музыка, богатая литература, агиография и прочее.

6. Россия и Запад

Немцы (не германцы в общем смысле!) очень похожи на русских, особенно с середины XIX в., когда они наконец решили проблему единства, решенную русскими еще в XV в. Затем, у нас и у них шли схожие процессы, особенно массовый социальный «психоз» (коммунизм, нацизм), хотя мы как великая держава и они как одна из больших западно-европейских держав не во всем сопоставимы.

Самое время задуматься (им в большей степени, чем нам). Немцы должны понять, что из большого кризиса легче выбраться вместе с Россией; в конструктивной работе мы можем быть вместе.

Важен и длительный опыт совместного проживания. Первое — это «русские немцы» (века совместной жизни), и второе — две оккупации (один раз — они нас, другой раз — мы их).

Россия — это не католическо-протестантский мир вчера и не будет им завтра. Триста лет уже прошло. То же с Востоком, но там различия еще более сильные и притяжение слабее, хотя и оно и имеет место.

Долгое время говорили, что мы — «недоевропа», Россия отстает, ей нужно догнать или она догнала. У нее просто немного своя дорога,

достаточно близко, но часто удивляет, что такое нереализованное государство, а вдруг Наполеона разгромило, Гитлера. Потом 70 лет они нас боялись.

Как-то, видимо, не такие отсталые уж, если сравнивать всерьез.

При любом катастрофическом столкновении (астероид, атомная война и т. п.) от народов потребуется колоссальное терпение и труд — терпение сражающихся за спасение чего-то и своего и общечеловеческого. А не рабское терпение (как бы спастись самому), но оно и недолгое (можно предать).

Кстати, немцы умели терпеть в середине XX в. (не только русские) и из-за этого терпения их большие потери в войне. А кто из народов, могущих взять на себя планетарную ответственность, имеют это качество? Русские, китайцы, может быть, немцы сохранили. Остальные не бойцы, а во все большей степени зрители, и они при этом не виноваты. Часть из них малы по размерам, часть этим качеством не обладает. Одни из них это показали (французы во Второй мировой войне), в своей массе долго терпеть во имя высокой цели — это качество не проявилось.

Мысль о том, что Россия — это «полуазиатская» страна, строится не только на плохом знании России, но и на плохом знании Азии, уже не говоря о том, что Азия четыре, совершенно разных; так, Китайская и Индийская Азия непохожи так же, как Китайская и Европейская, что нельзя сказать про Индийскую.

Надежда христианского мира — именно Россия, во много благодаря недостаткам социальной и трудностям хозяйственной жизни. Так было даже в страшные времена 20-х, 40-х, когда жизнь была небывало тяжела. «Жизни» в плане Бердяева не было у моих родителей, у меня, лишь немножко больше — у моих сына и дочери.

Думается, что Сам Господь нас для чего-то готовит и не дает нам этой комфортной «жизни», заземленной и прагматической. Нас еще не «сдела» современная европейская цивилизация. У нас есть свое понимание «устроенности» жизни.

Смирение как черта более присущая русской социальной традиции, чем западной. Это проявляется и в мыслях, и в письменных свидетельствах царей (уже и в беспатриаршее время).

Смирение, скромность как черты, более представленные в русском историописании, чем в католическом (там следуют традиции Рима) и протестантском. Не доминирующие, тогда это уже не историописание, но очень важные. Мало писали о бесспорных своих победах (яркий пример — о победах Наполеона Бонапарта писали больше, чем о том, что мы его победили полностью и быстро). Не угонишься за Западом. Христианская скромность, часто и применительно к внутренней политике и при описании внутренних недугов общества — это социальная традиция народа.

Распространение учения Христа в Западно-Римских областях — это вторая волна греческого влияния на дух латинян и ассимилированных ими галлов и «испанцев».

Две волны уехавших: из СССР евреи — уехавшие «за свободой» на «историческую родину»; из современной России русские — за высоким жизненным уровнем, то есть за «бабками». И многие часто ездят к детям на Запад, но там не живут. Хотя имели возможность уехать сразу. Симпатичнее почему-то первые.

Да и дети уехавших в последние десятилетия на Запад почти всегда менее интересны, чем их родители. Этого ли хотели родители?

7. О русской идее и русском обществе

Русские никогда не вели больших агрессивных войн в Европе, а на Востоке не давали им быть большими.

Русским присущ массовый христианский гуманизм, реализовавшийся не в век Просвещения, когда он был и все более становился светским.

Его проявления таковы: никого не вырезали (вспомним судьбу индейцев Северной Америки); не было брезгливости, присущей французским, голландским, английским и другим колонизаторам. Не было позорного расизма, сегрегации и апартеида, от которых Америка отказалась все лишь пару десятков лет назад. Мы как иберийцы и как греки

Византии: женились, крестили, плодились, брали в армию, гимназию и т. п.

Русские понимали и Восток и Запад. И всех принимали к себе такими, какие они есть. А принимали, так как земли было много (это не Франция) и еще пустые места оставались. А те народы, на чью землю русские приходили, живы и здоровы, многие лучше русских живут. И многие растут численно, и в большинстве случаев значительно быстрее русских.

Позволю себе привести цитату: «Русские всегда проявляли определенные способности в обращении с полудивилизованными народами. Они лично никогда не относились к туземцам с тем презрением, которое характерно в отношениях представителей англо-саксонской расы с народами низшей культуры и цивилизации. Это совершенно очевидно из того, что они [русские] без колебаний вступают в социальные отношения с ними. Отсутствует то ощущение громадной разницы, которое разделяет или которое, по мнению некоторых, должно разделять низшую от высшей, или правящей, расы...»¹

В России всегда были два демократических общественных института: города и казачество. Казачество — это люди, выбравшие демократический строй, ушедшие физически из феодального и крепостного общества, но не порвавшие с ним — они оформились вовне, как полусамостоятельные сообщества, и именно демократические.

Из-за особенности России (агрессивная степь) казаки чаще рисковали, но и жили демократично. Именно демократично, «свободнее». Главное — человек сам становился казаком и не хотел уходить из казачков. Демократический строй казачьих станиц — это века жизни, жизни больших коллективов, впоследствии — казачьих войск. Государство туда почти не проникало. Это общество было очень нужно и много дало Рос-

¹ Schuyler E. Turkestan. Notes of a Journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja by Eugene Schuyler. N. Y., 1876. Vol. 2. P. 233. Цит. по: Материалы к «Богословско-церковному словарю» // Богословские труды. М., 1987. Вып. 28. С. 351.

сии. Казаки никогда не хотели существовать вне русского общества, они всегда были его неотъемлемой частью. При этом они не были в этническом отношении специфическим «племенем» (как исавры в Византии), а постоянно пополнялось «демократически настроенными» мужчинами из центральных областей России.

В монархической России буржуй, русский капиталист, был другим. Не был абсолютно «плохим» и чиновник, который не воровал так феерически, как сейчас. И историк это должен помнить. Наша современная трагедия в том, что советская власть из чиновничества (не из общества!) вытеснила «Акакия Акакиевича» — основного, тихого и старательного, исполнителя делопроизводства.

Советский кадровый чиновник был представителем не закона, а государственного террора — даже самый мелкий, даже где-нибудь на почте. Он подавлял, презирал, унижал одновременно. Обывателя (рабочего, учителя) — лично презирал. Он не столько служил, сколько правил. По праву сильного. Это способствовало вытеснению «Акакия Акакиевича» из столиц и утрате им его чисто русского сознания.

Вот и получается, что «Акакий Акакиевич» и городничий Гоголя с их исполнительностью и искренним страхом перед контролирующими их «инстанциями» — спасение современной России от взяточничества.

«Русская интеллигенция» первой половины XX в. — это дворяне по менталитету, кем бы они себя ни считали. Дворяне XIX в. И народ это прекрасно понимал и дал во второй половине XIX века интеллигенту прозвище «голый барин». Абсолютно точно.

Деревня ослабевает и меняется (кроме «казаков»), но сменяет ее не мегаполис, а средний (не столько промышленный, сколько торговый) город. Но как не достигнуть среднему человеку из «остального мира» американского уровня потребления (кислорода на земле не хватит), так и городов американского типа в мире много не будет. У всех процесс будет течь по-своему, хотя и в одном направлении.

Основа реформ Петра — военная (она уже далеко продвинулась при Алексее Михайловиче). Армия сильнейшая в Европе — били

шведов и турок, чего никто не мог. Останавливать могли, но разгромить — нет.

Для русского дворянства служба при Екатерине II стала необязательной, и оно начало утрачивать смысл своего существования. Началось «оскудение», и это не связано прямо с развитием буржуазии. То же было и на личном уровне — служить не хотелось детям богатых и знатных, но без службы деградация — личная и сословная.

Презрительное отношение буржуазии Западной Европы к рыцарству и крестьянам как к грязным и нищим переносилось на Россию. А ведь средний слой в основной массе должен служить государству, или организовывать экономику. За службу — земля, землевладелец не может веками существовать просто так и нигде не служить.

Помещики первой половины XIX в. в России уже были социально «немотивированны». Это важно, и так было везде в мире. Социально немотивированны, поскольку не служили. Моральный долг, что им надо служить, остается, но все меньшую роль играет то, для чего существовало русское дворянство веками, — профессиональная воинская служба.

Простые организаторы экономики теперь — это купцы, фабриканты, но все меньше землевладельцы! Тот, кто на земле, — это теперь «народ», пусть порой и богатый.

В допромышленных обществах управленцы приблизительно соответствовали среднему классу, а в Европе уже промышленного периода это все в большей степени купцы, фабриканты. Таков новый социальный состав. Выходцы из управленцев и богатых горожан не лучшая часть народа.

Часто забывают указывать на наличие правителей из «иноземцев» и в Англии, и в ранней Франции, у турок, и в Индии, и в Китае, Монголии — но только не в России. А речь идет об общемировом явлении, о «выходах», что дает «сакральную» санкцию для нового правителя. Важно, что он пришел из семьи уже готовых правителей и успел стать сакрализованной фигурой «там где-то». Второй путь сакрализации — «здесь», но это редко.

Цвет творческих людей императорской России — либеральные образованные люди, все больше разночинцы, они выбирают прежде всего тоже либеральных вождей (многих при этом объявляли свободолюбцами, а это ох не одно и то же).

Если кто-то из «творцов» был то одним, то другим, то есть то либералом, то консерватором, то второе замалчивалось, а уж если творческая личность всегда была консерватором (а их треть по меньшей мере), то о них или забывали, или объявляли их творчество «слабым», чтобы напомнить, что подражатели обычно консервативны (хотя порой все кидаются подражать прогрессивному, и от него вскоре не остается почти ничего). А что, если в наследии деятелей литературы и искусства той эпохи 90 % — плоды творчества, и лишь на 10 % следствия биографии (речь идет о подлинной биографии, а не об отдельных высказываниях, специально подобранных). Ведь прошла «революция», «советское время» — вот где творцам было очень плохо, и их было мало.

Теперь можно посмотреть Россию за двести лет — и здоровую, и больную, и выздоравливающую. Творцы в основном уехали, с белыми и без них. Многих из лучших выслал В. И. Ульянов. А потом — лагеря, расстрелы. В 1950-х не было уже почти никого, кто был бы жив и не был бы измазан грязью. Общество, «обсуждающее литературу», исчезло. Вначале боялись, но потом постепенно отвыкли, и на «кухнях» говорили уже о другом.

Сейчас, правда, есть Интернет, но это во много раз хуже, чем встречи 1900–20-х гг. (см. Андрея Белого и др.). Там объединяла любовь к литературе, а любви к Интернету не бывает, во всяком случае с большой буквы.

Советские диссиденты были: умеренно храбрыми, но умеренно; хотели хорошего для людей «вообще»; не были патриотами России (ни советской, ни какой-либо другой, если и любили что-то в прошлом, то больше белых, чем императорскую Россию). Почти все лидеры их уехали.

Белым было стыдно не только за Россию, но и лично за себя, так как большинство их лидеров были в 1917 г. вместе со Временным правительством прежде всего, потом — с эсерами. И были ответственны за

разрушение России, и поэтому их не поддержали: «не все ли равно, кто разрушал». Они даже раньше начали, а большевики собирали Россию!

Журналы «Вышиваю крестиком», «Формула рукоделия» необходимы для чтения любого уставшего взрослого. Они дарят сознание покоя, традиции, домашнего уюта.

8. Культура России. Ее корни, ее проблемы

«Люди, помнящие культуру отцов». Для рожденных в 1920–30-х гг. это Серебряный век — время жизни отцов. А для поколения, появившегося на свет в 40–50-х, «культура отцов» должна была быть советской культурой, но она была низкой по качеству, поэтому и для них в реальности «культуры отцов» — это опять же Серебряный век, то есть для того поколения культура отцов тоже «серебряная». Иной культуры не было, да и традиции Серебряного века полностью исчезнуть не могли. Хотя деятели Серебряного века ушли в мир иной к середине 60-х, однако наследие этой эпохи определило вектор развития культуры и в 60-е и 70-е гг.

А вот когда «стало можно» (80-е, особенно 90-е, начало 2000-х), стало видно, что культура очень бедная, так как у тех, кто начал строительство страны в 90-х, «культуры отцов», наследуемой обычно автоматически, просто не было (в лучшем случае «культура дедов»).

«Советские разночинцы» — социокультурная база «девяностников».

Это мало и неплодотворно, что видно. Надо возвращаться к Серебряному веку и к лучшему 20-х гг. и к написанному «в стол» в 30–50-х, лучшему из самиздата и, возможно, без тех, кто добровольно перестали быть Россией. Они уже все меньше участвуют в жизни русской культуры, которая была одним из основных врагов коммунистов.

Богатство русского языка прежде всего словарь, грамматика — естественно происходит из славянских языков, но что касается высокой лексики, части сложных грамматических форм, то это от греческого языка. Эти заимствования указывают на специфику, время, механизмы греко-русских контактов.

Греческий язык воспринимался от священников, а не от офицеров, как на периферии Римской империи. Рано осуществлялся перевод самых

главных и сложных текстов, письменность долгое время в малой степени использовалась для «бытовых» нужд.

В то время как латынь дошла до германских народов уже упрощенной, «провинциализированной», ее носители были очень далеки от той элиты римского общества, которой соответствовало греческое духовенство X–XIII вв. на Руси. Собственно говоря, это был не совсем перевод, так как греческий был языком части оригинальных текстов Священного Писания. Греческий язык перевода Писания, являясь языком Восточного Средиземноморья, был максимально адекватен, насколько может быть таковым перевод. Те, кто его делал, были люди, подобные святому Симеону.

Сам древнеславянский язык сформировался еще в V–VI вв. по Р. Х., тогда славяне жили рядом с греками, а некоторые — прямо в их среде. Но в то же время все это было в самом начале восприятия греческих норм.

Отметим образованность христианского духовенства в Киевской Руси и роль греческого (в этническом отношении) духовенства. Славяне восприняли христианство позже германцев, но славяне были «свежими» и начали восприятие его от развитой в религиозном отношении страны. Тогда, когда в Западной Европе не было еще и клюнийских монахов. Воспринималось христианство через храмы, а не через общение в рядах германских наемников римской армии.

Русский литературный язык первой половины XIX в. — это язык дворян, слегка смешанный с французским, в ходе практики многих десятков тысяч человек ставший языком новой по содержанию и жанру литературы. Плюс гений Александра Сергеевича Пушкина.

Сферы общественной, литературной и прочей деятельности старообрядцев и их потомков. Старообрядцы в последней трети XIX — конца XX в. очень много дали в интеллектуальной сфере, хотя односторонне, а люди часто были хорошие: купцы Морозовы — из крестьян, а также Клычковы и многие другие. Хотя нередко и с мятежным наклоном.

Общая проблема, стоящая перед Россией и СНГ, — Россия нестандартная «Империя». Она не была Империей. Разве что в византийском

смысле. Грузины, армяне, узбеки нужны были России, и она там хозяйничала, а не безответственно грабила. Там ведь жили не только офицеры, коммерсанты и чиновники, но и крестьяне, рабочие, инженеры, ученые и даже просто бомжи (как в Ташкенте).

Русские не просто уважали армян и других (всех ли «своих» мы уважаем?), а просто считали их (тех, с кем конкретно общались, а не вообще) людьми, такими же, как и они, хотя и принадлежащими к другому народу.

Концепция Российского государства сформировалась в XII–XIV вв.; характерный пример, когда один из князей отпустил пленных болгар на том основании, что они были в сапогах («а нам надо лапотников»). «Лапотниками» были в XVII–XIX вв. эсты, армяне и грузины, то есть народы, которые нуждались в каком-то политическом руководстве, защите, оформлении и не были равными по силе. Россия не шла на германцев, она шла туда, где это было нужно — для кавказцев русские были лучше, чем Османская или Персидская империи.

«Идеал» — русское общество второй половины XIX в. В общем-то не реализовавшийся. И отстаивание его — это не апология «старого режима», а признак того, что нового режима нет. Сталинизм — это все недостатки старого режима, но без его достоинств, а достоинства стоило вернуть (по И. А. Ильину в его послевоенных статьях). Сделано это не было, а сейчас уже и невозможно — ушли носители старого общества. Носители не столько идей, сколько самого общества, и возникло новое общество, но оно по-прежнему русское. Не только по размерам территории, но и в том, что выбрали царя (В. В. Путин), выбрали совершенно добровольно, и в 2012 году — тоже. А он — как в XV веке — очень хочет, чтобы было как в Европе, хотя опыт XX столетия показал вроде, что как в Европе у нас не получится, не получится, слава Богу, и как в Азии.

Так, может быть, признать, что путей три, а не два, что есть русский путь, не «промежуточный», а срединный, без западноевропейских и азиатских крайностей. Путь православно-византийский. Нас не большинство в мире, и мы не его хозяева, но это скорее хорошо.

Повторю еще раз, мир почти всегда делился не на Восток и Запад, а на Середину, слева от которой был Запад, а справа — Восток. Это показали античные и византийские греки, бывшие Серединой, и Избранный

Народ, тоже входивший в Середину, и Россия, которая является Серединой. Конечно, она часть Европы, но и тем не менее в геополитическом плане это, конечно, Середина, не Центр, а именно Середина.

Труды Д. В. Деопика за 2002–2012 гг.¹

Монографии и учебные пособия

Бамбуковые анналы (Губэнь Чжуншу цзинянь). Изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прилож. (при уч. Д. В. Деопика, А. И. Таркиной). М., 2005.

Деопик Д. В. Библийская археология и древнейшая истории Святой Земли. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.

Деопик Д. В. История Древнего Востока. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.

Деопик Д. В. Количественные методы в изучении исторической информации: «проверяемая история». М., 2011.

Статьи и тезисы докладов

Деопик Д. В., Таркина А. И., Ульянов М. Ю. Метод выделения и краткой характеристики периодов в истории одного государственного образования Восточной Азии: на примере Цзинь (период Восточное Чжоу, VIII–III вв. до н. э.) // Ломоносовские чтения. Научная конференция. Апрель 2004 г. Востоковедение: Тезисы докладов. М., 2004. Кн. 1. С. 37–43.

Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Ландшафтно-хозяйственные пределы зон интенсивного земледелия в регионе Восточной Азии в неолите // Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах: По археологическим и этноисторическим источникам: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции / Отв. ред. В. И. Гуляев. М., 2006. С. 13–14.

Деопик Д. В. Некоторые важнейшие аспекты формирования государственности в Восточной и Юго-Восточной Азии в III–II тыс. до н. э. // Ломоносовские чтения. Научная конференция. Апрель 2007 г. Востоковедение: Тезисы докладов. М., 2007.

¹ Предыдущую полную библиографию трудов Д. В. Деопика см.: Приглашение к истории: Сб. ст. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 9–18.

- Деопик Д. В. Центральназиатские связи раннегосударственных объединений в верховьях Сицзяна, Янцзы и Красной реки в позднем бронзовом – раннем железном веке // Традиционный Вьетнам. Вып. 3. М., 2008.
- Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Кризис 1127 г. и проблема перехода власти в средневековом Вьетнаме (Дайвьете) от Первых ко Вторым Поздним Ли // Традиционный Вьетнам. Вып. III. М., 2008. С. 66–104.
- Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Выявление аграрных очагов в Восточной и прото-Юго-Восточной Азии: на материале изучения археологических памятников неолита и ранней бронзы (VI – нач. II тыс. до н. э.) // Ломоносовские чтения. Научная конференция. Апрель 2008 г. Востоковедение: Тезисы докладов. М., 2008. С. 50–52.
- Деопик Д. В. О древнейших письменностях в Восточной и прото-Юго-Восточной Азии // Ломоносовские чтения. Научная конференция. Апрель 2008 г. Востоковедение: Тезисы докладов. М., 2008.
- Деопик Д. В., Комиссаров С. А., Ульянов М. Ю. Древнейшие археологические культуры на территории Китая // Большая российская энциклопедия. М., 2009. Т. 14. С. 86–90.
- Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Основные этапы исторического процесса в регионе Восточная Азия в IX–I тыс. до н. э. // Ломоносовские чтения. Научная конференция. Апрель 2009 г. Востоковедение: Тезисы докладов. М., 2009. С. 91–95.
- Деопик Д. В. Царство Мо – первое государство Региона Восточной Азии (прото-ЮВА) // Губеровские чтения. Сб. 1. М., 2009.
- Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Исторические границы Восточной и Юго-Восточной Азии // Ломоносовские чтения. Научная конференция. Апрель 2010 г. Востоковедение: Тезисы докладов. М., 2010. С. 53–58.
- Деопик Д. В. Четыре этюда об истории древней Восточной Азии: взгляд с юга // XLI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2011.
- Деопик Д. В. Особенности этнического взаимодействия в Юго-Восточной Азии в историческом контексте // Губеровские чтения. М., 2011.
- Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Ранняя аустрическая письменность: массив надписей V тыс. до н. э. из Шуандуня (пров. Аньхой, КНР) // Ломоносовские чтения. Научная конференция. Ноябрь 2011 г. Востоковедение: Тезисы докладов. М., 2011. С. 67–70.

- Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. К предистории царств У и Юэ: Нижняя Янцзы после Лянчжу (II тыс. до н. э.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XVI (ЮВА 2010-2011). М., 2011. С. 262–295
- Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты // Вопросы эпиграфики. Вып. 5. М., 2011. С. 7–118.
- Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Краткая характеристика истории региона Восточной Азии в X–I тыс. до н. э. (историко-археологическое описание историко-культурных зон) // Научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2012 (в печати).

В. В. Башкеев, М. Ю. Ульянов, М. С. Целуйко

Подходы к исследованию политических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии

Д. В. Деопик является автором большого числа трудов по различным аспектам всемирной истории, многие из которых опережали и во многом продолжают опережать свое время. Среди крупных «страновых историй» выделим созданную им на основе исследования нарративных источников «Историю Вьетнама» (т. 1) и написанные на основе анализа эпиграфики разделы из «Истории Индонезии» (т. 1; совместно с Г. Г. Бандиленко, С. В. Кулландой). Эти работы ценны тем, что дают опыт написания концептуальных историй, в которых четко и равномерно изложены сведения по всем четырем аспектам истории (политической, социальной, экономической и культурной) и которые написаны в результате проведенных исследований источников, с использованием разнообразных точных методов и без каких-либо идеологических привнесений.

Вопросы, связанные с особенностями анализа источников при написании «событийной истории» и закономерностях «политического процесса», постоянно затрагивались во время наших бесед. За них я очень благодарен Дмитрию Витальевичу. Их важным промежуточным итогом стала совмест-

ная статья 2008 г. о «Кризисе 1127 г. ...», в которой детально описан такой важнейший аспект изучения «политической истории», как анализ скрытых обстоятельств передачи высшей власти¹. Она вызвала профессиональный отклик, впрочем отчасти основанный на непринятии в расчет того, что многие наши выводы и наблюдения были сделаны в результате «критики текстов» источников, а не из прямого их прочтения².

М. Ю. Ульянов

Введение

Известно, что сверхзадача историков заключается в том, чтобы «писать историю». Но перед каждым поколением возникает проблема, как это делать, чтобы не повторяться и, продвигаясь вперед, расширять и углублять сферы познания всемирноисторического процесса. К настоящему времени методический кризис 90-х гг. XX столетия во многом преодолен, произошел отказ от идеологизированных парадигм исторической науки прошлого (прежде всего, от представления о классовой борьбе как основной составляющей исторического процесса, экономического детерминизма и др.). В этих условиях в российском востоковедении вновь появилась необходимость написания «страновых историй». Поскольку круг проблем, рассматриваемых современными историками, очень широк, то выполнение этой задачи требует установления приоритетов в отборе материала и в последовательности его изложения.

В исторической науке накоплен большой опыт. Написание истории одной страны или периода предполагает выявление и описание характер-

¹ См.: *Деоник Д. В., Ульянов М. Ю.* Кризис 1127 г. и проблема перехода власти в средневековом Вьетнаме (Дайвьете) от Первых ко Вторым Поздним Ли // Традиционный Вьетнам. Вып. III. М., 2008. С. 66–104.

² Имеется в виду замечательная статья нашего коллеги и сподвижника А. Л. Федорина (см.: *Федорин А. Л.* Еще раз о проблеме династий Первые и Вторые Поздние Ли (1010–1225) // Губеровские чтения. Вып. I. Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность. М., 2009. С. 83–99). В возникшей плодотворной дискуссии проявились два подхода: прямого прочтения текста источника оппонентом и наших попыток извлечения скрытой (заложенной имплицитно) в тексте (чаще всего намеренно скрываемой) информации. Соответственно дискуссия здесь сначала могла бы развернуться вокруг приемов «критики текста», а уже затем вокруг полученных выводов.

ных черт четырех важнейших «исторических процессов»: политического (событийная история), социального (общественное развитие), экономического (хозяйственные отношения) и в сфере духовной культуры (верования, искусства и рациональные знания). Ключевым, особенно на начальном этапе создания «страновых историй», является «политический процесс». Поэтому неудивительно, что самые работы по истории отдельных стран в большой степени посвящены именно систематизированному и концептуальному изложению политической истории¹. После этого рассказ о социальных, экономических и культурных аспектах обретает смысл, поскольку тогда процессы в этих сферах включаются в исторический контекст и могут быть соотнесены с конкретной политической ситуацией.

Почему же сейчас задача написания политической истории (тем более с позитивистских позиций — с целью «открытия единообразных законов», по выражению Р. Дж. Коллингвуда) иногда воспринимается как устаревшая? По всей видимости, это связано с тем, что в европейской исторической науке такая задача считалась первостепенной на этапе ее становления. «Политическая история» большинства европейских и соседних с ним стран и народов в древности, в античный период и в средние века была описана и изучена уже к середине XIX в. А в XX столетии на первое место вышли задачи анализа явлений и процессов в социальной, экономической, культурной сферах. Неслучайно большой скачок произошел в исследовании разного рода исторических *реалий*: от «политических институтов» и «истории повседневности» до «истории ментальности».

Однако если взглянуть на положение дел в российской науке в описании истории Китая и стран Юго-Восточной Азии, то мы увидим, что ситуация здесь иная: работ, которые удовлетворяли бы требованиям современной науки, значительно меньше. Во многом это определяется научной традицией, ведь подходы к написанию историй этих стран были

¹ Приведем остроумное высказывание датского антиковеда М. Хансена, который назвал описание «политических процессов» с «политической физиологией», а описание «политических институтов» — с «политической анатомией» (см.: *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 11). Мы бы не стали противопоставлять эти два подхода — второй естественным образом вытекает из первого.

заложены только в советское время. Соответственно очень важно — кем и при каких обстоятельствах.

В изучении истории стран ЮВА большую роль сыграла фигура академика А. А. Губера (1902–1971), чей вклад в развитие всей отечественной исторической востоковедной науки трудно переоценить¹. Благодаря заданному им импульсу «страновые» и «региональные» истории большинства стран Юго-Восточной Азии в Средние века и Новое время были написаны в 60–90-е гг. XX в. его учениками и продолжателями². Поскольку источниковая база здесь сравнительно невелика (по Средним векам — в основном надписи на каменных стелах и внешние источники), то это привело к созданию целого ряда интереснейших методик комплексного анализа текстов³.

В синологии ситуация иная. Ее ключевыми фигурами периода становления были не историки, а литературоведы (академики В. М. Алек-

¹ А. А. Губер являлся инициатором многих значительных научных начинаний. Он являлся основоположником серии «Памятники исторической мысли», инициатором создания Советской исторической энциклопедии и членом ее главной редакции, а также был главным редактором журнала «Новая и новейшая история»; выполнял обязанности председателя Национального комитета историков Советского Союза, был избран председателем XIII международного конгресса исторических наук (Москва, август 1970 г.), а также вице-президентом и затем президентом Международного комитета исторических наук.

² Д. В. Деопиком — Вьетнам, Камбоджа, Чампа, Индонезия, Э. О. Берзиным — вся Юго-Восточная Азия, Таиланд, И. В. Можейко — Бирма, В. А. Тюриным — Малайзия и Индонезия. «История Вьетнама» (т. 1) Д. В. Деопика, написанная в формате учебника, является образцовой. И жаль, что она не переросла в многотомное монографическое исследование. Возможно, такая задача будет решена в ходе осуществления проекта по переводу и изданию основного источника — официального летописного свода *Дай Вьет Ши Ки Тоан Тхы* («Исторические записки Великого Вьета»).

³ Сейчас для российской науки для изучения истории Юго-Восточной Азии (во многом благодаря Д. В. Деопику) характерно большое внимание к разработке методов анализа источников. В частности, получили развитие уникальные методы текстологического и количественного анализа эпиграфических памятников при реконструкции социально-политической истории (Д. В. Деопик), лингвистического анализа при реконструкции социальных реалий древности (С. В. Кулланда), перевода и филологического анализа надписей с целью реконструкции политических реалий (А. О. Захаров).

сеев и Н. И. Конрад, а также Л. Д. Позднеева)¹. Синологами-историками в последние десятилетия XX в. было создано некоторое число весьма содержательных работ по различным аспектам древней и средневековой истории, но в них, за некоторым исключением, основное внимание было уделено идеологическим, социально-экономическим проблемам, вопросам культуры, а политическая история играла лишь вспомогательную роль. Более того, в силу ряда обстоятельств подходы к ее написанию были порой или чрезмерно идеологизированы², или, если так можно выразиться, «деисториизированы»³. Приходится констатировать, что до

¹ Хотелось бы выделить Б. И. Понкратова (1892–1979), под руководством которого была написана одна из первых книг по истории Древнего Китая «Страна Хань. Очерки о культуре Древнего Китая» (М., 1959). Он являлся научным руководителем К. В. Васильева (1932–1987), создавшего на рубеже 1970–80-х гг. историю Древнего Китая — «У истоков китайской цивилизации». Выдающееся место в изучении истории Древнего Китая принадлежит Р. В. Вяткину и В. С. Таскину, которые переводили важнейшие исторические источники, прежде всего *Ши цзи* и *Го юй* (см.: *Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи)*. Т. 1 / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М., 2001; Т. 2 / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М., 2003; Т. 3 / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1984; Т. 5: Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1987; Т. 6: Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1992; Т. 9 / Пер. с кит., коммент. под ред. А. Р. Вяткина. М., 2010; *Го юй (Речи царств)* / Пер. с кит., вступ. и примеч. В. С. Таскина. М., 1987). Большой интерес представляют труды М. В. Крюкова и В. М. Крюкова, Ю. Л. Кроля, также нельзя обойти вниманием труды Л. С. Васильева.

² Ведущим теоретиком изучения исторического процесса являлась Л. В. Симоновская, бескомпромиссный борец за чистоту идей марксизма-ленинизма в изучении истории Китая (см.: *Симоновская Л. В. Вопросы периодизации древней истории Китая* // *Вестник древней истории*. 1950. № 1 и др.). Документы своего времени донесли до нас своеобразный диалог с ней А. А. Губера, состоявшийся в 1948 г. на объединенном заседании кафедр стран Ближнего, Дальнего и Среднего Востока исторического факультета МГУ (см.: *Академик А. А. Губер: историк и личность*. М., 2004. С. 97).

³ Например, в учебнике по «Истории стран Азии и Африки в Новое время» (М., 1989) в рассказе о периоде Цин (1644–1911) в духе времени упомянуты различные персоналии второго и третьего плана: вожди восстаний и реформаторы, — а носитель высшей власти с указанием дат правления за почти 300-летнюю историю упомянут один раз в абзаце, в котором объясняется, что в правление императора Канси (1662–1723) «были предприняты усилия по составлению энциклопедий и словарей» (Т. 1. С. 33).

сих пор в российской синологии не преодолено драматическое противоречие между колоссальным числом письменных источников и степенью разработанности истории древнего и средневекового Китая. Не будет преувеличением сказать, что по полноте изложения событийной истории непревзойденной остается переведенная и изданная еще в 1959 г. книга «Очерки по истории Китая» под редакцией Шан Юэ.

Дальнейшее развитие изучения истории Китая и стран Юго-Восточной Азии в древности и Средние века предполагает создание трудов по различным историческим периодам, в которых политическая история была бы изложена максимально полно. По нашему мнению, написать историю этих стран на основе историографии затруднительно. Историк, коль он поставит перед собой такую задачу, будет вынужден опираться на тексты нарративных и эпиграфических источников. Поэтому при изучении «политического процесса» нельзя обойтись без источниковедческого и текстологического исследования. Также необходимо продолжать разрабатывать теорию, уточнять понятийно-категориальный аппарат исследования, адаптировать уже существующие и разрабатывать новые методы.

1. Подходы к исследованию источников

1. «Хроники» и их место в исследовании «политических процессов»

Исследование «политической истории» осуществляется на основе письменных источников, прежде всего хроник, летописей (и летописных сводов), официальных историй¹. Далее мы будем использовать понятия «хроника» и «летопись» в качестве базовых терминов, поэтому объясним, какое значение в них вкладываем.

«Хроникой» будем считать тот вид исторических произведений, который в строгом смысле называется «анналами», то есть «запись

¹ Заметим, что сочинения Сыма Цяня *Ши цзи* («Исторические записки») и Бань Гу *Хань шу* («История Хань») ближе к официальным историям (кит. *чжэн-ши*; нормативная или династийная история), чем к авторским. Авторское начало, влияние на подбор материала и его подачу значительно отличают их от трудов Геродота, Фукидида, Полибия, Тита Ливия и др.

наиболее значительных событий по годам; характерная для древности и средних веков форма исторических произведений»¹. Это краткие, как правило датированные, сообщения, которые не предполагали подробностей. Например, в период Чуньцю (771—453 гг. до н. э.) они, вероятнее всего, выполнялись в храме, в котором отправлялся культ почитания духов предков правящей династии, узким кругом должностных лиц (*даши*, реже *наньши*)². Процедура нанесения записи на деревянную или бамбуковую планку сопровождалась определенными обрядами и была вписана в систему храмовых и придворных церемоний. Выполнение хроникальной записи в тот период являлось глубоко сакрализованной религиозной, а не светской функцией³.

«Летописи» — это исторические произведения, создававшиеся на основе «хроник», они более подробны и менее обусловлены требованиями ритуала. Кроме кратких сведений хроникального характера они включают в себя фрагменты текстов различных жанров. Применительно к периодам Чуньцю и Чжаньго это были всевозможные документы (*дянь* 典): клятвы (*мэн* 盟), повеления (*мин* 命), речения (*юй* 語), родословия (*ши* 世), извещения из других царств (*фу* 赴) и др.

«Хроники» фиксируют события, а «летописи» их детализируют, в них материал подан в систематизированном и упорядоченном виде. «Летописи» от упоминаемых в них событий отстоят на более длительное время, чем «хроники». Для «летописей» характерно стремление авторов осмыслить их ход в свете определенных воззрений и идеологических за-

¹ Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. С. 592.

² Иными словами, «хроники» — это не только форма сохранения исторической памяти, но и часть культа предков (см. *Сюй Чжаочан*. Чжоудай шигуань вэньхуа: Цянь чжоусинь ци хэсинь вэньхуа синтай яньцзю (Культура историографов Чжоуской эпохи: исследование морфологии сердцевины культуры в предосевое время). Чанчунь, 2001; *Сюй Чжаочан*. Сянь Цинь шигуань дэ чжиду юй вэньхуа (Структура историографов доциньского времени и культура). Харбин, 2006). Из большого числа статей на эту тему выделим работу: *Шэнь Цзыцзе*. Шигуань цзай Цзо чжуань чжун дэ чжэнчжи юй вэньхуа цзяосэ (Историографы в Цзо чжуань — их роль в политике и культуре) // Фу да чжун янь со сюэкань. 2005. № 15.

³ *Деоник Д. В.* Вступительная статья // Чунь цю Цзо чжуань. Комментарий Цзо к «Чунь цю» / Иссл., пер. с кит. гл. 1—5, коммент. и указат. М. Ю. Ульянова. М., 2011. С. 8.

дач, что и позволяет изучать «летописи» как памятники общественной, в частности исторической, мысли¹.

«Летописи» создаются на основе «хроник», соответственно неразрывно с ними связаны, но с появлением «летописи» «хроника» выходит из употребления и зачастую как отдельный памятник утрачивается. Поэтому «хроники» в чистом виде редки. Известны фрагменты нескольких «хроник» периодов Чуньцю и Чжаньго:

1) царства Цзинь и его преемника царства Вэй 魏, которые реконструированы в виде *Гу бэнь Чжу шу цзи нянь* («Древний текст “Бамбуковых анналов”»)²;

2) царства Цинь в том виде, в котором она представлена в эпитафическом памятнике «Хронике господина Си» (III в. до Р. Х.) из погребения в Шуйхуди; она же инкорпорирована в состав пятой главы сочинения Сыма Цянь *Ши цзи* («Исторические записки»)³;

3) с хроникой царства Лу периода Чуньцю в значительной степени связано включенное в конфуцианский канон сочинение хроникального характера *Чунь цю* («Весны и осени»), которое, по-видимому, возникло в результате переработки исходной хроники.

Важнейшая научная задача заключается в том, чтобы установить время появления «летописей» в Древнем Китае. Следует выяснить, возможно ли их возникновение в период Чжаньго или нет. В настоящий момент нам представляется наиболее вероятным, что в то время в ходу все еще оставались «хроники». Судя по отдельным эпитафическим на-

¹ Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 15. С. 672.

² См: Бамбуковые анналы (Гу бэнь Чжу шу цзи нянь) / Изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. М. Ю. Ульянова при уч. Д. В. Деопика и А. И. Таркиной. М., 2005.

³ Более чем вероятно, что у Сыма Цяня был некий вариант циньской государственной «хроники», часть которой была использована им в тексте 5-й главы *Ши цзи*. По найденным эпитафическим свидетельствам можно восстановить форму «хроники» и ее примерное содержание за III в. до н. э. Формулы определенных типов сообщений «хроники» из эпитафических источников с формулами текста 5-й главы практически совпадают (см.: *Целуйко М. С.* Циньские эпитафические памятники из Шуйхуди: Частная (служебно-личная) хроника господина Си «Бянь нянь цзи» (конец III в. до н. э.) // Вопросы эпиграфики. Вып. IV. М., 2011).

ходкам, другие составляющие «летописей» существовали автономно, и их синтез в рамках одного произведения произошел в начале периода Западная Хань (202 г. до н. э. — 8 г. н. э.). Фрагменты «хроник» были включены в состав сложных по структуре произведений, чье составление завершилось в эту эпоху. Например, *Чунь цю Цзо чжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») весьма вероятно содержит первоначальную «хронику» царства Лу. В главах раздела *шицзя* («наследственные дома») сочинения *Ши цзи* («Исторические записки») Сыма Цяня сохранились фрагменты «хроники» царств Цзинь, Цинь, Ци и др.; в *Хань шу* («История [империи Западная] Хань») Бань Гу — «хроник» правлений западноханьских императоров¹.

По-видимому, в период Чжаньго еще не было ни условий для создания «летописей», ни потребностей в них. Они появились в Западную Хань, когда еще сохранялось ощущение эпохи Чжаньго, но политическая ситуация изменилась кардинально — на месте нескольких царств возникла единая империя, во главе которой стоял единственный правитель. Это и привело к необходимости обобщить и осмыслить исторический опыт прошедшей эпохи и одновременно закрепить идеологию новой. Если это так, то главы раздела *шицзя* «Исторических записок», написание которых могло быть начато еще предками Сыма Цяня, и могут считаться наиболее ранними из известных «летописей» в Китае.

Нет необходимости говорить о том, что именно «хроники» наиболее точно отражают протекание «политического процесса». Но поскольку их сообщения кратки и не содержат каких-либо детализаций, то «писать историю» на основе их текстов — задача отнюдь не простая. Потому скажем о важнейших особенностях «хроник».

¹ Первый раздел *Хань шу*, аналогичный разделу *бэнцзи Ши цзи* и носящий название *дицзи* («Записи об императорах»), также является сложным многожанровым текстом, однако, так же как и в *Ши цзи*, большая его часть составлена из сообщений, характерных для «хроники», что подтверждается результатами выделения «структурно-жанровых» групп из текста *дицзи*. Подробнее об этом см.: *Башкеев В. В.* Жанровая атрибуция текста второй части первой главы Хань шу (История Хань): анализ структуры главы // Вестник Бурятского государственного университета. Востоковедение. Вып. 8. Улан-Удэ, 2011. С. 39–43.

2. Важнейшие особенности «хроник» и подходы к их изучению

Историописание в каждой культурной традиции имеет свои индивидуальные черты, но есть и некоторые универсалии, которые требуют изучения. В основе текстов «хроник» и «летописей» — сокращение реальных фактов до наиболее существенных, все несущественное уже было отброшено временем, поэтому значимость сохранившихся фактов очень высока (мысль, часто повторяемая Д. В. Деопиком).

Пересказ «хроник» при написании «событийной истории» невозможен. Их сообщения надо по крайней мере интерпретировать, опираясь при этом на установленные закономерности сохранения и передачи исторической информации. Сделать пересказ «летописи» проще, но и это непременно приведет к заблуждениям. Ведь основной вопрос в историописании — вопрос о власти, а власть всегда предполагает борьбу за нее, соответственно наиболее неблагоприятные аспекты этой борьбы так или иначе замалчивались. Но поскольку не писать о борьбе за власть было невозможно, то для рассказа о ней и вырабатывался свой метаязык. Поэтому при прямом прочтении текстов источников картина может быть искажена — победитель всегда прав, а проигравший изображается либо как отрицательная фигура, либо по принципу «сам дурак» («сам виноват»). То есть к его поражению или гибели привели либо его собственные ошибки, либо отрицательные качества его же характера. Проигравшие в борьбе за власть соперники в лучшем случае будут «дискредитированы», а чаще всего (как и многие связанные с ними события) вычеркнуты из истории¹.

Хронисты, которые еще не знали, чем закончится правление, фиксировали события и деяния носителей власти равномерно, опираясь на ритуально обусловленные требования и нормы. Летописец, который

¹ Например, в летописании насилие при передаче власти, как правило, скрывается фразами исторического предания. Например, в русской истории смерть Олега, регента при князе Игоре, описывается в летописях не как историческое событие, а как историческое предание (гадание волхвов и укусы змеи). Если вспомнить, что Игорь к тому времени уже вырос и уже был женат на Ольге, то не остается сомнений, что это предание помещено в летопись для того, чтобы скрыть некие реальные обстоятельства перехода власти. Дальнейшая биография Ольги и судьба самого Игоря не оставляют в этом сомнения и позволяют предполагать иной вариант гибели Олега.

уже знал итоги правления, при составлении летописи, делая выписки из «хроники», отбирая и сокращая разнообразный материал, стремился объяснить уже известный его исход. Отсюда в «летописи» каждое значительное деяние правителей часто сопровождается сообщениями о благоприятных и неблагоприятных знаменьях. При этом если в «хрониках» их сравнительно мало (например, в *Чунь цю*) и они трудноотличимы от реальных природных явлений, то в «летописях» они даны более отчетливо и подчинены объяснению реакций Неба на действия носителей власти.

Эти и другие сообщения «хроники», которые при прямом прочтении с трудом поддаются объяснению, могут быть названы «специфическими элементами историописания». Они вводились в текст источника не с целью прямого отображения действительности, а с целью формирования у читателя определенной картины восприятия той или иной ситуации. Наиболее явный пример — сообщения о солнечных затмениях, которые не происходили в реальности (см. ниже).

Таким образом, поскольку в «хрониках» историческая информация может быть заложена в неявном (зашифрованном) виде, то их сообщения только кажутся путанными и противоречивыми. Напротив, в рамках сложившихся традиций историописания они образуют определенную систему, которая должна рассматриваться как целостное явление. По этой причине при исследовании «хроник» возникает необходимость разработки и использования точных методов.

3. К вопросу о «критике текста»

Скажем несколько слов о последовательности анализа текста источника. Будем называть все эти процедуры «критикой текста». Выделим следующие этапы:

1. Начальным этапом является выявление отдельных устойчивых элементов структуры текста на макро-, мезо- и микроуровнях.

Макроуровень — это заданное издателями памятника естественное разделение на части и главы, например, как *Цзо чжуань*: 12 глав (*цзюаней*), разделенные по годам правления государей царства Лу; в *Ши цзи*: разделы — *бэньци* (основные записи), *шицзя* (наследственные дома), *чжи* (трактаты), *лечжуань* (биографии), *бяо* (таблицы), также разделенные на отдельные главы.

На *мезоуровне* сначала дается характеристика однородности текста, затем выделяются отдельные элементы его структуры и устанавливается их жанровая принадлежность. Таким образом, сначала выясняется, рассматриваемый текст относится к числу «простых» или «сложносоставных». В первом случае жанровая атрибуция может быть произведена сразу, а во втором – требуется выделение устойчивых повторяющихся элементов структуры, а затем уже выполняется соотнесение их с жанрами исторических и порой литературных произведений.

Примером «простого» текста может считаться *Чуньцю*, относимая по жанру к «хронике». А «сложносоставных» (то есть с неоднородной структурой) – *Цзо чжуань*, главы из различных разделов *Ши цзи* (прежде всего *бэньцзи* и *шицзя*) и др. Так выявляются «структурно-жанровые группы» текста.

При этом зачастую легко становится заметным, что некоторые из них могут относиться к разному времени. Кроме того, оказывается, что в «сложносоставных» текстах кроме «содержательно-приоритетных» частей (то есть текстов сугубо исторического содержания), таких, как «хроника», а также «родословие», «повествование», «описание», «трактат», «документ», могут быть и «функциональные тексты»: авторские замечания и концовки, а также, как, например, в *Цзо чжуань*, – внедренные в текст «комментирующего комплекса» «собственно комментарии», своеобразные «дидактические выводы» и т. п.¹

На *микроуровне*, то есть внутри каждой из названных «структурно-жанровых групп» (СЖГ), выявляются мельчайшие элементы их структуры – «простейшие сообщения», которые и могут считаться мельчайшими «единицами исторической информации». Так, в «хрониках» основная единица исторической информации – «действие» (чье-либо

¹ См.: Ульянов М. Ю. Текстологические аспекты изучения Чуньцю Цзочжуань: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // 41-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2011; Ульянов М. Ю. Введение: «Комментирующий комплекс» *Цзо чжуань* («Комментарий Цзо») и древнекитайский канонический памятник *Чунь цю* («Весны и осени») // *Чунь цю Цзо чжуань*. Комментарий Цзо к «Чунь цю» / Иссл., пер. с кит. гл. 1–5, комм. и указат. М. Ю. Ульянова. М., 2011. С. 35–38.

деяние) и «событие» (нечто произошедшее – засуха, наводнение и пр.)¹. Остальным жанрам текстов также свой вид мельчайшей «единицы исторической информации»: например, в «описаниях» это «признаки», в «трактатах» и «документах» это «идеи»² и т. д.

¹ В ряде работ Д. В. Деопика по анализу *Чунь цю*, состоящей из хроникальных сообщений, которые являются мельчайшим элементом структуры, дан пример количественного анализа такой мельчайшей единицы «исторической информации», как «действие» (см.: Деопик Д. В. Опыт систематизации конкретно-исторического материала, содержащегося в «Чуньцю» // Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. Вып. 1. М., 1973; Деопик Д. В. Гегемония и гегемоны по данным «Чуньцю» // Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1974; Деопик Д. В. Государство Ци в VIII – начале V в. до н. э. (по данным «Чуньцю») // Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1975; Деопик Д. В. Исторический контекст-анализ // Тезисы докладов и сообщений научного совещания «Комплексные методы в исторических исследованиях». М., 1987; Деопик Д. В. Некоторые тенденции социальной и политической истории Восточной Азии в VIII–V вв. до н. э. (на основе систематизации данных «Чуньцю») // Конфуциева летопись «Чуньцю» («Весны и осени»). Пер. и примеч. Н. И. Монастырева. М., 1999; Деопик Д. В. Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю» // Конфуциева летопись «Чуньцю» («Весны и осени») / Пер. и примеч. Н. И. Монастырева. М., 1999).

² Исследованию «описаний» на основе анализа «признаков» посвящены работы М. Ю. Ульянова: Ульянов М. Ю. Китайские источники по истории Индонезии (опыт количественного анализа труда Чжао Жугуа «Чжу фань чжи»), 1225 г. // Базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 4–5. М., 1996; Ульянов М. Ю. К вопросу о первых упоминаниях стран Юго-Восточной Азии в китайских источниках: сведения о «стране Хуанчжи» в контексте политической и идеологической борьбы начала I в. н. э. // Губеровские чтения. Вып. 1. Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность. М., 2009 и др. Некоторые подходы к исследованию «трактатов» на основе «идей» – в работе Л. М. Брагиной (там они названы «философско-этическими терминами»), а также А. Т. Габуева (см.: Брагина Л. М. Опыт исследования философского трактата XV в. методом количественного анализа // Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Габуев А. Т. Идея государственного управления в Чжуан-цзы // Аничковский вестник. СПб., 2001. № 28. Оставим пока за рамками такой жанр, как «повествование», который предполагает наличие косвенной, монологической или диалогической речи. Предварительное описание см.: Ульянов М. Ю. Введение: «Комментирующий комплекс» *Цзо чжуань* («Комментарий Цзо») и древнекитайский канонический памятник *Чунь цю*

	Структурно-жанровая группа	Единица исторической информации
1	«Хроника»; «Краткое историческое сообщение»	Действие, событие
2	«Описание»	Признак
3	«Трактат», «Документ»	Идея; действие
4	«Повествование»; «Диалог» ¹	Действие, событие, идея; признак

Выделение «структурно-жанровых групп» и мельчайших единиц исторической информации — это наиболее сложная часть исследования. Но именно она позволяет отойти от дескрипции и погрузиться в аналитику.

2. Следующий этап — составление списков «единиц исторической информации» и их типологизация, то есть объединение в смысловые группы. Далее они подвергаются количественному анализу, который направлен на выявление единиц исторической информации приоритетных для каждой исторической эпохи, их сопоставление во времени и выявление закономерностей в изменении приоритетов². Это позволяет, описывая специфику отдельных периодов, характеризовать этапы исторического процесса. Неоспоримое преимущество такого подхода заключается в том, что он позволяет включить в рассмотрение практически все сообщения источника, а также сделать проверяемыми результаты исследования на всех его этапах³.

(«Весны и осени») // *Чунь цю Цзо чжуань*. Комментарий Цзо к «Чунь цю» / Иссл., пер. с кит. гл. 1–5, коммент. и указат. М. Ю. Ульянова. М., 2011. С. 40–47.

¹ «Диалог», как правило, может быть выделен в качестве самостоятельной «структурно-жанровой группы», но, по нашим наблюдениям, он не встречается обособленно, а связан с какой-либо другой СЖГ, например, «хроникой», «кратким историческим сообщением», «историческим повествованием». Такие связи мы предложили называть «нарративом» (см.: *Чунь цю Цзо чжуань*. Комментарий Цзо к «Чунь цю» / Иссл., пер. с кит. гл. 1–5, коммент. и указат. М. Ю. Ульянова. М., 2011. С. 37, 43–47).

² Такая задача решалась в серии указанных выше статей Д. В. Деопика, посвященных анализу *Чунь цю* именно как «хроники». В них была поставлена цель максимально полно извлечь историческую информацию и на основе ее анализа охарактеризовать протекание «политического процесса» в конкретный исторический период.

³ Образцы количественного анализа исторических источников разных видов представлены в сборнике статей Д. В. Деопика (см.: *Деопик Д. В.* Количествен-

Ниже, не претендуя на полноту и завершенность, попытаемся кратко описать основные подходы к характеристике «политического процесса» на основе анализа «хроник».

II. Подходы к исследованию «политического процесса» на основе анализа «хроник»

При рассмотрении «политической истории» основное понятие — «власть», персонифицируемая в фигуре «носителя высшей власти». Власть — один из важнейших феноменов мировой истории. Неслучайно именно в этом качестве она и изучается уже много лет историками. Понятие «власть» связано с понятием «государство». Для историка состояние высшей власти — тончайший индикатор развития государственности в тот или иной период. Институт высшей власти породил целый ряд универсалий, которые реализовывались в разные исторические периоды и в различных культурных пространствах¹.

Сложность написания «политической истории» в том, что информации всегда или слишком мало (средневековая история большинства стран Юго-Восточной Азии), или слишком много (Китай) — историку всегда затруднительно произвести ее отбор и установить некий оптимум, который был бы достаточен для целостного рассказа об «историческом процессе».

Периодизация и ее роль в описании «политической истории»

Искусство историка — это искусство сокращения (одно из любимых выражений Д. В. Деопика). Оптимальной формой сокращения является выявление *периодов* и изложение политической истории путем их краткой характеристики.

ные методы в изучении исторической информации (проверяемая история). М., 2011).

¹ Поскольку в каждой конкретной стране проявились и индивидуальные черты, обусловленные местной культурной ситуацией, поэтому в изучении политической истории важное место отводится «политической культуре» (см.: *Ульянов М. Ю.* «Бамбуковые анналы»: Древний текст и сведения о политической культуре Китая VIII–III вв. до н. э. // Ломоносовские чтения. Научная конференция. 2007 г. Востоковедение: Тезисы докладов. Кн. 1. М., 2007).

Обычно используется трехуровневая периодизация: 1) в истории страны — периоды: государства или династии (несколько столетий); 2) в истории одного государства или династии — периоды: последовательность нескольких правлений (несколько десятилетий); 3) в истории правления — периоды: этапы одного правления (несколько лет).

В истории государств исходной единицей членения исторического времени являются правления носителей высшей власти. Именно они являются ключевой фигурой при рассмотрении «политического процесса» и находятся в центре внимания «хроник»¹. Число упоминаемых и описываемых правлений ограничивается задачами историка — заданной им при написании «политической истории» степенью подробности. В сфере внимания оказываются, как правило, не все правители, а те, которые: 1) являются основателями государств или правящих династий; 2) в правление которых государства достигают своего усиления и расцвета, часто благодаря проведенным преобразованиям; 3) и, напротив, в правление которых происходит ослабление и различные кризисы принимают явную форму; 4) последние правители, с которыми связана гибель государства или династии. Но все это отдельные этапы истории. Описание только их не позволяет составить целостное видение «политического процесса». Для того чтобы избежать неоправданных сокращений, требуется выработка критериев характеристики периодов всех трех уровней.

Характеристика периодов (эпох, периодов, правлений)

Поскольку основной вопрос, который освещается в «хрониках» и «летописях», — это вопрос о высшей власти, то следует выяснить, как в них фиксируется ее состояние и динамика изменения этого состояния. Критерии их характеристики должны быть устойчивыми, их не должно быть много и они должны носить универсальный характер. Данным условиям, на наш взгляд, отвечают две группы критериев, которые

¹ Это неслучайно — ведь каждое значительное правление составляет историческую эпоху со своими индивидуальными характеристиками, поэтому часто достаточно назвать имя носителя власти: монарха, президента или премьер-министра, чтобы получить четкий образ этой эпохи (Россия Петровского времени). Это характерно и для общественного сознания нашего времени (Великобритания времен М. Тэтчер).

историки часто используют в своем обыденном языке. Первая группа фиксирует «статика» (состояние) института высшей власти: УСТОЙЧИВОСТЬ — КРИЗИС. Вторая группа характеризует «динамику» (процесс) изменения положения института высшей власти: УСИЛЕНИЕ — [динамичное равновесие] — ОСЛАБЛЕНИЕ. Будем использовать их в качестве понятий при описании «политического процесса»¹.

«Статика» — характеризует состояние, «динамика» — описывает процесс. Скажем о них подробнее, будем опираться на характер сообщения «хроник», в которых фиксируется заведомо небольшое число событий и явлений. Естественно, в реальной политической практике число действий и событий значительно больше, но это иная тема. Мы говорим об анализе текста источников, в которых все события сокращены до минимума.

Характеристики состояния («статика»). «Устойчивость» — это сохранение высшей власти в руках самого правителя или каких-либо представителей высшей знати, которые могут осуществлять управление страной. Современником такое состояние власти воспринимается как стабильность. Об устойчивости свидетельствует и отсутствие сообщений «хроники» за определенный отрезок времени, что говорит о том, что существенных событий, менявших ситуацию в одну или другую сторону, не произошло. «Устойчивость» во многом обеспечивается дуальностью высшей власти — она реализуется одновременно в двух сферах: светской и сакральной (см. ниже).

¹ Впервые об этом было написано в совместных тезисах, которые появились в результате изучения истории царства Цзинь (1-е тыс. до н. э.) (см.: *Деоник Д. В., Таркина А. И., Ульянов М. Ю.* Метод выделения и краткой характеристики периодов в истории одного государственного образования Восточной Азии: на примере Цзинь (период Восточное Чжоу, VIII—III вв. до н. э.) // Ломоносовские чтения. Научная конференция. Апрель 2004 г. Востоковедение: Тезисы докладов. Кн. 1. М., 2004. С. 37—43). Этот подход был успешно апробирован М. С. Целуйко и П. В. Халтуриной (см.: *Целуйко М. С.* Политическая история царства Цзинь (VIII—III вв. до н. э.): основные периоды и их характеристика // История Китая: Материалы китаеведческой конференции ИСАА при МГУ (май 2004 г.). М., 2005; *Халтурина П. В.* Борьба за Великую Равнину в период Чжаньго: войны между царствами Вэй и Цзинь // 41-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2011).

«Кризис» — временная или окончательная утрата возможности управления. Это узловой момент истории, приоритетная информация для любой «хроники». Кризис любой силы и любого охвата оказывает воздействие на высшую власть и содержит в себе угрозу утраты управляемости или политического контроля над обществом ее носителем. Кризис при дворе, в столице и стране протекает с разной динамикой: кризис при дворе обладает наименьшей амплитудой, поэтому кризис в стране всегда начинается с некоторым запозданием. По-видимому, этот временной период и воспринимается в обществе как «серебряный век».

«Хроники» чаще всего фиксируют кризисы высшей власти, которые связаны с нарушением механизма наследования: сравнительно долговременным может быть «кризис наследования», сравнительно кратковременным — «кризис передачи власти». В различные кризисы вовлечены различные слои представителей знатных родов: от узкого круга придворной знати (в период перехода власти) до широких слоев региональной знати (в период краха государств или смены правящих династий).

Итак, «устойчивость» — это сохранение относительного равновесия, «кризис» — это следствие нарушения равновесия; «устойчивость» — сравнительно длительное состояние, «кризис» — сравнительно короткое. Как правило, начало периодов описывается через динамику (усиление), а конец через статику (кризис). Соответственно «кризис» маркирует конец периода, а начало выхода из него, «усиление», является критерием начала нового исторического периода.

Характеристика тенденций («динамика»). Высшая власть всегда пребывает в динамичном состоянии. Каждое упомянутое в «хронике» действие носителя высшей власти (а они, как правило, сравнительно немногочисленны) может расцениваться как ведущее либо к ее «ослаблению», либо к «усилению».

Признаки *ослабления — усиления* являются результатом интерпретации сведений источников. Они содержатся во всех сообщениях: о «действиях» — правителя и других персоналий в религиозной, политической, социальной и экономической сферах; о «событиях» — природных явлениях и бедствиях (большая часть которых может трактоваться как знамение), неперсонифицированных деяниях, сверхъестественных происшествиях (появление драконов).

Назовем некоторые типичные сообщения источников, которые могут являться признаками процессов «усиления» или «ослабления». Внутриполитические факторы: проведение преобразований, назначения высокопоставленных чиновников, перенос столицы — «усиление». Важнейшим признаком «усиления» в «хрониках» является сообщение о назначении наследника, а затем в конце правления — передача власти преемнику. Это хорошо видно на примере передачи циньским правителем Сянь-гуном (384–362 гг. до Р. Х.) власти своему сыну Сяо-гуну (361–338), при котором произошли реформы Шан Яна в Цинь и с которого традиция начинает отсчет значительного усиления царства Цинь¹. Рост светского и культового строительства также позволяет фиксировать усиление власти правителя в светской или сакральной сфере. Например, циньский правитель Вэнь-гун (765–716 гг. до Р. Х.), желая укрепить свою власть на новых территориях, построил жертвенник в районе будущей столицы царства Цинь и принес там жертвы².

Об «ослаблении» свидетельствуют мятежи знати (например, после смерти циньского правителя Нин-гуна (715–704 гг. до Р. Х.) в Цинь произошел мятеж знати, в результате которого законный наследник был отстранен и к власти был приведен слабый младший сын Чу-цзы (704–698 гг. до Р. Х.), которого через шесть лет убили те же сановники, которые привели к власти³); убийство соратников правителя (например, после смерти циньского правителя Му-гуна (659–621 гг. до Р. Х.) его соратники были убиты и принесены в сопроводительную жертву при обряде погребения правителя⁴); смерть наследника (так, после смерти своего наследника в 718 г. до Р. Х. циньский правитель Вэнь-гун вынужден был передать власть внуку, с чего в Цинь начался затяжной политический кризис⁵) и др.

Внешнеполитические факторы: удачные военные походы против других, породнение с правителем сильного царства — «усиление» (оба

¹ См.: *Сьма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М., 2003. Т. 2. С. 39.

² Там же. С. 20.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Там же. С. 20.

последних характерных признака характерны для правления циньского правителя Му-гуна, который породнился с царством Цзинь¹ и в то же время успешно воевал²). Поражения в войнах, набеги – «ослабление».

Природные явления: благоприятные знамения – «усиление»; неблагоприятные знамения, природные бедствия (засуха, наводнение, землетрясения, набеги саранчи), аномальные погодные явления – признаки «ослабления». В случае с упоминаниями в «хрониках» природных явлений мы зачастую сталкиваемся с упомянутым ранее феноменом использования «специфических элементов историописания». Действительно, сообщения такого рода особо значимы, поскольку часто включались в текст не столько с целью информировать о реальном историческом событии, сколько передать некоторые обстоятельства протекания политической борьбы, которые не могли быть названы буквально. Рост неблагоприятных знамений может отражать начало напряжения в отношениях между правителем и знатью, свидетельствовать о недовольстве его самостоятельными действиями. Их значительное увеличение говорит об усилении борьбы и о том, что правитель уступает в ней.

Это видно на примере не существовавших в реальности солнечных затмений (этот элемент удобен тем, что может быть проверен однозначно). Например, записи о правлении императора Хуй-ди в *Хань шу* перед сообщением о его смерти говорится сразу о двух затмениях, идущих подряд³. Первое из них было на самом деле, второе – нет⁴, что и позволяет считать его «специфическим элементом историописания».

При кажущейся простоте эти критерии помогают систематизировать сравнительно немногочисленные сообщения древних и средневековых «хроник» и «летописей» (особенно те, в которых не упомянуты действия представителей каких-либо социальных сил в борьбе

¹ *Сыма Цянь*. Исторические записки... С. 27.

² Там же. С. 32.

³ Хань шу. Пекин, 1962 (гл. 2). С. 92.

⁴ Подробнее об этом см.: http://www.secl.ru/eclipse_catalog/-187_7_17.html; http://www.secl.ru/eclipse_catalog/-187.html (последнее обращение – январь 2012 г.).

за власть) и интерпретировать их сведения с точки зрения анализа «политического процесса». Таким образом, их использование позволяет составить целостное видение «политической истории» на протяжении нескольких сотен лет, что является важным условием ее последовательного изложения. Они дают возможность фиксировать все ключевые действия и поворотные события, значимые для этого изложения; а также помогают унифицировать и формализовать подходы к описанию «политического процесса». С их помощью можно характеризовать периоды, отмечая и состояния, и тенденции в изменении не только высшей власти, но и в государстве в целом, поскольку процессы в социальной, экономической и культурной сферах не просто связаны, а во многом напрямую определяются процессами в политической сфере.

Для корректной интерпретации сообщений «хроник», содержащих указание на действия, которые по определению кратки и лишены детализаций, необходимо знать особенности социального положения и закономерности поведения во власти основных участников «политического процесса» и основные приемы борьбы за власть.

III. Основные субъекты «политической истории» и некоторые приемы борьбы за высшую власть

Основные участники борьбы за высшую власть – это правитель и его наследник, а также родственники по мужской и женской линиям, соратники правителя, представители высшего чиновничества и евнухи – все они могут образовывать придворные группировки¹. Отметим то, что представитель каждой из этих групп может становиться *соправителем*, то есть являться главой исполнительной власти². Фавориты и фаворитки носителей высшей власти, на наш взгляд, занимают несколько обособленное положение и требуют отдельного рассмотрения. Следует учи-

¹ См.: *Деоник Д. В., Ульянов М. Ю.* Кризис 1127 г. и проблема перехода власти в средневековом Вьетнаме (Дайвьете) от Первых ко Вторым Поздним Ли // Традиционный Вьетнам. Вып. III. М., 2008, С. 66–71.

² См.: *Мельников С. В.* Наследование престола на Руси и институт соправительства как факторы централизации // Вопросы истории. 2001. № 11–12.

тывать, что элиты, как и все остальные социальные группы, находятся в развитии и в каждый исторический период их характеристики имеют свои специфические черты.

Ниже подробнее скажем о правителе, дворе и придворных группировках. Укажем некоторые закономерности их политического поведения, которые помогают понимать сообщения «хроник».

Правитель

Две сферы высшей власти. При характеристике правления и для понимания стратегий в борьбе за власть ее участников будем исходить из того, что высшая власть реализуется в двух сферах — реальной и сакральной. Первая означает возможность принятия властных решений и непосредственного влияния на управление, вторая требует от правителя регулярного исполнения ритуально обусловленных действий — участия в религиозных и протокольных церемониях. Первая может осуществляться не только государем, но и представителем знати, а вторая — только носителем высшей власти, который во всех культурах в той или иной степени считается посредником между божественным миром и миром людей.

На всех этапах борьбы за власть представители знати стараются не допустить усиления правителя в сфере реальной власти. Правитель же, как правило, стремится сохранить и расширить свое влияние на принятие властных решений. Чтобы не допустить этого, знать стремится вытеснить его в сакральную сферу, тем самым ограничив его возможности участия в управлении.

В «хронике» на то, что правитель оттесняется в сакральную сферу, указывает увеличение числа сведений о посещении культовых мест, храмовом строительстве, жертвоприношениях и т. п. В качестве примера приведем правление пятого императора Западной Хань У-ди. За 55 лет его правления было совершено 44 жертвоприношения (тогда как в предшествующие правления в Западной Хань не производилось больше одного жертвоприношения). Жертвоприношения становятся особенно интенсивными к 113 г. до н. э., к середине правления, и сохраняют интенсивность до конца правления. В этот же период, в 112 г. до Р. Х., У-ди фактически вынужден отдать столицу под управление сначала первому министру Ши

Цину, а затем — первому министру Гунсунь Хэ¹, который имел связь с родственницей императрицы². Это свидетельствует о вытеснении правителя в сакральную сферу, ведь до 112 г. до Р. Х. У-ди принимал жесткие решения в отношении первых министров, многие из которых находились на должности не более трех лет, а затем погибали в тюрьме или были казнены. А вот Ши Цин и Гунсунь Хэ пробыли на должности девять и двенадцать лет соответственно — У-ди вынужден был пойти на компромисс³.

Ключевые этапы одного правления. Поскольку важнейшим содержанием «политического процесса» является борьба за высшую власть (и ее достижение ни в коем случае не означает прекращение борьбы), то именно ее этапы и могут быть положены в основу периодизации и характеристики правления.

1. *Борьба за достижение власти* — этап, который непосредственно предшествует вступлению на престол. Связан с интенсивной борьбой всех вовлеченных в политический процесс сил. Будущий правитель может быть как активным, так и пассивным участником этой борьбы — уже на этом этапе начинает реализовываться его «стратегия выживания»⁴.

2. *Борьба за удержание власти* — этап, который предполагает защиту носителем высшей власти своего права на власть и зачастую своей собственной жизни, а значит, и физического сохранения своей семьи и всего рода. Особенно остро протекает в первые месяцы, продолжается около одного—двух лет.

3. *Борьба за возможность реализации власти* — этап, который в скрытом виде начинается еще во время борьбы за удержание власти, в явном — сразу после ее завершения. Суть ее в том, что группы знати, как

¹ Подробнее об этом см.: Башкеев В. В. Интенсификация жертвоприношений в правление ханьского У-ди как признак политической борьбы: Тезисы // 42-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 6. М., 2012. С. 157–160.

² Хань шу. Пекин, 1962 (гл. 36). С. 2878.

³ Хань шу. Пекин, 1962 (гл. 6). С. 208–209. Подробнее см.: Башкеев В. В. Взаимодействие первого министра (*чэнсяна*) и главного цензора (*юйшидафу*) в Западной Хань с 202 по 87 г. до н. э. // 41-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 3. М., 2011.

⁴ См.: Кут С. Августейший мастер выживания. Жизнь Карла II. М., 2004.

уже говорилось выше, будут стремиться сократить возможности правителя в сфере реальной власти (управления) и соответственно оттеснить его в сферу сакральной власти, принуждая отправлять религиозные ритуалы и выполнять представительские функции.

4. *Борьба за передачу власти* — этап, в течение которого власть переходит (передается) от одного правителя к другому. В скрытой (латентной) форме длится большую часть правления, начиная с того момента, когда носитель высшей власти только задумывается о преемственности; а открытую (потому часто острую) форму принимает после или при попытке официального назначения наследника. В последние годы правления борьба со знатью, как правило, обостряется вплоть до «принуждения к смерти» правителя, и последующее его возвеличивание после смерти не должно сбивать историка.

При составлении периодизации надо учитывать, что во времени некоторые эти этапы могут частично накладываться друг на друга. Вопрос о границах периода внутри правления должен решаться с учетом важнейших событий, приведших к изменению положения правителя — к значительному усилению или ослаблению.

Сроки правления. В изучении древности и средневековья одним из важнейших критериев для характеристики внутренней истории являются сроки пребывания государей у власти. С ними связаны некоторые закономерности, знание которых помогает историку-древнику и медиевисту, работающему в условиях постоянного дефицита информации, понять характер правления. Правления могут быть оценены следующим образом: 1) краткие — до 5 лет включительно (сверхкраткие — до 1 года); 2) средние — с 6 до 15 лет; 3) длительные — более 16 лет (сверхдлительные — после 25 лет).

В определенной степени это интегральная оценка правления. Даже если о правлении данного государя ничего не говорится в источниках, можно отметить следующие закономерности.

Сверхкраткое (несколько месяцев) правление — свидетельство продолжения кризиса высшей власти и обострения борьбы за нее, часто сопряжено со смертью правителя (как правило, в результате убийства). Краткое правление (до 5 лет), как правило, говорит о продолжении борьбы, но в более мягкой форме и свидетельствует о поражении правителя на этапе удержания власти.

Средний срок устойчивости высшей власти создает условия для бескризисной передачи власти преемнику и своевременного обновления (омоложения) элит. Длительное правление одного государя (более 15 лет) также говорит об устойчивости высшей власти, но создает условия для возникновения кризиса. А сверхдлительное правление в завершении обычно сопряжено с «кризисом наследования» — правитель в борьбе за реализацию власти часто уничтожает или отстраняет старших сыновей, а в борьбе за передачу власти пытается передать ее младшему сыну, который вступает на престол в молодом возрасте и сталкивается при удержании власти с большими сложностями. Яркий пример — 54-летнее правление западноханьского императора У-ди (141–87 гг. до Р. Х.), которое закончилось мятежом его старшего сына и жены, предпринявших в 91 г. до Р. Х. попытку военным путем захватить столицу Чанъань¹.

Двор и придворные группировки

Политическая борьба протекает при дворе. Двор — это место, где сходятся все нити общества, здесь собираются представители всех наиболее влиятельных родов, для одной части которых характерно стремление к достижению благ, для другой — к их сохранению и наращиванию. Выявление и изучение деятельности придворных группировок — один из самых сложных и важных вопросов изучения борьбы за власть.

Придворные группировки складываются и действуют в течение всего правления. За каждой группировкой стоит часть знати, объединенная по разным признакам: родовым, земляческим, ведомственным, личным. В «хронике» группировки, как правило, олицетворены ее лидером. Поскольку круг персоналий, которых упоминает «хроника», невелик, то даже о деяниях этих людей, не говоря о всех других, сведений, как правило, немного.

На разных этапах правления складывается различная конфигурация действующих сил. В целом состав группировок неоднороден, они могут носить кратковременный и долговременный характер, число их членов непостоянно. Соотношение сил и влияния группировок — величина подвижная.

¹Хань шу. Пекин, 1962 (гл. 6). С. 208–209.

Между группировками происходит соперничество за влияние и блга. Их взаимоотношения резко обостряются, когда приближается время передачи власти. Тогда борьба принимает наиболее жесткие и бескомпромиссные формы. Суть ее в том, чтобы либо поддержать правителя в его стремлении передать власть потенциальному преемнику (редко), либо привести к власти наследника, желательно малолетнего, который бы устроил представителей сильнейших родов (значительно чаще). Таких претендентов может быть несколько.

Приведем пример противоборствующих группировок, сформировавшихся к концу правления первого императора государства Западная Хань (202 г. до Р. Х. – 8 г. по Р. Х.) Гао-цзу (Лю Бана). К 195 г. до Р. Х. при дворе шла острая борьба между императором, лояльными ему силами с одной стороны и родом его жены императрицы Люй и ее соратников – с другой. На стороне Лю Бана, наряду с его восемью сыновьями, выступали его земляки и соратники Сяо Хэ (первый министр) и Чжоу Бо (военный министр). Также важную роль в борьбе играли роды женских родственников – род Бо (его представительница родила Лю Бану сына, который станет императором после свержения рода Люй) и род наложницы Ци, родившей Лю Бану любимого сына, которого он хотел сделать наследником вместо сына от императрицы Люй. На стороне рода Люй был земляк Лю Бана военачальник Фань Куай, женатый на младшей сестре императрицы, и представители знати из других родов – Яньский *ван* Лу Вань, а также носители титула знатности *хоу* Шэнь Ицзи и Чжан Лян. Между представителями этих двух группировок к 195 г. до Р. Х. разыгралась ожесточенная борьба, в результате которой императору не удалось реализовать свои намерения по смене наследника, более того – он сам погиб, и, вполне очевидно, насильственной смертью¹.

Поскольку высшая власть всегда сопровождается борьбой за нее и в «хрониках», как правило, есть сообщения о ней, то необходимо выявить и описать важнейшие ее приемы. Их знание позволяет точнее интерпретировать сообщения «хроник».

¹Хань шу. Пекин, 1962 (гл. 1Б). С. 77–79.

Способы борьбы за высшую власть

Компромиссы – важнейший инструмент удерживания власти. В своих поступках носитель высшей власти ограничен нормами придворного этикета, а в своих политических деяниях – условиями компромиссов с различными слоями знати. Компромиссы служат для поддержания динамического равновесия во властных отношениях между правителем и всеми участниками политического процесса. Устойчивое сравнительно долговременное правление основывается на системе компромиссов и во многом обеспечивается ею. Компромиссы носят временный характер. Это инструмент стабилизации и условие наращивания «потенциалов» для дальнейших действий сторон в борьбе за власть. Заключение компромиссов – важнейший способ удержания власти на всех четырех этапах борьбы за нее. На каждом этапе правления их цели и задачи несколько различаются. Большая часть компромиссов заключается на этапе борьбы за удержание власти.

Важнейший механизм установления компромисса и создания новой конфигурации в расстановке сил при дворе – это брак самого правителя (в условиях полигамии), наследника и других сыновей. Но брак может быть и по принуждению. Тогда это еще одно средство ограничения властных возможностей правителя. Заключение компромисса не есть примирение – это переход борьбы в другую форму, их разрыв ведет к обострению борьбы. Постоянное перезаключение компромиссов является важнейшим условием устойчивой власти. Но этот процесс предполагает и возможность перехода к силовому противостоянию, которое несет угрозу для жизни правителя.

Компромиссы, таким образом, являются важнейшей составляющей в исследовании «политической истории», но в «хрониках» о них редко сообщается напрямую – их необходимо выявлять. По различным (часто косвенным) признакам приходится определять, с кем в данный период правления носителем высшей власти компромисс был заключен, а с кем и почему разорван.

Это во многом объясняет неожиданное на первый взгляд появление сообщений о казнях или поощрениях представителей знатных родов или начавшихся переназначений чиновников. Если правитель контролирует ситуацию, то он может создавать систему сдержек и противовесов, в противном случае на ключевые должности будут на-

значаться члены наиболее влиятельной группировки. Пример такого компромисса — подбор придворных чиновников третьим императором империи Западная Хань (202 г. до Р. Х. — 8 г. по Р. Х.) императором Вэнь-ди (180—157 гг. до Р. Х.). Он пришел к власти после острейшего кризиса, после завершения смертельной межродовой борьбы между родами Лю (род основателя династии Лю Бана) и Люй (род его жены-императрицы). Борьба эта, согласно источникам, заканчивается победой Лю и физическим уничтожением представителей рода Люй. Тогда ключевые высшие посты (первого министра и военного министра) получили люди, непосредственно участвовавшие в разгроме Люй. Однако это не помешало императору Вэнь-ди в первые годы своего правления принять ко двору Юань Ана, ранее служившего секретарем брата покойной императрицы Люй. Род Юань был очень влиятелен на протяжении всего предшествующего правлению Вэнь-ди периода, и император, видимо, вынужден был закрыть глаза на близость Юань Ана к смертельным врагам правящего рода¹.

Для перезаключения компромиссов или отказа от них используются различные приемы политической борьбы. Они могут быть ненасильственными и насильственными. К числу первых отнесем «дискредитацию», а вторых — «мятежи» высшей знати. Между ними лежит такой прием, как «провокация», которая может привести к насилию, а может позволить избежать или минимизировать его. Рассмотрим их.

Дискредитация: балансирование на грани насильственных действий. Дискредитация используется тогда, когда необходимо вывести человека из политической борьбы. Этим приемом пользуются обе стороны — и носитель высшей власти, и представители придворных группировок. Это одно из самых массовых и эффективных средств, поскольку высшая власть, с одной стороны, и высокое социальное положение представителя знати, с другой, предполагает поддержание авторитета, сохранение и наращивание харизмы, сохранение «лица». Дискредитация подрывает все это и этим ослабляет позиции человека в борьбе за власть, часто существенно препятствует ее достижению. Оправдание (реабилитация)

¹ Хань шу. Пекин, 1962 (гл. 49. Жизнеописание Юань Ана и Чао Цо). С. 2267.

возможно на новом витке политической борьбы, когда противники меняются местами.

Дискредитация также может быть направлена в будущее — проигравший соперник (смещенный носитель власти) должен быть опорочен и перед потомками. Это надо учитывать при анализе сообщений «хроник» — принимая на веру характеристики проигравших политических деятелей, можно допустить ошибку.

Механизмы «провокации»: «мятеж» и обвинение в «подготовке мятежа». Еще один прием борьбы за власть — это *провокация*. Он используется тогда, когда *дискредитация* не дала желаемого результата. *Провокация* позволяет подтолкнуть развитие ситуации в нужное русло. Когда правитель успешно использует этот прием, он получает шанс значительно усилить свою личную власть. Но «провокация» может быть использована и против него.

Если перевес сил на стороне правителя и он стремится еще более усилить свои позиции, то одним из эффективнейших видов провокации становится «обвинение в мятеже» или даже в «подготовке к мятежу». Этот прием политической борьбы с чрезмерно усилившимися родами знати или придворными группировками, который позволяет устранить с политической арены большие массы политических соперников. В «хронике» упоминания *провокаций* встречаются редко, чаще сообщается об их результатах, но в «летописях», напротив, они зачастую описываются сравнительно подробно.

Пример первого варианта в империи Западная Хань в правление императора Вэнь-ди (180—157 гг. до Р. Х.) — это явно спровоцированный «мятеж» 177 г. до Р. Х. вана Лю Синцзюя из правящего рода Лю (соответственно, «родственника по мужской линии»). «Мятеж» заключался в том, что *вану* почему-то вменили в вину желание внезапно напасть на внешних врагов империи в то время, пока император отсутствовал в столице. За это его принудили совершить самоубийство (вид «гуманной» казни), а все соучастники «мятежа» были помилованы¹.

Еще один пример — это знаменитый «мятеж семи ванов» 154 г. до Р. Х. Против императора Цзин-ди выступили представители боковых ветвей правящего рода — ваны У-ван Лю Пи, Цзяоси-ван Лю Ан, Чу-ван

¹ Хань шу. Пекин, 1962. С. 120.

Лю Моу, Чжао-ван Лю Суй, Цзинань-ван Лю Би-гуан, Цзычуань-ван Лю Сянь, Цзяодун-ван Лю Сюнцзюй. Остается загадкой, был ли это именно «мятеж» родственников по мужской линии против усиливающегося правителя или все-таки «провокация» двора в отношении к ним.

После его подавления император получил возможность избавиться от сравнительно самостоятельных родственников, с которыми надо было договариваться, но нельзя было ими управлять. Гораздо сподручнее оказалось заменить их на сыновей. Это также было использовано двумя придворными группировками для борьбы друг против друга. Главный цензор (второе лицо в чиновничьей иерархии того времени) Чао Цо и начальник охраны внутренних покоев Юань Ан обвинили друг друга в инспирировании этого мятежа. В очной схватке за благосклонность императора более успешным оказался Юань Ан, и в результате Чао Цо был публично казнен с официальной формулировкой, «чтобы извиниться перед семью ванами»¹. Произошли изменения в расстановке сил внутри высшей бюрократии.

Заключение

Итак, написание «политической (событийной) истории» возможно в результате предварительного изучения и описания «политических процессов», основным содержанием которых является борьба за высшую власть. «Хроники», несмотря на краткость, передают ее основные перипетии в достаточно полном виде, но «зона умолчания» в них всегда больше «зоны сообщения».

В целом текст «хроники» представляет собой сложную систему, в рамках которой каждое сообщение имеет значение. В них вербализуется далеко не вся историческая информация. Большой объем заложенных в них сведений о «политическом процессе» имеет имплицитный характер, они не могут быть «вычитаны» из источника, но могут быть из него извлечены. Поэтому при анализе «хроник» применение методов текстологического, структурного и количественного анализа может быть очень продуктивным. Для этого прежде всего требуется корректно поставить «счетную задачу» исследования (выражение Д. В. Деопика).

¹ Исторические записки. М., 2002. Т. 8. С. 282–283; Хань шу. Пекин, 1962. С. 142.

Выше была приведена попытка систематизировать подходы и уточнить понятийно-категориальный аппарат, который может быть использован при изучении «политического процесса» на основе анализа текста «хроник». Эти подходы позволяют пройти путь от перевода текста источника (в нашем случае «хроники» или «летописи») через анализ его структуры, количественное и содержательное исследование его сообщений к осмыслению и реконструкции всего хода протекания «политического процесса» и, в конце концов, к написанию «политической (событийной) истории». Некоторые из них уже были реализованы при анализе нарративных и эпиграфических источников по древней и средневековой истории стран Юго-Восточной Азии и Китая самим Д. В. Деопиком или были намечены им.

Нет необходимости говорить, что написанное в данной статье отражает определенный этап исследования и, безусловно, требует дальнейшей проработки и осмысления.

Г. Е. Захаров

История Церкви в свете историко-эксеклюсиологического подхода

Уже два десятилетия прошло с того времени, как гуманитарные науки в России освободились от жесточайшего давления господствующей идеологии и пустились, опираясь на свой собственный исторический опыт, а также опыт европейских и американских научных школ, в свободные искания новых подходов к постижению социокультурной реальности. И в этот процесс стремится включиться в настоящее время богословская наука, в советский период насильственно выведенная государственной властью за скобки гуманитарного знания. Поиск своего места в сообществе гуманитарных наук побуждает теологов к углубленной рефлексии над предметом, задачами и методами богословских исследований, а также над границами своей компетенции и принципами взаимодействия с представителями смежных областей гуманитарного

знания¹. Особенно остро проблема междисциплинарного размежевания встает для церковных историков, поле исследования которых — Церковь — находится на самом водоразделе между историческими и богословскими науками.

Казалось, самым простым решением проблемы было бы признание того, что феномен Церкви включает в себя два аспекта: «небесный», сакраментальный или мистический и «земной», институциональный или исторический. Таким образом, первый аспект может стать предметом изучения экклесиологии, дисциплины, относящейся к блоку богословских наук и предполагающей исследование идеи и образа Церкви в рамках христианской традиции, ведь в конечном счете академическое богословие имеет дело именно с интеллектуальной и символической составляющей Священного Предания. Второй аспект по своей природе должен был бы стать объектом исторического исследования, поскольку Церковь являет собой реально существующий в истории институт (а точнее, множество институтов), инкорпорированный на всех этапах своего исторического существования от поздней античности до новейшего времени в жизнь тех или иных обществ и государств. При таком взгляде на земной аспект церковного бытия Церковь как предмет исторического исследования должна рассматриваться как такая же неотъемлемая часть социокультурной реальности, как и всякое иное сообщество, и соответственно методы и задачи церковных историков должны быть тождественны методам и задачам исследователей, изучающих любые другие исторические проблемы.

Однако при таком четком и в конечном счете искусственном размежевании сфер компетенции историка и теолога в области изучения феномена Церкви взгляд каждого из них окажется ограниченным, а следовательно, и неадекватным по отношению к предмету своего изучения. Историк, игнорирующий богословское понимание феномена Церкви, увидит в ней лишь религиозное сообщество и социальный институт, но не сможет адекватно представить мотивацию поведения его членов, которые считают себя причастными церковному целому и которые переживают единство Церкви как сакраментальную и мистическую реаль-

¹ См.: Польсков К., *свящ.* К вопросу о научном богословском методе // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 93–101.

ность. Таким образом, работа историка может привести к совершенно неоправданному с научной точки зрения обесцениванию феномена Церкви. Исследование же теолога, сосредоточившего свое внимание лишь на экклесиологической мысли и игнорирующего исторические аспекты церковного бытия, будет неадекватным сразу по двум причинам: во-первых, изучение экклесиологической (как и вообще богословской) мысли невозможно вне историко-культурного контекста, поскольку любой текст или образ приобретает смысл лишь в рамках динамического и творческого процесса развития интеллектуальной и духовной традиции; а во-вторых, вне постижения конкретного, исторического опыта церковного бытия Церковь остается лишь абстрактной, лишенной жизни идеей. Если мы считаем, что Церковь как богочеловеческое сообщество существует в реальности, то она должна существовать не только в вечности, но и в истории, поскольку бытие человека исторично и Сын Божий, через Свое Воплощение, также снисходит в историю, в рамках которой Церковь делается, по слову о. Георгия Флоровского, «живым образом вечности во времени»¹.

Таким образом, задачей церковного историка является целостное, историко-екклесиологическое изучение феномена Церкви, при этом экклесиологическая традиция должна исследоваться в историческом контексте, а история церковных общин должна быть соотносена с Церковью как сакраментальной и мистической реальностью. Стремление к тому, чтобы представить феномен Церкви во всей его полноте, требует не размежевания сфер компетенции историков и теологов в этой области, а, напротив, деятельной и творческой взаимной интеграции богословского и исторического знания. Чтобы достичь этого историко-екклесиологического синтеза, церковный историк должен суметь различить в водовороте исторических событий конкретное проявление фундаментальных и неизменных свойств Церкви и дать им истолкование в интеллектуальном и духовном контексте каждого конкретного периода церковной истории. Не пытаясь, разумеется, разрешить эту поистине глобальную проблему в рамках небольшой статьи, мы лишь попытаемся

¹ Флоровский Г., *прот.* Соборность Церкви // Флоровский Г., *прот.* Христианство и цивилизация: Избранные труды по богословию и философии. СПб., 2005. С. 533.

в общих чертах наметить основное, на наш взгляд, направление исследований, которое может получить развитие в целой серии работ, написанных на материале различных периодов церковной истории.

Важнейшим и всеобъемлющим свойством Церкви является кафоличность, то есть буквально «цельность»¹. Прилагательное «кафолический» выступает в качестве определения понятия «Церковь» уже у св. Игнатия Антиохийского, причем сразу становится очевидным его христоцентрический и евхаристический характер: «Только та Евхаристия должна почитаться истинною, которая совершается епископом или тем, кому он сам предоставит это. Где будет епископ, там должен быть и народ, так как где Иисус Христос, там и Кафолическая Церковь» (Ἐκεῖνὴ βεβαία εὐχαριστία ἡγεῖσθω, ἡ ὑπὸ ἐπίσκοπον οὖσα ἢ ᾧ ἂν αὐτὸς ἐπιτρέψῃ. Ὅπου ἂν φανῇ ὁ ἐπίσκοπος, ἐκεῖ τὸ πλῆθος ἔστω, ὡσπερ ὅπου ἂν ᾗ Χριστὸς Ἰησοῦς, ἐκεῖ ἡ καθολικὴ ἐκκλησία)². По утверждению свт. Кирилла Иерусалимского, понятие «кафолический» включает несколько аспектов: вселенское предназначение и распространение (Кафолическая Церковь стремится привлечь в свое лоно все человечество и не может замкнуться в каких-либо региональных, этнических или социальных рамках), благодать совершенного очищения и преображения человека и обладание истиной во всей ее полноте³. И в

¹ Флоровский Г., *прот.* Соборность Церкви... С. 527.

² Ign. Ep ad Smyrn. 8. Рус. пер. цит. по: Писания мужей апостольских. СПб., 2007. С. 437.

³ Cyr. Hieros. Catech. 18. 23: «[Церковь] же называется кафолической, потому что она простирается по всей вселенной, от одного края земли до другого, и учит всецелому знанию и в полноте включает в себя все учения, которые должны стать частью человеческого знания, о вещах видимых и невидимых, небесных и земных, потому что весь род человеческий подчиняет благочестию, начальников и подчиненных, ученых и простых людей, и потому что целостно врачует и исцеляет все виды душевных и телесных грехов и обладает всеми добродетелями в слове и в деле, какие могут быть мыслимы, и всеми духовными дарами» (Καθολικὴ μὲν οὖν καλεῖται διὰ τὸ κατὰ πάσης εἶναι τῆς οἰκουμένης ἀπὸ περάτων γῆς ἕως περάτων, καὶ διὰ τὸ διδάσκειν καθολικῶς καὶ ἀνελλιπῶς ἅπαντα τὰ εἰς γνῶσιν ἀνθρώπων ἐλθεῖν ὀφείλοντα δόγματα, περὶ τε ὄρατων καὶ ἀοράτων πραγμάτων, ἐπουρανίων τε καὶ ἐπιγείων, καὶ διὰ τὸ πᾶν γένος ἀνθρώπων εἰς εὐσέβειαν ὑποτάσσειν, ἀρχόντων τε καὶ ἀρχομένων, λογίων τε καὶ ἰδιωτῶν, καὶ διὰ τὸ καθολικῶς ἰατρεύειν μὲν καὶ θεραπεύειν ἅπαν τὸ τῶν ἁμαρτιῶν εἶδος τῶν διὰ ψυχῆς καὶ σώματος ἐπιτελουμένων, κερτῆσθαι δὲ ἐν αὐτῇ πᾶσαν ἰδέαν ὀνομαζομένης ἀρετῆς ἐν ἔργοις τε καὶ λόγοις καὶ πνευματικοῖς παντοίοις χαρίσμασιν).

этом отношении Кафолическая Церковь противостоит ереси, которая, как указывает Х. Яннарас, «предполагает выбор и предпочтение некоей части истины, которой придается абсолютное значение в сравнении со всей истиной»¹.

Кафоличность, понятая таким образом, находят себе вполне конкретное выражение в истории Церкви, о чем свидетельствует Символ веры, в котором это свойство соседствует со святостью и апостоличностью. Последнее указывает далеко не только на принадлежащую священству власть «вязать и решить», как это утверждает В. Н. Лосский². В «апостольский век» оно находит свое выражение во вселенской апостольской проповеди и основополагающем для всех христианских общин харизматическом апостольском служении. Для второго и последующих поколений христиан апостоличность — это в первую очередь верность апостольскому преданию, причем во всей его многообразной полноте и внутреннем единстве, на чем настаивает св. Ириней Лионский в своей полемике с гностическими сектами, претендовавшими на обладание неким особым тайным знанием, переданным Христом лишь какому-то одному ученику и сокрытым от остальных³. И уже у св. Ириней мы встречаемся с представлением об особом значении в рамках христианского мира апостольских церквей как хранилищ апостольского предания, обладающих особым авторитетом в его истолковании в лице своих предстоятелей, преемство которых в отношении апостолов засвидетельствовано исторически благодаря епископским спискам⁴. Именно верность апостольскому преданию выступает как главный критерий истины в эпоху тринитарных и христологических споров. Причем истинным является не всякое учение, которое опирается на апостольские творения, а то, которое выражает содержащееся в Священном Писании

¹ Яннарас Х. Истина и единство Церкви. М., 2006. С. 35.

² Лосский В. Н. О третьем свойстве Церкви // Лосский В. Н. Боговидение. М., 2003. С. 705.

³ Iren. Adv. Haer. III. 1. 1–2; 11. 7; 13. 1. См.: Пеликан Я. Христианская традиция. История развития вероучения. Т. 1: Возникновение кафолической традиции (100–600). М., 2007. С. 103–115.

⁴ Iren. Adv. Haer. III. 3. 1–4.

апостольское благовестие во всей его парадоксальной полноте¹ без абсолютизации лишь какой-то его части или сведения его к упрощенному минимуму (и в том и в другом случае догматы теряют свой изначально парадоксальный характер). Верность апостольскому преданию требует не слепого подчинения, а творческого переосмысления и поиска совершенной формы его выражения. Плодами этого поиска в области триадологии стал Каппадокийский синтез, раскрывший в полной мере парадокс троического единства (новозаветное учение об Отце как о Едином Боге² и о божественном достоинстве Сына Божия³ и Духа Святого⁴)⁵. В области же христологии это в первую очередь богословие отцов Халкидонского собора 451 г., выразивших учение о том, что «Слово стало плотью»⁶ с помощью подчеркнута парадоксальных терминов: «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно» (ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως ἁδιαίρετως, ἄχωρίστως)⁷. Об исторических проявлениях апостоличности можно говорить бесконечно, в целом же можно сказать, что исследование истории христианской миссии, церковной иерархии, богословской мысли и образования в конечном счете является демонстрацией апостольского

¹ Как отмечает о. Иоанн Бер, «наследие Отцов представляет собой нечто иное, как рефлексию над и «изнутри» Евангелия Иисуса Христа» (*Бер И., свящ.* Становление христианского богословия: Путь к Никее. Тверь, 2006. С. 17).

² Ин 17. 3; 1 Кор 8. 6

³ Ин 1. 1; 20. 28; Рим 9. 5; Кол 2. 9; Евр 1. 8. См.: *Бер И., свящ.* Становление христианского богословия. С. 49–67.

⁴ Мф 28. 19; Деян 5. 4.

⁵ См., например, у свт. Григория Богослова: «Бог разделяется, так сказать, неразделимо и сочетается разделенно, потому что Божество есть Единое в трех, и едино суть Три, в Которых Божество или, точнее сказать, Которые суть Божество» (Διαίρεται γὰρ ἁδιαίρετως, ἴν' οὕτως εἶπω, καὶ συνάπτεται διηρημένως. Ἐν γὰρ ἐν τρισὶν ἢ θεότης, καὶ τὰ τρία ἐν. τὰ ἐν οἷς ἡ θεότης, ἢ, τό γε ἀκριβέστερον εἰπεῖν, ἃ ἡ θεότης) (*Greg. Naz. Or. 39. 11*); «Не успею помыслить о Едином, как озаряюсь Тремя. Не успею разделить Трех, как возношусь к Единому» (Οὐ φθάνω τὸ ἐν νοῆσαι, καὶ τοῖς τρισὶ περιλάμπωμαι· οὐ φθάνω τὰ τρία διελεῖν, καὶ εἰς τὸ ἐν ἀναφέρομαι) (*Greg. Naz. Or. 40. 41*, рус. пер.: *Григорий Богослов, свт.* Творения. М., 2010. Т. 1. С. 455, 483).

⁶ Ин 1. 14.

⁷ *Evagr. Schol. Hist. eccl. II. 4.*

преемства в Церкви, то есть ее целостного единства в пространственно-временном аспекте.

Однако это «горизонтальное» единство приобретает смысл лишь в комбинации с «вертикальным», то есть со святостью — историческим подтверждением Богочеловечности Церкви и осуществления в ней связи человека с Богом. Эта связь, проявляющаяся в центральной для всех христианских общин во все времена сакраментальной, литургической жизни, принадлежащей вечности, но осуществляющейся во времени, имеет еще и совершенно уникальные, личностные плоды: святых, то есть людей, достигших полноты единения с Богом уже в этом веке. В этой связи не случайно, что свт. Никита Ремесианский определяет Церковь как «собрание всех святых» (*ecclesia quid aliquid, quam sanctorum omnium congregatio?*)¹ Жизнь святых, по своей сути, является важнейшим историческим свидетельством реальности бытия Церкви как Тела Христова. Опыт святости имеет своим единственным прообразом земную жизнь Христа и мистически связывает человека с единым и истинным Богом. И в этом смысле он остается исторически неизменным, однако в то же время он является исключительно личностным и многообразным, причем это многообразие зависит от множества социальных, культурных и даже политических факторов, от

¹ *Niceta Remes. Explanatio Symboli. 10.* Далее свт. Никита раскрывает свое определение Церкви: «От начала же века патриархи ли, Авраам ли, Исаак и Иаков, пророки ли, апостолы ли, мученики ли, другие праведники ли, которые были, есть и будут, суть единая Церковь, так как одной верой и образом жизни они освящены, запечатлены одним Духом, соделаны единым Телом, Главой же этого Тела является Христос, как утверждается и как написано» (*Ab exordio enim saeculi sive patriarchae, sive Abrabam, Isaac, et Jacob, sive prophetae, sive apostoli, sive martyres, sive caeteri iusti qui fuerunt, qui sunt, qui erunt, una Ecclesia sunt, quia una fide et conversatione sanctificati, uno spiritu signati, unum corpus effecti sunt: cuius corporis caput Christus sicut perhibetur et scriptum est*). Однако участие в жизни Церкви и общение со святыми, по свт. Никите, возможно для всех верующих: «Следовательно, верь, что в этой одной Церкви ты достигнешь общения со святыми. Узнай, что есть одна эта Кафолическая Церковь, установленная во всем мире, держаться общения которой ты должен твердо» (*Ergo in hac una Ecclesia crede te communionem consecuturum esse sanctorum. Scito unam hanc esse Ecclesiam catholicam in omni orbe terrae constitutam; cuius communionem debes firmiter retinere*). Ср. с Апостольским символом: *sanctam ecclesiam catholicam, sanctorum communionem.*

конкретных обстоятельств исторического бытия Церкви. Более того, являясь ориентиром, опыт святости сам представляет собой важнейшую созидательную силу, преобразующую историческую реальность. И в этом смысле история святости и ее роль в истории Церкви, равно как и в ментальной, социальной, политической и культурной истории различных эпох, требуют углубленного исторического изучения и богословского осмысления.

Рассмотрев в общих чертах конкретные пути реализации в истории кафоличности, святости и апостоличности, нам стоит теперь обратиться к самому понятию «Церковь». О парадоксальной напряженности между единством Церкви Христовой и множественностью местных церквей, сохраняющих единство в общении или даже утративших связи между собой, написано очень много. Укажем лишь на один важный в контексте настоящей статьи аспект проблемы. Как прекрасно показал отец Николай Афанасьев, кафоличностью обладает не некое абстрактное умоглядное церковное целое, а каждая конкретная евхаристическая община — местная церковь. Все местные церкви являют собой Тело Христово во всей Его полноте и внутренне тождественны друг другу, поскольку Христос один и Евхаристия одна¹. В противном случае учение о Церкви как о Теле Христовом превращается в отвлеченную, безжизненную идею. Подобного рода взгляд на природу кафоличности никак не разрушает ее вселенскую составляющую, поскольку местные церкви находятся в постоянном общении между собой, в первую очередь через своих епископов, и это общение порождает такие важнейшие в истории Церкви институты, как соборы и церковное первенство на региональном и вселенском уровне. Впоследствии, несмотря на существование внутрицерковных инструментов координации взаимоотношений местных Церквей, подобного рода функции берут на себя и христианские императоры, служение которых уже с IV в. все более и более приобретает церковный характер. Возникшая таким образом антиномия священства и царства

¹ Афанасьев Н., *протопр.* Церковь Духа Святого. Киев, 2010; Афанасьев Н., *протопр.* Две идеи вселенской церкви // Путь. 1934. № 45. С. 16–29; Афанасьев Н., *протопр.* Кафолическая Церковь // Православная мысль. 1957. Вып. 11. С. 17–44.

так никогда и не была однозначным образом разрешена в христианской истории¹.

Однако если в бытии раннехристианских общин-экклесий евхаристическая природа Церкви выступала совершенно явственно, поскольку каждая община, возглавляемая епископом, была самостоятельна и самодостаточна, а позднеантичный город, в котором существовала местная церковь, никак не искажал ее природы, а, напротив, был той средой, где она (несмотря на гонения властей и возмущения городской черни) могла раскрыть ее в полной мере, то в мутных водах мононациональных и многонациональных государств, этнических меньшинств и диаспор Нового и Новейшего времени изначальные принципы церковной организации оказались видоизменены кардинальным образом. Место единой евхаристической общины раннехристианского времени, являющей Церковь во всей ее полноте, заняла сложная трехуровневая структура: приход — епархия — Поместная Церковь, каждый из элементов которой унаследовал лишь часть свойств древней экклесии. Негативное отношение сторонников «евхаристической экклесиологии» к подобного рода историческим изменениям вполне понятно: Поместная Церковь перестала быть евхаристической общиной, а превратилась в конгломерат общин, объединенных по политическому, этническому или историко-культурному принципу вокруг одной первенствующей кафедры². Однако подобного рода эволюция была мотивирована не

¹ По мнению о. И. Мейендорфа, византийская идея «гармонии» священства и царства имеет эсхатологический характер и не может быть определена в «юридических, политических или социальных категориях» (Мейендорф И., *протопр.* Христианское благовестие и социальная ответственность: православное Предание в истории // Мейендорф И., *протопр.* Живое Предание. Свидетельство Православия в современном мире. М., 2004. С. 311).

² Отец Николай Афанасьев призывал к возвращению Православной Церкви к первоначальному пониманию кафоличности: «Православию легче, чем католичеству, вернуться к кафолическому пониманию церкви, так как в православии кафолическая идея, хотя и замутнялась и искажалась икуменическим (имперско-универсалистским. — Г. З.) пониманием, но никогда не исчезала из догматического сознания. Даже то, что исторически было слабостью православия — развитие поместных церквей, — может при иных условиях обернуться, как его сила. Идея поместной церкви могла возникнуть на некоторой — пусть не вполне ясной — основе кафолического понимания церкви: она обладает в те-

столько деградацией экклесиологического сознания, сколько конкретными историческими обстоятельствами бытия Церкви в различных регионах мира. И задачей церковного историка является не вынесение обвинительного или оправдательного приговора многим столетиям церковной истории, а исследование вопроса, как Церкви удавалось сохранить верность своей природе в столь неблагоприятных для нее условиях. Кроме того, исторический опыт бытия Церкви может стать важной опорной точкой для попыток приведения в наши дни церковной организации в большее согласие с самой сутью церковного бытия в быстро меняющемся современном мире, в рамках которого государственные, этнические и культурные границы все больше и больше теряют свое значение.

А. Г. Авдеев

Стихотворная эпитафия черниговского полковника Якова Кондратьевича Лизогуба¹

В Елецком Успенском монастыре сохранилось надгробие со стихотворной эпитафией черниговского полковника Якова Кондратьевича Лизогуба, умершего в 1698 г.² Оно пережило запустение монастыря в

перешнем понимании всей церковной полнотой. Эта идея может стать и становится уже началом возрождения кафоличности в православии. «Время для этого благоприятно»» (*Афанасьев Н., протопресв.* Две идеи... С. 29).

¹ Глава представляет собой переработанный вариант ранее опубликованной научно-популярной статьи: *Авдеев А. Г.* «Воин русский храбрый»: Стихотворная эпитафия Якова Кондратьевича Лизогуба // Родная старина. Поиски. Находки. Открытия. 2011. № 3. С. 30–39.

² Русский провинциальный некрополь. Картотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. Кн. IV. М., 1996. С. 243 (далее – РПН–2).

советское время¹ и находится *in situ*². В этом отношении его судьба оказалась более счастливой, нежели стихотворной эпитафии Ивана Домонтовича (ум. 1683) в Николаевском Крупицком Батурином монастыре, погибшей вместе с Никольским собором в 20-е гг. XX в.

Надо сказать, что стихотворная эпитафия Московской Руси второй половины XVII – начала XVIII в. изучена сравнительно слабо. Не до конца решенным остается вопрос о соответствии эпитафий, сохранившихся в большом количестве списков конца XVII–XVIII в., «реальным» надгробным памятникам³. Главный камень преткновения здесь – многочисленность списков и малочисленность уцелевших надгробных плит эпохи восточнославянского барокко со стихотворными эпитафиями.

Интерес к эпитафии Лизогуба подогревается еще и ее расположением на территории бывшей Малороссии, в 1654 г. вошедшей в состав Московского царства и, следовательно, с XVI в. испытывавшей большее воздействие барочной культуры Речи Посполитой. Благодаря ученым монахам – выходцам из Малороссии и Белоруссии – с середины XVII в. это влияние было весьма ощутимо и в Москве – в том числе и в силлабической поэзии. Интересен и язык эпитафии. В восточнославянской силлабической поэзии второй половины XVII в. сложился единый литературный язык. Его основой был синтез «просторечных» языков – русского, украинского, белорусского и польского – с церковнославянским языком «высокой» книжности и богослужения и – частично – с языками западноевропейской учености – латинским и древнегреческим⁴. А эпитафия Лизогуба как раз и дает возможность ознакомиться с особенно-

---

¹ Елецкий монастырь был закрыт в 1921 г. и возвращен Церкви в начале 90-х гг. XX в.

² Код доступа: http://www.gorod.sn.ua/city_919.html (последний доступ: 27.04.2012).

³ Попытку А. П. Богданова, который на примере стихотворных эпитафий, сохранившихся в черновиках Кариона Истомина, попытался доказать, что все они были увековечены в камне (см.: *Богданов А. П.* Стих и образ изменяющейся России. Последняя четверть XVII – начало XVIII в. М., 2005. С. 34, 37, 40), нельзя признать успешной. Критике его концепции будет посвящена отдельная статья.

⁴ См.: *Авдеев А. Г.* Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006. С. 72.

стями поэтического языка Малороссии, что называется, «в реальном режиме».

Яков Кондратьевич Лизогуб, поднявшийся из обычных казаков в малороссийскую элиту, — фигура известная в истории России и Украины¹. Родился он в семье простого казака Кондратия Ивановича Лизогуба в переяславском местечке Гельмязове (ныне село в Золотоношском р-не Черкасской обл. Украины). Возникшее еще во времена Киевской Руси, в 1362 г. оно вошло в состав Великого княжества Литовского. Вплоть до конца XVIII в. основным его населением было казачество.

Новое дворянство Левобережной Малороссии во второй половине XVII в. формировалось главным образом из войсковой старшины², и пример Якова Лизогуба здесь типичен. В 1649 г. он был записан в реестровые казаки, что стало первым шагом по восхождению в элиту. В середине XVII в. Польский сейм пожаловал одного из Лизогубов шляхетством за услуги, оказанные короне, что автоматически ввело в шляхетство весь род³. Около 1662 г. Яков уже был полковником Каневского полка Войска Запорожского. Дальнейшей карьере полковника немало способствовали гетманские усобицы, начавшиеся после смерти Богдана Хмельницкого. Вначале Яков Лизогуб встал на сторону правобережного гетмана Ивана Брюховецкого (1663–1668), сторонника активного сближения с Москвой. В это время он часто выполнял функции наказного гетмана⁴ и в Москве даже вынашивали планы сделать каневского полковника гетманом Правобережной Малороссии, находившейся тогда под властью Речи Посполитой. Неудивительно, что в 1667 г., во время пребывания с посольством в Москве, Лизогуб был пожалован царем Алексеем Михайловичем российским дворянством. После гибели Брю-

¹ Основные факты биографии см.: *Модзалевский В.* Лизогуб Яков Кондратьевич // *Русский биографический словарь.* СПб., 1914. Т. 9. С. 432 (репр.: М., 1996); *Павленко С. О.* Оточення гетьмана Мазепи: Соратники та прибічники. Київ, 2009. С. 91–94.

² *Ефименко А. Я.* Очерки истории Правобережной Украины. Малорусское дворянство и его судьба. М., 2010. С. 151.

³ Там же. С. 187.

⁴ Лицо, избиравшееся казацкой старшиной чаще всего из полковников для руководства казацким войском во время похода.

ховецкого новоиспеченный дворянин поддержал правобережного гетмана Петра Дорошенко (1665–1676), мечтавшего о полной автономии Малороссии, но тот лишил его полковничьей должности и назначил генеральным есаулом. К этому же времени относится и знакомство Лизогуба с Иваном Мазепой — тогда генеральным писарем у Дорошенко. Обиженный понижением по службе, Яков Кондратьевич переметнулся на Левобережье (Гетманщину), вошедшее в состав России, к противнику Дорошенко гетману Ивану Самойловичу (1672–1687), который пытался объединить Право- и Левобережную Малороссию. Дорошенко, недовольный этим «перелетом», не преминул отпустить в адрес Лизогуба колкость: «...а за то хвала Богу, что Лизогуб к гетману подлизался: он как лизнет, то и в пятках горячо будет»¹. В 1677–1678 гг. вместе с Самойловичем Лизогуб участвовал в Чигиринском походе, но полковничества так и не получил. Обиженный тем, что его уход от Дорошенко был оценен столь низко, Лизогуб примкнул к заговорщикам, желавшим смещения гетмана. В июле 1687 г., во время первого Крымского похода, они подали В. В. Голицыну «за себя и за все малороссийское войско челобитную за руками своими в измене и во многом неистовстве к вам, великим государем, подданным вашего Войска Запорожского, обеих сторон Днепра гетмана»². Иван Мазепа, ставший после «дворцового» переворота гетманом, отблагодарил старого знакомого за активное участие в интриге, назначив его наказным полковником Черниговского полка.

Этот полк входил в Войско Запорожское и был одной из его военно-административных единиц. Он был образован весной 1648 г., а его состав и административная территория были определены Зборовским реестром 19 октября 1649 г. Полковым городом стал Чернигов, бывший центр Черниговского воеводства Речи Посполитой. Первоначально в него входили 8 сотен, размещенных по городам и селам Черниговщины и насчитывавших 997 казаков и старшины. К тому времени когда Яков Лизогуб стал полковником, Черниговский полк насчитывал уже 14 сотен.

¹ *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. Т. 2. Київ, 1990. С. 355.

² Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах. Уп. С. Павленко. Т. II. Київ, 2009. С. 29. № 12.

В 1696 г. Яков Лизогуб в качестве наказного гетмана участвовал в Азовском походе Петра I. Штурм укреплений Азова, осуществленный находившимися под его началом запорожскими казаками, сыграл решающую роль в капитуляции крепости, за что полковник получил следующую характеристику царя-реформатора: «...муж в добродетели и в военных трудах искусный»¹. За это «дано из казны монаршей на 15 000 рядовых по два рубля на каждого козака, а на старшину и на знатных людей по 15 червонцев, полковникам по 10 червонцев, а Яков Лизогуб особенно жалован и отпущен в Украину с великою милостию и заверением вольностей козацких»². Особое жалованье царя наказному гетману состояло в 40 соболях, 30 золотых рублях и 3 косяках материи лаудану³.

Как уже говорилось выше, Яков Лизогуб был пожалован московским дворянством, что автоматически вводило его и в малороссийское шляхетство. Но, в отличие от Москвы, в Малороссии, где укоренились традиции Речи Посполитой, атрибутом шляхетства являлся герб, считавшийся наглядным доказательством сословных привилегий и равноправия с польским дворянством⁴. Однако геральдические традиции здесь имели существенные отличия от западноевропейских. Прежде всего, в Речи Посполитой получили распространение не личные гербы, а территориальные, связывавшие шляхетство с той земельной воинской единицей — хоругвью, к которой был приписан шляхтич и в составе которой он выступал во время войны⁵. Право на пользование шляхетскими

¹ Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 14 // Собр. соч. Кн. VII. М., 1991. С. 547.

² Летописец, или описание краткое знатнейших действий и случаев, что в котором году діялось в Украине Малороссийской — обіих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888.

³ *Богословский М. М.* Петр Великий: Материалы для биографии. Т. I: Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672 — 9 марта 1697. М., 2005. С. 335. Лаудан — сорт шелковой ткани, как правило китайского производства.

⁴ *Румянцева В. В.* Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев, 1986. С. 41.

⁵ Там же. С. 38—40.

польскими гербами для русского, литовского, малороссийского и белорусского боярства вне зависимости от вероисповедания, утвержденное Львовским привилеем короля Владислава II (Ягелло) в октябре 1432 г., предусматривало в первую очередь приобретение герба с польской шляхетской эмблематикой¹.

На гербе Якова Лизогуба, коим он обзавелся, была изображена вооруженная мечом рука на червленом щите, сопровождаемая в середине кавалерским крестом; щит увенчан шлемом с дворянской короной; на шлемник: три страусовых пера; намет на щите красный, подложенный серебром. Данный герб генетически связан с геральдическими традициями Речи Посполитой, а потому попробуем разобраться с проблемой выбора его символики. Отметим сразу, что в силу недостаточной изученности малороссийской шляхетской геральдики, эмблемы избранные для герба, пока не могут иметь однозначного толкования.

С одной стороны, мы можем рассматривать герб как личный, свидетельствующий о происхождении рода Лизогубов из Гельмязова. Об этом, в частности, также говорят форма червленого щита и кавалерский крест, которые имелись на гербе этого местечка. Можно предположить, что и сам Лизогуб мог связывать корни своего рода с Великим княжеством Литовским (в 1362 г. Переяславщина была захвачена Ольгердом). Главный элемент родового герба — рука с мечом — является элементом герба Великого княжества Литовского («погони»), на котором изображался всадник с поднятым над головой мечом. Отдельное же изображение руки с мечом («малая погоня») присутствовало в гербах многих дворянских родов польского, литовского и малороссийского происхождения. Неизвестно, однако, существовал ли герб Гельмязова в конце XVII в., так как одно из первых его изображений появляется в 1755 г. — и не исключено, что в результате деятельности Герольдмейстерской конторы, в 40—70-е гг. XVIII в. обеспечившей многие города Малороссии новыми гербовыми печатями².

С другой стороны, герб Лизогуба может быть истолкован как территориальный служилый герб, связывавший его владельца со службой по Чернигову. В. В. Румянцева убедительно показала, что изображение

¹ *Румянцева В. В.* Эмблемы земель и гербы... С. 40—41.

² Там же. С. 87—88.

вооруженного всадника на гербах Речи Посполитой не всегда связано с «погонью», но может восходить и к общеевропейским геральдическим традициям¹. Изображения кавалерских крестов имелось и на знаменах Черниговского полка периода освободительной войны 1648–1654 гг.² Так что не исключено, что выбор герба Яков Лизогуб связывал с идеей воинского служения в Чернигове.

Какая из точек зрения окажется наиболее верной, очевидно, покажут будущие исследования. В заключение скажем, что в имперскую эпоху род Лизогубов был внесен в VI часть Родословной книги Черниговской губернии. Нелишним будет отметить, что к этому рода принадлежала Татьяна Семеновна Лизогуб, бабушка Н. В. Гоголя по линии отца.

Умер черниговский полковник 9 августа 1698 г. и по завещанию был погребен в Елецком Черниговском монастыре, где находилась главная святыня города – чудотворный образ Божией Матери Елецкой. Заслуги Лизогуба подчеркивало участие в церемонии погребения архиепископа Черниговского Лазаря (Барановича).

В Чернигове с родом Лизогубов связаны три сооружения. Два из них имеют непосредственное отношение к Якову Кондратьевичу. Первое – это здание полковой канцелярии (так называемый «дом Лизогуба», известный также как и «дом Мазепы»), выстроенный на территории древнего детинца в конце XVII в. в барочном стиле. Второе здание – это фамильная усыпальница в Елецком Успенском монастыре. Она построена по всей длине к южному фасаду Успенского собора и представляет собой небольшой придельный храм во имя св. апостола Иакова, увенчанный двумя главами. Строился придел на средства сына Якова Лизогуба Ефима (Евфима) и был освящен 14 сентября 1701 г.³ В конце мая 1703 г. в этом приделе упокоился сам строитель, превратив, таким образом, его в первую фамильную усыпальницу Лизогубов. Третье здание – Екатерининская церковь, освященная в 1715 г., – возведена

¹ Румянцева В. В. Эмблемы земель и гербы... С. 55–56.

² Там же. С. 66. Рис.

³ Ефимов А., свящ. Черниговский Елецкий монастырь Успения Пресвятыя Богородицы со времени основания и до наших дней (1060–1903 гг.), святыни и достопримечательности обители. Чернигов, 1903. С. 206–207.

внуками черниговского полковника Семеном и Яковом Ефимовичами в память о более чем тысяче казаках, не вернувшихся из-под стен Азова¹.

Обратимся теперь к надгробию Якова Лизогуба, которое находится на южной внешней стене придельного храма справа от южной двери.

Это белокаменная плита-вставка, обмеры которой не проводились². Врезная надпись в 11 строк. В нижней части надписи помещен вырезанный рельефно герб Лизогубов и акроним Я#(ков) К(ондратьевич) Л(изогуб) // П(олковник) Ч(ерниговский). Стихотворные строки 9 и 10 размещены соответственно слева и справа от герба. Диакритика нерегулярная. Деление текста на слова нерегулярное; для выделения важных в смысловом отношении отрывков употребляются запятые и двоеточия. Шрифт надписи – гражданский с включением отдельных букв церковнославянского алфавита. Из палеографических особенностей также отметим сигмообразную форму буквы С, характерную для малороссийских мемориальных надписей второй половины XVII в. Лигатуры: стк. 1 – лѣ в слове «лавнын»; стк. 2 – ник в слове «полковникъ», нй в слове «хрѣбрій», рѣ в слове «водѣй»; стк. 5 – ть в слове «девятъ», ън в слове «девятин»; стк. 6 – ыі в слове «нѣсныі»; стк. 11 – ими в слове «тими». Оформление окончаний строк с помощью выносных букв: лавнын (стк. 1), давнын (стк. 2), повѣдѣтел (стк. 4), нѣ (стк. 5), девѣтын (стк. 5), гра (стк. 6), подражатѣл (стк. 8). Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: воинъ (стк. 1), чернѣгордскій (стк. 2), благораздѣнын (стк. 3), многѣ (стк. 4), нѣ (стк. 7), нѣтын (стк. 8). В стк. 5 слово «девятин», а также четыре последние буквы в слове «здатѣль» написаны над строкой, так как фраза не уместилась в размер доски.

¹ Павленко С. О. Оточення... С. 94.

² Изд.: Добровольский П. М. Черниговский Елецкий Успенский первоклассный монастырь: Историческое описание. Чернигов, 1900. С. 114 (гражданским шрифтом); Ефимов А., свящ. Черниговский Елецкий монастырь... С. 226 (гражданским шрифтом); РПН–2. М., 1996. С. 243 (гражданским шрифтом в современной орфографии). Неполная публикация с частичным переводом на украинский язык: Павленко С. О. Оточення... С. 94 (по изд.: Модзалевский В., Савицкий П. Очерки искусства старой Украины. Чернигов // Чернігівська старовина. Збірник наукових праць. Чернігів, 1992. С. 139). Первая публикация в соответствии с камнем: Авдеев А. Г. «Воин русский храбрый»... С. 30–39.

Здѣ ѡков, лїзогубѣ : воинъ рокїи лавны"
 по'ковникъ чернѣГордкїи, храбрїи : водрѣи, да'ны"
 благоразб'ныі, сего града : ѡградїтель :
 азоба, иі многї мѣбѣ, крѣпкїи : побѣдїте'
 в тїсї,чѣ, шѣ, отъ ѡсмїи годѣ на дѣвѣть десѣтын
 ѡвгѣста, в, дѣвѣты, днѣ в нѣбнїи, гра взїятїи
 храма же, сего на нїи, прещедрѣишїи здѣтель
 ѡвфїмѣ ѡ тыхѣ, цнотѣ : четѣн, нѣты" подражател'
 егда здѣ мнѣ иі К д хрѣтѣ дїшѣ'
 четїа ко'чнтѣ (герѣ) ѡкова впо :
 ловы тїмїи, (герѣ) кой съ тїии
 П (герѣ) Ч

Текстологический комментарий: 2. чернѣГордкїи] Чернѣговскїи – П. М. Добровольскїи, свящ. А. Ефимов. Черниговскїи – РПН–2. водрѣи] бодрїи – свящ. А. Ефимов. водрїи – РПН–2. 4. крѣпкїи] в РПН–2 нет. побѣдїте'¹] побѣдїтель – П. М. Добровольскїи, свящ. А. Ефимов. победїтель – РПН–2. 5. тїсї,чѣ] тїсячь – П. М. Добровольскїи, свящ. А. Ефимов. тїсячь – РПН–2. шѣ отъ] шѣсоть – П. М. Добровольскїи, свящ. А. Ефимов. шѣсоть – РПН–2. ѡсмїи] осьмїи – П. М. Добровольскїи, свящ. А. Ефимов, РПН–2. над] на – РПН–2. 7. же] ж – РПН–2. прещедрѣишїи] прещедрѣишїи – П. М. Добровольскїи, свящ. А. Ефимов. прещедрѣишїи – РПН–2. 8. ѡвфїмѣ] Эвфїмѣ – П. М. Добровольскїи, свящ. А. Ефимов. Ефим – РПН–2. четѣн] честѣи – П. М. Добровольскїи, свящ. А. Ефимов. честей – РПН–2. подражател'] подражател' – П. М. Добровольскїи, свящ. А. Ефимов, РПН–2. 10. кончнтѣ] кончїть – П. М. Добровольскїи, свящ. А. Ефимов, РПН–2. 10–11. впокой] покой – РПН–2. 11. съ тїии] со свѣтїи – РПН–2.

Основа языка эпитафии – старорусскїи язык, однако слова, характерные для украинского языка, и украинизмы весьма многочисленны. Приведем их: *храбрїи* (вместо «храбрый», стк. 2), *тїсї,чѣ* (вместо «тїсячь», стк. 5), *ѡвфїмѣ* (малороссїйская форма имени «Ефим», стк. 8), *тыхѣ* (вместо «тѣхъ»), *цнотѣ* (украинско-белорусское «добродетель» стк. 8)¹,

¹ В современном украинском языке слово «цнота» имеет также значение «честь», однако в эпитафии Якова Лизогуба его следует понимать как «добродетели», так как далее в их числе упоминаются «чести».

впокой (вместо «упокой», стк. 9–10), *тїии* (вместо «свѣтїи», стк. 10). Неясно, является ли слово «прещедрѣишїи» (стк. 7) украинизмом: окончание прилагательных с основой на *ш* на *-ий* характерно и для церковнославянского языка. Отдельно следует сказать о слове «чернѣГордкїи» (стк. 2). Прежде всего, оно этимологически связывает название Чернигова со словом «черный», а кроме того, в нем присутствует характерная для староукраинского языка мена *і* на *э*¹, хотя окончание прилагательного характерно для русского языка². На эту же фонетическую особенность указывает и прилагательное «бодрѣи» в стк. 2.

Что же касается структуры и стиля эпитафии, то они следуют структуре и стилю стихотворных эпитафий, писавшихся Карионом Истоминым в 80-х гг. XVII – первой четверти XVIII в. Ученый инок Чудова монастыря, интеллектуал, входивший в высшие круги московского общества, придворный стихотворец, в то время являлся самым плодовитым автором стихотворных эпитафий: в сборниках его автографов³ их сохранилось более 50, причем некоторые написаны в нескольких вариантах⁴.

Произведения этого жанра он строил как монолог надгробия с проходом (что практиковалось авторами стихотворных эпитафий еще со времен античности), и в разных вариациях: он давал указание на место погребения, сообщал имя покойного, его социальный и профессиональный статус, черты биографии и важнейшие, на взгляд автора, добродетели, а также время смерти. Завершалась эпитафия просьбой к читающему помолиться о душе покойного. Особо характерной для произведений Кариона Истомина, написанных в этом жанре, была фраза «в небесный град взятый», присутствующая и на эпитафии Якова Лизогуба (стк. 6). Надо сказать, что этот автор почтил эпитафиями двух участников Азовского похода, погибших под стенами крепости –

¹ В старорусских надписях XVI–XVII вв. *ять*, потерявшая изначальное фонетическое звучание, обычно смешивалась с *ѣ*.

² Впрочем, в малороссїйских документах того времени можно встретить написание «Чернѣгов» и «Чернѣговскїи» (напр.: Доба гетьмана Івана Мазепи в документах. Уп. С. Павленко. Київ, 2008. Т. I. С. 312–315. № 349–353 и др.).

³ ГИМ ОР. Чудовское собрание. № 300–302.

⁴ Частичная их публикация, наиболее полная на настоящий момент: Богданов А. П. Стих и образ...

окольного Тимофея Борисовича Юшкова¹ и стольника Ивана Петровича Троекурова².

Характеристика личных качеств Якова Лизогуба, данная в стк. 1–3, чрезвычайно близка тем характеристикам, которые обычно давал Карион Истомин адресатам написанных им стихотворных эпитафий³. Показательно, что среди положительных качеств черниговского полковника отсутствует эпитет «благоразумный» и употреблен вместо эпитета «благородный», что неудивительно: Яков Лизогуб был дворянином в первом поколении, да и «благородство» Карион Истомин всегда связывал с княжеским или боярским происхождением. Еще одна немаловажная деталь — первым по порядку эпитетом черниговского полковника является «воин Роский славный» (стк. 1), а единственным из воинских подвигов называется взятие Азова (стк. 2), за что, как уже говорилось выше, Лизогуб получил награду от Петра I. Говоря иначе, в эпитафии на первый план выдвигаются те заслуги на поле брани, которые свидетельствуют о черниговском полковнике именно как о *русском* воине. Для автора эпитафии — что немаловажно отметить, — в отличие от современности, Малороссия и Россия не противопоставлялись друг другу, но виделись единым целым⁴.

Но был ли Карион Истомин автором данной эпитафии? В пользу этого говорит близость ее структуры и стиля аналогичным произведениям этого автора. Однако присутствие в тексте даты от Рождества Христова, принятой в Малороссии еще тогда, когда она находилась в составе Речи Посполитой. Карион Истомин, уроженец Курска, по московской традиции, придерживался дат от Сотворения Мира вплоть до первых годов XVIII в., когда западноевропейское летоисчисление было введено в России. Наконец, обилие украинизмов свидетельствуют скорее о малороссийском происхождении автора эпитафии, причем он находился под

¹ См.: ГИМ ОР. Чудовское собрание. № 302. Л. 50 об. (черновой автограф). Изд.: Богданов А. П. Стих и образ... С. 372 (гражданским шрифтом в современной орфографии).

² См.: Там же С. 372–374 (гражданским шрифтом в современной орфографии).

³ См. их сводку: Богданов А. П. Стих и образ... С. 108–109.

⁴ Характерно, что в книге современного украинского историка С. А. Павленко «Окружение гетмана Мазепы» род Лизогубов, сохранивших верность Петру I, отнесен к разряду «изменников».

сильным влиянием творчества Кариона Истомина. Тем более последний обычно писал эпитафии людям, с которыми он либо был лично знаком, либо — на заказ, а Яков Лизогуб (или его сын) вряд ли находился в круге общения придворного стихотворца или в числе его заказчиков.

Московские надгробия последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. со стихотворными эпитафиями, насколько позволяют судить сохранившиеся экземпляры, как и надгробие черниговского полковника, представляли собой белокаменные доски, вставлявшиеся в стены храмов (что при переполненности приходских и монастырских погостов неудивительно). Но главным отличием черниговской эпитафии является присутствие в ней фамильного герба Лизогубов, в чем, безусловно, видны геральдические традиции Речи Посполитой, шире — Западной Европы. Оформление герба на публикуемом надгробии также соответствует украинско-белорусским традициям, согласно которым герб сопровождался инициалами владельца, заключающими его титул или должность, имя, отчество и фамилию. Эти традиции, видимо, сложились не без влияния старопечатной литературы. Так, с 1581 г. в книгах, изданных в Острожской типографии, герб князя Константина Константиновича Острожского, ее основателя и «спонсора», сопровождается по сторонам буквами К К К О — акронимом фразы «Князь Константин Константинович Острожский», а сверху и снизу герба написаны его титул и занимаемые должности.

На надгробиях московского служилого сословия гербы появляются только в первой четверти XVIII в. В конце XVII в. оно делало лишь робкие попытки «сочинять» фамильные гербы.

Само собой разумеется, что время изготовления эпитафии можно отнести к началу XVIII в. Возможно, она была установлена в 1701 г., после освящения новопостроенной усыпальницы. К сожалению, палеография украинских надписей XVII–XVIII вв. очень слабо разработана, чтобы можно было уточнить дату создания данной эпитафии по особенностям ее шрифта. Во всяком случае, ее датировка началом XVIII в. никаких сомнений не вызывает.

Таким образом, публикуемая эпитафия демонстрирует не только региональные особенности, но и — в первую очередь — неразрывность культурных связей и единство традиций московской и малороссийской ветвей культуры восточнославянского барокко и служит хорошей иллюстрацией ко многим страницам политической истории России конца XVII в.

Часть II

«СВЕТИЛЬНИК ГОРЯЩИЙ»: ЦЕРКОВЬ И ДУХОВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СИНОДАЛЬНУЮ ЭПОХУ

А. В. Лаушкин

Святитель Тихон (Беллавин) и восстановление церковного почитания древних ростовских святых

Жизнь святителя Тихона, 11-го Всероссийского Патриарха, как и его необычайная личность, привлекала и еще долго будет привлекать внимание исследователей. Разнообразные духовные дарования, которыми Господь наделил этого святого мужа, с равной силой проявляли себя на всех этапах его архиерейского служения — и тогда, когда он возглавлял епархии в мятушейся предреволюционной России, и тогда, когда был послан продолжить труды русских миссионеров в далекой Америке, и тогда, когда в эпоху лютых гонений взошел на престол Патриарха Московского и всея Руси. Этот добрый пастырь, положивший, по евангельскому слову, «жизнь свою за овец» (Ин. 10, 11), явился украшением нашей Церкви, вписал в ее историю новую драгоценную страницу.

Закономерно, что уже не первое десятилетие фигура святителя Тихона находится в фокусе внимания историков. В настоящей заметке хотелось бы вспомнить об одном частном эпизоде его биографии, отно-

сящемся к тому времени, когда будущий Патриарх занимал Ярославскую кафедру (1907–1914). Речь идет о восстановлении церковного почитания св. блгв. князя Василька Ростовского († 1238), принявшего мученическую кончину от рук монголо-татар во время Батыева нашествия, и свт. Феодора Ростовского († 1394) — подвижника эпохи «монастырского возрождения», основателя Симонова монастыря.

Назначенный архиепископом Ярославским и Ростовским, владыка Тихон прибыл в Ярославль 11 апреля 1907 г. и уже 19 мая отправился с пастырской поездкой в Ростов, где пробыл пять дней (до 23 мая — праздника свт. Леонтия Ростовского). Прямо с вокзала он проследовал в кафедральный Успенский собор города, принял приветствия от духовенства и мирян, вознес молитву и затем обратился к собравшимся. После долгого пребывания на чужбине (1898–1907) благолепие древнего русского города так взволновало владыку, что свою проповедь он целиком посвятил церковной старине Ростова. Назвав его «одним из древнейших во Св[ятой] Руси» городов, владыка воскликнул: «Сколько сменилось здесь поколений, сколько перешло людей, сколько перебивало святителей, а Ростов по-прежнему стоит целые века! И как-то невольно проникаешься уважением и почтением к этой седой старине и всячески оберегаешь ее от разрушений и искажений. Не паче ли должны мы оберегать старину духовную, тот дух, те предания, те начала, которые пребывают здесь целые века, которыми движутся и существуют сменяющиеся поколения людей и деятелей здешних? “Род переходит и род приходит, а земля во веки стоит”¹, и верим, и уповаем, что долго и долго будет она еще существовать, что многие века простоит град сей и храм сей, *если только* жители его, как предки их, будут пламенеть верою в Бога, любовь к святым храмам и почитанием к святым угодникам Божиим, нетленно здесь почивающим...»²

«Если только...» В словах владыки звучит тревога за будущее. Россия больна, и исцеление от революционной лихорадки и других поразивших ее недугов может принести только вера, завещанная предками, «дух» и

¹ Еккл. 1. 4.

² Ярославские епархиальные ведомости. 1907. № 23. Ч. офиц. С. 328 (курсив мой. — А. Л.)

«начала» древнего благочестия, немало поколебавшегося в последние годы даже в среде простого народа...¹

После посещения собора архиепископ осмотрел достопримечательности ростовского владычного дома и экспонаты музея церковных древностей, причем в качестве экскурсоводов перед ним выступали знаменитые ростовские краеведы, члены Московского археологического общества А. А. Титов и И. А. Шляков².

Интерес и уважение архиепископа Тихона к ростовской церковной истории, видимо, и подтолкнули клир Успенского собора во главе с протоиереем Александром Пречистенским поднять вопрос о возвращении вышеназванных святых (мощи которых находились в соборе) в число прославляемых Церковью угодников Ростовской земли.

Благоверный князь Василько Константинович, внук великого князя Всеволода Большое Гнездо († 1212) и зять князя-мученика Михаила Черниговского († 1246), княжил в Ростове с 1219 по 1238 г. После неудачной для русских битвы с монголо-татарами на р. Сить он попал в плен. Находясь в руках врагов, князь не только отказался сотрудничать с ними³, но и, как рассказывает летописец, перед смертью обличал кочевников, укорял их за жестокость и грозил им судом Божиим: «О, глухое цесарство, оскверненное! Никакоже мене не отведете хрестьяньское вѣры, аще и велми в велицѣ бѣдѣ есмь. Богу же какъ ответъ дасте, емуже многы душа погубили есте бес правды? Их же ради мучити вы имать Богъ в бесконечныя вѣкы!»⁴. Судя по тону летописного рассказа, ростовские книжники XIII в. восприняли смерть своего князя как мученичество за веру. Но это не привело к скорому причислению его к лику святых. Лишь

¹ См., напр.: *Борисов Н. С.* Святитель Тихон во главе Ярославской епархии // Журнал Московской Патриархии. 2005. № 6. С. 75–76.

² Ярославские епархиальные ведомости. 1907. № 23. Ч. офиц. С. 328.

³ Сотрудничество с врагом во время войны рассматривалось в канонических правилах, принятых в Древней Руси, как тяжкий грех, подлежащий церковному наказанию (см.: *Лаушкин А. В.* Регулирование контактов христиан с нехристианами в Древней Руси (XI–XIII вв.) // Сборник Русского исторического общества. М., 2003. Т. 7 (155). С. 43). Соответственно отказ от такого сотрудничества перед лицом смерти должен был восприниматься как акт не только мужества, но и благочестия.

⁴ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1. Стб. 465–466.

в источниках XVI–XVII вв. появляются некоторые признаки церковного прославления Василька, однако с какого-то момента память ему перестает отмечаться даже в Ростове. Впрочем, в XIX в. изображение князя помещали на некоторых многофигурных иконах ростовских святых¹.

Сходной была история церковного культа свт. Феодора, архиепископа Ростовского. Племянник самого знаменитого уроженца Ростова – прп. Сергия Радонежского († 1392) он оставил по себе добрую память и не позднее конца XV в. стал почитаться как местночтимый святой². Однако это почитание «не пережило» тяжелой для Русской Церкви синодальной эпохи – свт. Феодора продолжали иногда писать на иконах среди других ростовских святителей, но празднование ему не совершалось³.

В конце XIX в. клир Успенского собора уже обращался к епархиальному начальству с ходатайством о «невозбранном праздновании» памяти блгв. князя Василька и свт. Феодора, однако благоприятного ответа тогда не последовало. В дни их памяти в Ростове по-прежнему служили лишь панихиды. Рассуждая о таком пренебрежении к двум древним ростовским угодникам, автор статьи в «Ярославских епархиальных ведомостях» в 1909 г. сокрушался, что происходило это все «не в каком-либо современном Вавилоне, а в издревле благочестивом Ростове великом... И не в каком-либо малоизвестном приходском храме, а в многовековом, исторически знаменитом, когда-то кафедральном Успенском соборе, дышащем благоуханием тех святых, которые хранят его исполинские стены...»⁴.

¹ *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 141. Примеч. 2; *Назаренко А. В., Вахрина В. И.* Василий [Василько] Константинович // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 205–206. Ср.: *Мельник А. Г.* История почитания ростовских святых в XII–XVII веках: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль, 2004. С. 18–19. См. также: *Иконография ростовских святых: Каталог выставки* / Сост. А. Г. Мельник. Ростов, 1998. С. 52, 62.

² *Мельник А. Г.* Указ. соч. С. 16, 19.

³ *Голубинский Е. Е.* Указ. соч. С. 81–82, 107–109; *Иконография...* С. 52, 56, 62, 64; *Вахрина В. И.* Изображение местночтимых ростовских святых в иконописи // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003. С. 221.

⁴ *Г. Б.* Забытые святые // Ярославские епархиальные ведомости. 1909. № 12. Ч. неоф. С. 219.

Обращение ко владыке Тихону дало делу ход. Более сложный случай с почитанием свт. Феодора он передал на рассмотрение Святейшего Синода, а вопрос с князем Васильком Константиновичем решил сам, обратившись к новейшему научному труду по русским календарям — «Полному месяцеслову Востока» архиепископа Сергия (Спасского), где отыскал указание на древнюю память святому¹. 12 февраля 1909 г. владыка благословил возобновить празднование князю, что и последовало 4 марта того же года, в день его мученической кончины. Новый праздник в Ростове отмечали торжественно — насколько это было возможно в дни Великого поста. В канун праздника во всех храмах города совершалось всенощное бдение, а в Успенском соборе, кроме того, читали житие князя. В самый день праздника были совершены Литургия Преждеосвященных Даров и молебен. Современник, кратко описавший это событие, специально отметил, что имело место «большое стечение народа, причем кроме городских богомольцев пришел поклониться в собор Угоднику Божию и простой деревенский люд»². Весенние ростовские торжества 1909 г. явились прологом к широкому празднованию в городе осенью того же года 200-летия со дня кончины свт. Димитрия Ростовского.

Спустя еще три года, 28 ноября 1912 г., по благословению владыки Тихона было восстановлено и празднование свт. Феодору Ростовскому (местное). Причем если прославление св. князя Василька 4 марта 1909 г. архиепископ посетить не смог (по той причине, что на 5 марта приходился один из главных ярославских праздников — память свв. Феодора, Давыда и Константина, которых владыка весьма чтит), то на торжество, посвященное прежде забытому ростовскому святителю, он приехал в Ростов специально³, подчеркнув тем самым свое уважение к древним ростовским святыням, о которых говорил во время своего первого визита в город.

2 января 1914 г. Святейший Синод принял решение о переводе архиепископа Тихона с Ярославской на Виленскую кафедру. 12 января

¹ См.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 1. С. 612.

² НБ ГМЗРК. А-1527. Журнал записей достопримечательных событий в церковной жизни г. Ростова. Л. 45 об. — 46.

³ Там же. Л. 48—49 об.

он отслужил последнюю литургию в Успенском соборе Ростова, после которой обратился к собравшимся с прощальной речью. Подводя итоги своему семилетнему служению, владыка с отрадой вспомнил и о том, что Господь сподобил его «восстановить чествование князя-мученика святого Василько и архиепископа Феодора»¹.

В сонме дореволюционных русских святых чин мучеников не самый многочисленный. И было что-то символическое в том, как просто и решительно владыка Тихон восстановил угасшее почитание ростовского князя-мученика. Пройдет всего несколько лет, и, избранный на служение патриаршее, он обратится к церковному народу с такими словами: «А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания *вместе с собою*...»² Мог ли он тогда, в кровавом 1918 г., не вспоминать о древних мучениках и в их числе — о ростовском князе, не побоявшемся своих мучителей? В посланиях этого времени Святейший Патриарх сам бесстрашно обличает врагов Церкви и новых безбожных правителей России, грозя им карой Небесной: «подлежите вы огню геенскому в жизни будущей»; «взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая»³. Интересно, что последнее выражение о взыскании крови, принадлежащее знаменитому посланию Патриарха к Совету народных комиссаров от 7 ноября 1918 г., почти дословно повторяет угрозу князя Василька в адрес татар, как она передана в популярном очерке М. В. Толстого о ярославских угодниках (1905): «...взыщет Он кровь верных Своих!»⁴

Но даже если это и случайное совпадение, нет сомнения, что наступившая эпоха ассоциировалась у Патриарха Тихона с трагическим в русской истории XIII столетием, когда Русь подверглась агрессии

¹ Цит. по: *Тихон (Затекин), архим.* Святитель Тихон: Патриарх Московский и всея России. Нижний Новгород, 2010. С. 276.

² Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917—1943. М., 1994. С. 83 (курсив мой. — А. Л.).

³ Там же. С. 83, 151.

⁴ *Толстой М. В.* Жизнеописание угодников Божиих, живших в пределах нынешней Ярославской епархии. Ярославль, 1905. С. 21. См. также библейские параллели: Пс 9. 13; Лк 11. 50—51; Откр 19. 2 и др.

крестоносцев и подпала под иго монголо-татар. В марте¹ 1918 г., обращаясь к пастве, Патриарх проводит параллель между лихолетьем «татарщины» и временами новой большевистской власти, приведшей Россию к катастрофе Брестского мира. Для описания современного состояния страны Святейший использует обширную цитату из проповеди владимирского епископа Серапиона († 1275) – современника Батыева нашествия: «...ныне... позором покрылась наша Родина, и невольно припоминается слово древнего церковного витии, рисовавшего картину злого татарского ига: “Кровь и отец, и братий наших, аки вода многа, землю напои; воевод наших крепость исчезе, храбрии наша, страха наполньшася, бежаша; множайша же братия и чада наша в плен ведены быша; величество наше смирися, красота наша погибе, богатство наше инии наследоваша, земля наша иноплеменником достояние бысть. В поношение быхом живущим вскрай земли нашаея, в посмех быхом врагом нашим...” (Слово Сер. Вл., XIII в.). С какой поистине изумительной точностью повторились в наши дни ужасы древнего русского лихолетья»². К событиям XIII в. святитель обращается и в проповеди, произнесенной в июне того же года перед братией и прихожанами Александро-Невской Лавры. В ней он призывает брать пример со св. князя Александра Невского, который «жил в тяжелые времена» и «защищал Отечество свое и веру православную от натиска на нее со стороны неверных»³. В час суровых испытаний Святейший Патриарх вновь и вновь вспоминал «старину духовную» и старался этим воспоминанием укрепить верных чад Церкви.

¹ Благодарю Г. М. Запальского, обратившего мое внимание на то, что цитируемое ниже послание было написано, скорее всего, уже после заключения Брестского мира, то есть между 3 и 15 (дата публикации) марта по новому стилю.

² Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 104 (курсив мой. – А. Л.) Ср.: Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 446, 448.

³ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 138.

Свящ. А. Ионов

Издательская деятельность Комиссии по разбору и описанию Архива Святейшего Синода: к вопросу о теории и практике описания и публикации архивных документов в архивах Русской Православной Церкви до 1917 г.

Школа историко-архивоведения, сложившаяся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода благодаря более чем полувековой деятельности Комиссии по его разбору и описанию, была достаточно заметным явлением в российской архивной науке начала XX в. и одним из ведущих центров в области изучения синодального периода истории Русской Церкви. Последний начальник Архива К. Я. Здравомыслов и некоторые другие члены Комиссии входили в плеяду архивных деятелей, стоявших у истоков создания централизованной архивной системы России в первые годы после ломки 1917 г.¹ Синодальный архив был одним из ведущих архивов России, организованных по первому слову тогдашней «науки об архивах» – начиная с помещения, где он располагался, и заканчивая образовательным уровнем своих кадров (сотрудники были обязаны иметь высшее образование) и блестящей системой учета документов и научно-справочного аппарата².

Издательская деятельность синодальных архивистов также впечатляет. За время существования Комиссии ею были выпущены 56

¹ Ионов А. С. К вопросу об уровне развития теории и методики и архивоведения в Архиве Св. Синода в начале XX в. // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и сообщения на Пятой Всерос. науч. конф. М., 2005. С. 161–167; Ионов А., свящ. Деятельность церковных архивистов в первые послереволюционные годы (1917 – начало 1920-х) // Труды Коломенской духовной семинарии. Вып. 4. М., 2009. С. 60–78; Щеглов Г. Э., Ионов А. С. Делегация Высшего церковного управления и церковные архивы в первые годы после Октябрьской революции // Церковно-исторический вестник. М.: Изд. Общества любителей церковной истории, 2004. № 11. С. 149–159.

² Здравомыслов К. Я. Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. СПб., 1906. С. 14; Старостин Е. В. Архивы Русской Православной Церкви (X–XX вв.): Учеб. пособие. М., 2011. С. 90–92.

объемистых фолиантов с описанием и публикацией документов Архива Синода (это если не учитывать других изданий духовного ведомства, в составлении и редактировании которых принимали участие члены Комиссии). По общему объему изданий Комиссия не уступает архивным учреждениям других ведомств Российской империи, например Московскому архиву Министерства юстиции (ММЮ). Издательская и иная деятельность ММЮ и других крупнейших ведомственных архивов дореволюционной России достаточно хорошо освещена в историографии (например, ММЮ посвящена целая монография¹), чего нельзя сказать о Синодальном Архиве.

Несмотря на то что в 1915 г., к 50-летию юбилею Комиссии, ею был издан очерк полувековой работы, где в том числе дается краткая характеристика ее изданий², тем не менее необходимо с современных историко-архивоведческих и археографических позиций исследовать ее научные и практические достижения, что особенно важно в контексте современной жизни Русской Церкви, когда, безусловно, необходимо развитие своих исторических архивов для сохранения и популяризации документов церковных институтов и отдельных персоналий советской эпохи (того, что еще, Божией милостью, не погибло окончательно), а в перспективе и текущих лет. В настоящей статье ставится более скромная задача — дать общий обзор изданий Комиссии и применявшихся при их подготовке приемов описания и публикации документов.

Реорганизация государственного аппарата в ходе Великих реформ середины XIX века поставила вопрос о судьбе документов упраздненных и преобразованных учреждений, внесла существенные изменения в процесс комплектования архивов большинства ведомств. «Такое интенсивное комплектование впервые в истории отечественного архивного дела проходило в период, когда было разрешено уничтожать архивные источники. Поэтому ведомства оперативно продолжали разрабатываться правила “О порядке разбора и уничтожения решенных дел”. Министерство государственных имуществ издало их в 1862 г., Мини-

¹ *Шохин Л. И.* Московский архив Министерства Юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во втор. пол. XIX — нач. XX в. М., 1999.

² Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода. 1865–1915: Ист. записка. Пг., 1915.

стерство финансов — в 1864 г., Министерство внутренних дел — в 1865 г., Министерство юстиции — в 1871 г.»¹.

Преобразования, проводившиеся в данную эпоху в Ведомстве православного исповедания, не привели к масштабной ломке его структур, однако состояние его архивной части уже не первое десятилетие было головной болью для синодальных обер-прокуроров. К середине XIX в. ни одна комиссия, сформированная из чиновников ведомства, так и не смогла привести в порядок Архив Синода. Последняя такая комиссия отобрала к уничтожению около 44 тысяч архивных дел. Однако руководство ведомства не решилось их фактически уничтожить, осознавая недостаточную компетентность членов комиссии². Поэтому Д. А. Толстой, ставший в 1865 г. обер-прокурором Синода, задумался об учреждении комиссии, в которой бы приняли участие не только чиновники синодальных учреждений, но и в первую очередь представители ученого мира. Поскольку не все из последних состояли на службе в духовном ведомстве, для учреждения такой комиссии требовалось высочайшее утверждение, которое и было получено 6 декабря 1865 г., а уже 14 января 1866 г. «Высочайше утвержденная комиссия по разбору и описанию Архива Святейшего Правительствующего Синода» приступила к работе.

В составе Комиссии с самого начала преобладали представители ученого мира. Первым председателем Комиссии в 1866–1899 гг. был видный археограф, академик, многолетний член (с 1891 г. — председатель) Императорской Археографической комиссии А. Ф. Бычков, ставший в 1882 г. директором Императорской публичной библиотеки. Члены Комиссии А. Н. Труворов (с 1886 г. — директор Петербургского археологического института) и профессор Санкт-Петербургской духовной академии (далее — СПбДА) М. О. Коялович также состояли в Археографической комиссии. В первоначальный состав Комиссии вошли магистры богословия священники М. Я. Морошкин, Н. И. Верховской и И. Г. Покровский и всего три чиновника синодального ведомства: член Духовно-учебного управления при Синоде В. Ф. Комаровский, началь-

¹ *Самошенко В. Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 128.

² Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. С. 3–4.

ник Архива Синода И. И. Горянский и обер-секретарь Синода А. П. Крыжин. Вскоре к ним примкнули специалист по истории церковного права магистр (впоследствии – профессор) протоиерей М. И. Горчаков, профессор СПбДА И. А. Чистович, член Археографической комиссии П. И. Савваитов. Обязанности делопроизводителя Комиссии взял на себя помощник начальника Архива Н. И. Григорович, ставший вскоре начальником Архива. С тех пор начальники Архива были делопроизводителями Комиссии по должности, что впоследствии было прописано в Правилах (положении о) Комиссии¹. После Бычкова председателями Комиссии были такие видные деятели российской науки и культуры, как граф С. Д. Шереметев, академики А. И. Соболевский и С. Ф. Платонов (временно замещал эту должность в 1917–1918 гг.), член-корреспондент РАН В. Г. Дружинин.

Начав с рассмотрения отобранных к уничтожению прежней (чиновничьей) комиссией 44 тысяч дел и признав многие из них подлежащими хранению в силу в первую очередь научной ценности, Комиссия, построила свою работу на поединичном разборе и описании документов и дел в хронологическом порядке. Причем было принято решение составлять не краткие описи-инвентари, а расширенные и подробные описания, которые удовлетворяли не только чисто архивно-поисковым утилитарным целям, но и, будучи изданы, могли служить научным потребностям исследователей, находящихся вдали от столицы и интересующихся содержанием документов Архива.

Первым издательским проектом Комиссии стала серия томов «Описания документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода» (далее – ОДДС). Уже в 1868 г. первый том серии увидел свет. Поскольку упорядочение и описание архива производились в хронологическом порядке, члены Комиссии начали свою работу с изучения дел Синодальной канцелярии: с момента учреждения Синода в 1721 г. и на протяжении всего XVIII в. это было единственное постоянно действующее учреждение синодального ведомства. Документам каждого года должен был соответствовать отдельный том «Описания», но, так как в Архиве отложились документы и более раннего периода (это были

¹Сб. материалов, относящихся до архивной части в России: В 2 т. Пг., 1916–1917. Т. 1. С. 311; Т. 2. С. 322.

большей частью акты духовной и светской власти, в том числе имущественные, письма Петра I митрополиту Стефану (Яворскому), первые именные исповедные ведомости, а также несколько дел первых лет XVIII в., заведенных в Монастырском приказе и Камер-коллегии, а затем переданных в Синод для справок), было принято решение включить их в том описания дел первого года работы Синода (1721), поместив статьи о них в его начало (всего 100 номеров документов и дел 1542–1721 гг., начатых до торжественного открытия Синода 14 февраля 1721 г.; всего в томе 766 номеров описательных статей)¹.

В предисловиях к томам приводился краткий очерк состояния Синода и изменений в его ведомстве в описываемом году, давалась характеристика наиболее значимых и интересных дел (с отсылкой к шифрам описания). Списки иерархов дополнялись их фамилиями. В конце предисловий содержится информация о составителях и редакторе тома.

За предисловием следовало само описание документов и дел в строго хронологическом порядке в пределах года. Встречаются и нарушения хронологического порядка расположения описаний (например, в томе 1729 г. описания дел нескольких месяцев помещены в конец: видимо, том уже был набран, когда были обнаружены ранее пропущенные единицы хранения этого года).

Описание каждой единицы хранения включало в себя: 1) два номера через знак дроби (первый – текущий, согласно новому описанию, второй – старый); 2) даты начала и конца дела (обычно число и месяц) через знак дроби (или дату документа); 3) заголовок единицы хранения; 4) более или менее подробное (в зависимости от степени важности информации) изложение содержания единицы хранения. Некоторые «изложения содержания» имеют примечания (концевые или подстрочные), в которых содержится информация о формальных признаках документов (подлинности или копийности, наличии печатей, подписей и т. п.), месте их публикации (обычно в ПСЗРИ, ПСПР (см. ниже) или в приложениях к тому), связи с другими документами тома. Эта информация могла даваться и в тексте «изложения содержания» (в том числе в скобках).

Отдельно следует сказать о заголовках единиц хранения. Удалось выявить три основных типа заголовков. Наиболее часты заголовки пер-

¹Описание документов и дел, хранящихся... Т. 1. С. 5.

вых двух типов, начинающиеся с указания: а) разновидности документа (если единица состоит из одного документа, например: указ, грамота, следственное дело, сенатское ведение, письмо и т. п., — или нескольких документов одной разновидности, например: письма, «два векселя» и т. п.); б) по названию инициативного документа («по доношению», «по рапорту», «по прошению», «по сенатскому ведению», «по синодальному определению» и т. п.; могла упоминаться и устная инициатива, например, в описании № 27 за 1754 г.: «По словесному предложению синодального члена...»). Далее в таких заголовках указывается автор соответствующего документа (учреждение или лицо, в родительном падеже, например: «По доношению *крестьянина*») и содержится краткое его изложение (обычно в виде ответа на вопрос «о чем?», например: «об увольнении в отпуск», «о выдаче паспорта»); могут встречаться и указания на адресата документа. Третий тип заголовков встречается достаточно редко и содержит лишь краткое содержание дела в виде ответа на вопрос «о чем?» (например, «Об обязанности крестьян синодального ведомства содержать... овчарные заводы»¹).

По предложению С. Г. Рункевича в 1901 г. Комиссия приняла решение приводить, в качестве дополнения к тому ОДДСС каждого года, краткие сведения о хранящихся в Архиве протоколах, журналах, книгах сенатских ведений, канцелярских книгах и т. п. за соответствующий год² (такие сведения встречаются начиная с XI тома ОДДСС за 1731 г., вышедшего в 1903 г.).

Начиная с V тома (1725) в некоторых томах после описания дел Канцелярии имеются описания дел, хранившихся на тот момент в Секретном отделении Архива (под общим заголовком «Особое приложение»). Интересно, что в томе 1725 г. первые шифры таких документов (присвоенные при описании Комиссией) — литерные, а вторые, видимо, из секретной описи (то есть эти единицы хранения не включались в общую валовую нумерацию дел описи данного года, несмотря на то что их содержание рассекречивалось).

¹ Описание документов и дел, хранящихся... Т. 1. № 322.

² *Щеглов Г. Э.* Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924): Жизнь и служение на переломе эпох. Минск, 2008. С. 120–122.

Кроме того, тома ОДДСС содержат приложения, представляющие собой публикации наиболее значимых документов из описанных единиц хранения, именные и предметные указатели и переводную таблицу шифров. В 1915 г. в составе очерка истории Комиссии вышел сводный предметный указатель к содержанию свыше 700 документов, опубликованных в приложениях к вышедшим к тому времени 28 томам ОДДСС¹.

В историографии приводятся разные цифры наличного количества томов ОДДСС, которые вышли в свет. Обычно это 22 тома (так считали, например, такие корифеи церковной историографии XX в., как И. К. Смолич² и архимандрит Иннокентий (Просвирнин)³). Неизвестно, откуда взята такая явно заниженная цифра, когда в изданной исторической записке 1915 г. уже упомянуто 28 изданных томов⁴. Современный канонист протоиерей Владислав Цыпин насчитывает почему-то всего 11 томов ОДДСС (эта цифра кочует из издания в издание его фундаментального труда по церковному праву с 1994 г. по сей день)⁵, а в посвященной обзору литературы по истории Русской Церкви статье коллектива сотрудников ЦНЦ «Православная энциклопедия» почему-то говорится лишь о 9 томах⁶. И даже в совсем «свежей» статье (2011) исследователя истории Санкт-Петербургской епархии протоиерея Александра Паничкина присутствует ошибка при перечислении неизданных томов ОДДСС

¹ Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода. 1865–1915: Ист. записка. Пг., 1915. С. 179–190.

² См.: *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917 гг. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Т. 1.

³ *Иннокентий (Просвирнин), архим.* К истории Русской Православной Церкви (<http://www.portal-slovo.ru/history/35229.php>, последнее обращение — 27.04.2012).

⁴ Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии... С. 173.

⁵ *Цыпин В., прот.* Каноническое право. М., 2009. С. 246.

⁶ Обзор литературы по истории Русской Церкви // Исторический вестник: Научный журнал / Историческая подкомиссия Юбилейной комиссии Русской Православной Церкви по подготовке и проведению празднования 2000-летия Рождества Христова. 2001. № 1 (12) (http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2001/1_12/12_11.htm, последнее обращение — март 2012 г.).

(к ним причислен 29-й том¹, хотя даже у Смолича он приведен в числе изданных). Наиболее близок к истине оказался видный исследователь церковных архивов Е. В. Старостин. В его учебном пособии говорится о 31 томе ОДДСС². Происхождение этой цифры неизвестно.

По нашим подсчетам, основанным на просмотрах каталогов центральных библиотек и большинства томов ОДДСС³, к 1917 г., когда Комиссия была вынуждена остановить печатание своих трудов в типографиях (последний том вышел в 1916 г.), было издано 29 томов.

Тем не менее следует обратить внимание на то, что по состоянию на 1917–1918 гг., как видно из делопроизводства Комиссии⁴: а) некоторые тома ОДДСС начали печататься в типографиях и были частично или в значительной степени напечатаны, но так и не вышли в свет (по крайней мере, их не удалось обнаружить в крупнейших библиотеках); б) тома 51 (1771) и 54 (1774) были полностью составлены, хранились в Комиссии и ждали публикации; в) тома 13 (1733), 33 (1753), 35 (1755), 42, 43 (1762–1763), 46–49 (1766–1769), 52, 53 (1772–1773), 55–57 (1775–1777) составлялись или только находились на начальной стадии составления (по многим из них констатируется, что их составители отказались от работы и она должна быть передана «кому-либо другому»). В 1920 г. хранившиеся в бывшей Петроградской синодальной типографии (к тому времени национализированной) тиражи напечатанных листов 24, 27, 30, 36–38, 41, 44-го томов были утилизированы («смолоты» или «проданы на обертку», Комиссия так и не смогла выкупить и вывезти их в свое помещение), судьба тиражей печатавшихся в Московской синодальной

¹ Паничкин А., *прот.* Состояние территории нынешней Санкт-Петербургской епархии под властью шведов. (<http://www.bogoslov.ru/text/1867624.html>, последнее обращение – 27.04.2012).

² Старостин Е. В. Указ. соч. С. 90.

³ Отсканированные страницы почти всех томов есть в сети Интернет, например на сайте РГБ. В т. ч. нами была проанализирована «рекламная» информация о печатной продукции Архива, реализуемой в синодальных книжных лавках, содержащаяся на обложках в конце некоторых томов ОДДСС, изданных в начале XX в., например: Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1915. Т. XXXII (1752 г.) [оборот мягкой обложки].

⁴ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 368–370, 373 об. – 374.

типографии 25-го и 40-го томов была неизвестна, и лишь тиражи отпечатанных частей томов 17 и 45 удалось доставить в помещение Комиссии (до революции они печатались в частных типографиях Фроловой и I Петроградской трудовой артели соответственно)¹. Том 17 (1737), кстати, упомянут в справке к протоколу заседания Комиссии 31 декабря 1920 г. в числе 30 (!) изданных² (возможно, именно отсюда ведет происхождение цифра в 31 том, приведенная Е. В. Старостиным, если считать том 1722 г., изданный в двух книгах, за два тома).

Вполне возможно, что части этих не выпущенных в свет томов ОДДСС сохранились в материалах Российского государственного исторического архива (РГИА) (правопреемника Архива Синода). Нам не удалось обнаружить их среди документов фонда Канцелярии Архива и Библиотеки Синода (РГИА. Ф. 814), однако позднее удалось узнать от сотрудников РГИА и некоторых исследователей, что им приходилось видеть неизданные тома ОДДСС в отделе научно-справочного аппарата РГИА в качестве описей фонда Канцелярии Синода (РГИА. Ф. 796) за соответствующие годы (изданные тома также выполняют в архиве функцию описей). К сожалению, нам пока не удалось проверить данную информацию.

Другая предпринятая к изданию книжная серия должна была служить уже не только научным, но и практическим нуждам духовного ведомства. «Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской Империи» (далее – ПСПР), первый том которого увидел свет в 1869 г., должно было объединить высочайшие указы и повеления, имевшие значение и силу общеобязательных законов в отношении Церкви и духовного ведомства, а также важнейшие определения Синода и сенатские ведения, также получившие значение общеобязательности в ведомстве.

Начало издания ПСПР приходится на период Великих реформ XIX в., когда определенными кругами готовилась (в целом так и не осуществившаяся) комплексная «церковная реформа». Несистематизированность законодательных норм, регулировавших церковную жизнь и деятельность духовного ведомства, мешала не только реформированию

¹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 368 об. – 369 об., 383–384, 386а, 386б.

² Там же. Л. 386а.

церковной жизни, но и сказывалась на повседневной работе учреждений ведомства. Трудность состояла в том, что эти нормы заключались в нескольких десятках тысяч указов и определений, число которых с каждым годом только росло, а работа по их собиранию, объединению и систематизации велась вяло и часто в качестве инициативы отдельных лиц.

Чтобы осуществить масштабную комплексную кодификацию церковного законодательства, необходимо было провести огромную работу, в чем-то сопоставимую с тем, что за три десятилетия до этого в масштабах гражданского законодательства проделал М. М. Сперанский. Многие законодательные акты, касавшиеся Церкви, продолжали действовать частично (некоторые содержащиеся в них нормы были отменены). Это ставило на повестку дня необходимость создания сборника церковного законодательства, подобного Полному собранию законов Российской империи (ПСЗРИ), который стал бы подспорьем в кодификации «церковных» норм. Именно такую задачу должна была решить Комиссия изданием ПСПР, 1-й том которого открывался Духовным регламентом 1721 г., бывшим отправной точкой церковного законодательства синодального периода, подобно тому как отправной точкой гражданского законодательства нового времени для Сперанского было Соборное уложение 1649 г.

В конце XIX в., в связи с увеличением личного состава (в том числе путем привлечения видных исследователей) и финансирования Комиссии, «в целях стимулирования научных исследований было решено издавать документы (ПСПР. — *Свящ. А. И.*) одновременно различными сериями, каждая из которых охватывала период правления того или иного государя»¹. Издание ПСПР в эти годы шло достаточно активно, увидевшие свет 19 томов охватили весь XVIII и часть XIX в. (1825—1835 гг. — первое десятилетие царствования Николая I). Оставшиеся тома за XIX в. (исключая последние годы царствования Николая I и царствование Александра II; к составлению ПСПР за царствование Николая II Комиссия, видимо, вовсе не приступала), по данным на август 1918 г., были уже практически готовы к изданию и хранились в Комиссии (кроме ПСПР за царствование Александра I, оригинал которого, почти окончанный

¹ Смолич И. К. Указ. соч. Т. 1.

составлением, хранился у редактора протоиерея К. П. Виноградова)¹, но в условиях нового строя так и не увидели свет. Их судьба еще требует выяснения, как и судьба подготовленных, но не изданных томов ОДДСС, о которых говорилось выше.

ПСПР по приемам публикации документов для своего времени стояло на достаточной высоте. Кое-что было почерпнуто из принципов подготовки томов ПСЗРИ. Приемы передачи текста отталкивались от правил издания такого монументального явления в российской археографии конца XIX — начала XX в., как «Письма и бумаги Петра Великого»² (и это неслучайно, поскольку первым руководителем этого издания был А. Ф. Бычков, тогдашний председатель Комиссии).

К сожалению, в современной историографии бытует мнение, что ПСПР составлялось на основе ПСЗРИ и Свода законов Российской Империи³. На самом деле при его подготовке проводилась обширная архивно-археографическая работа (для ее облегчения в Комиссию даже вносилось предложение осуществлять подготовку и издание соответствующих томов ПСПР только после издания томов ОДДСС за то же время⁴). Так, именно благодаря выходу ПСПР стали известны не вошедшие в печатные издания «Духовного Регламента» фразы рукописных экземпляров этого важнейшего для синодального периода церковной истории документа, свидетельствующие, по словам А. В. Карташева, что «первоначальный замысел конструкции Духовной Коллегии был заостренно-протестантским»⁵.

¹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 369 об.

² Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской Империи. СПб., 1875. Т. III. Предисловие (без пагинации).

³ Обзор литературы по истории Русской Церкви // Исторический вестник. 2001. № 1 (12) (http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2001/1_12/12_11.htm, последнее обращение — 27.04.2012); Федоров В. А. Церковь и государство в XVIII — начале XX в.: историографический и источниковедческий аспекты изучения проблемы // Сборник трудов Ежегодной богословской конференции ПСТБИ 2000 года (http://pstgu.ru/download/sbornik_00.doc, последнее обращение — март 2012).

⁴ Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии... С. 283.

⁵ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. СПб., 2004. Т. II. С. 361.

Комплексная работа по кодификации церковного законодательства в дореволюционный период так и не была проведена. Тем не менее в исторической справке С. Г. Рункевича «О кодификации церковных законов», подготовленной к Поместному Собору 1917–1918 гг., ПСПР занимает видное место, ему посвящен один из самых объемных параграфов справки¹.

Высоко оценивший научное и практическое значение ПСПР Рункевич сам был с конца XIX в. и до своей кончины в 1924 г. активнейшим членом Комиссии. В эти годы ни одно начинание Комиссии не происходило без его творческого участия, а зачастую и инициативы. Но самым крупным издательским проектом, осуществленным непосредственно Рункевичем в рамках деятельности Комиссии, была подготовка и издание в 1897 и 1907 гг. двух томов такого крупного и значимого комплекса архивных документов, целиком к середине XIX в. сосредоточившегося в Архиве Синода, как Архив западнорусских униатских митрополитов.

Несмотря на то что данный комплекс документов был весьма востребован наукой (к нему обращались такие видные ученые, как митрополит Макарий (Булгаков), Н. П. Лихачев, военный историк сенатор П. О. Бобровский, а также исследователи истории западнорусской Церкви М. О. Коялович, И. А. Чистович, С. Т. Голубев, П. Н. Жукович и др.), он даже не был полностью описан, что делало его в значительной мере недоступным для исследователей. Попытки описать униатский архив предпринимались духовным ведомством неоднократно, однако назначенные для этого лучшие специалисты, знатоки истории Западной Руси К. А. Говорский и М. О. Коялович, так и не смогли осуществить эту грандиозную задачу в силу свое чрезвычайной занятости (первый — общественной и публицистической деятельностью, второй — научной и преподавательской работой)².

¹ Рункевич С. Г. О кодификации церковных законов / Публ. Г. Э. Щеглова // Церковь и время: Научно-богословский и церковно-общественный журнал. М., 2005. № 2 (31). С. 223–235.

² Щеглов Г. Э. К истории описания и публикации документов архива западнорусских униатских митрополитов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «Филология. Философия. История». М., 2004. № 3. С. 210–211.

В самом начале 1890-х гг. такая ситуация с описанием униатского архива грозила тем, что он мог быть потерян для Синодального архива и Комиссии, поскольку с инициативой его описания выступил Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Передача материалов архива в руки рекомендованных данным ведомством специалистов грозила тем, что к делу описания и популяризации этого ценнейшего комплекса документов были бы допущены католики, которые не преминули бы использовать полученную информацию в своих идеологических целях, особенно в плане оправдания унии. Коялович сделал все возможное, чтобы оставить описание архива за Комиссией, несмотря на тяжелую болезнь (23 августа 1891 г. он скончался). Именно по его инициативе описание было поручено его ученику по СПбДА С. Г. Рункевичу. Для последнего это было как нельзя кстати, поскольку он готовил магистерскую диссертацию по истории Минской епархии¹.

Дальнейшая история подтвердила правоту Кояловича. Век спустя Полоцкое греко-униатское общество предприняло издание справочника «Архив униатских митрополитов»². Положив в основу его большей части труд Рункевича, составители справочника исключили упоминание документов, свидетельствующих не в пользу унии (яркие примеры этого приводятся в статье Г. Э. Щеглова³). Это существенно отличает «современное» издание от труда Рункевича, описывавшего документы нетенденциозно и без купюр. Весьма прискорбно сознавать, что в издании справочника, значительную часть которого составляет тенденциозное использование чужого труда, приняли участие профессиональные архивисты. К сожалению, это не последнее искушение, связанное с униатским архивом. В 2008 г. в одном серьезном белорусском академическом сборнике научных трудов вышла статья об истории описания архива⁴,

¹ Щеглов Г. Э. Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924): Жизнь и служение на переломе эпох. Минск, 2008. С. 55–59.

² Архіў уніяцкіх мітрапалітаў. Дакументы да гісторыі царквы ў Беларусі XV–XIX стст. У фондзе «Канцэлярыі мітрапаліта грэка-уніяцкіх цэркваў у Расіі»: Даведнік / Склад. С. І. Паўловіч, Т. М. Мальцава. Мінск; Полацк, 1999.

³ Щеглов Г. Э. К истории описания и публикации документов... С. 217–219.

⁴ Иванов Ю. Н. История описания архива западнорусских униатских митрополитов // Хрысціянства у гістарычным лесе беларускага народа: Зборнік наву-

текстуально очень сходная с вышедшим ранее (2004) исследованием Г. Э. Щеглова. Хотелось бы подчеркнуть, что даже «исключительная востребованность данного комплекса церковно-исторических документов», о которой говорит автор упомянутой статьи¹, не дает права таким специфическим образом использовать чужие тексты.

В своей работе по описанию архива Рункевич отталкивался от составленного в 1865 г. (то есть еще до открытия Комиссии) Н. И. Григоровичем «Проекта описания Архива бывших греко-униатских митрополитов». Базовым положением «Проекта» было требование систематизации и описания архива в строго хронологическом порядке².

Описательные статьи единиц хранения униатского архива (в двух томах описана 3501 единица хранения), составленные Рункевичем, состоят большей частью из трех абзацев.

В первом абзаце указывалось количество листов (например, 5ⁿ), что отличает труд Рункевича от ОДДСС, где оно не указывается, и соответствует современным требованиям описания архивных документов. Как и в ОДДСС, после указания разновидности документа здесь приводятся сведения об авторе документа, его адресате и вопросе, которому посвящен документ («о чем?»). В отличие от ОДДСС, в описании униатского архива нет заголовков по инициативному документу. Содержащие несколько документов по одному вопросу единицы хранения имеют заголовки «Дело о...» или «Документы, относящиеся к делу о...» (в предисловии к описанию отмечается, что в основном эти «дела» были сформированы Рункевичем фактически из россыпи, их документы хранились в разных связках)³.

Вторые абзацы описательных статей заключают в себе изложение содержания единиц хранения, которые, в отличие от аналогичного раздела описательных статей ОДДСС, характеризуются сугубой краткостью. Как поясняет автор, «задачей было дать не столько изложение или подроб-

ковых артыкулаў / Гродненский государственный университет им. Я. Купалы; Институт истории НАН Беларуси. Гродно, 2008. С. 16–21.

¹ Там же. С. 20.

² Щеглов Г. Э. Степан Григорьевич Рункевич... С. 54.

³ Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. СПб., 1897. Т. 1: 1470–1700. С. VIII.

ное описание документов, сколько, главным образом, полное указание их содержания, с возможным перечислением упоминаемых в документах лиц»¹. Автор старался не упускать «маркерных» элементов документов, стараясь «заносить все без исключения сведения, касающиеся церковной жизни и просвещения: духовенства, церковей, монастырей, благотворительных учреждений, школ, типографий, учителей»².

В подготовленном Рункевичем издании, в отличие от томов ОДДСС, отсутствует отдельный раздел с публикациями. Наиболее важные документы приводятся полностью или частично в самих описательных статьях (в части, посвященной краткому изложению содержания). Стремясь к краткости описания, Рункевич в предисловии к своему труду выражал надежду на полнотекстовую публикацию документов архива в недалеком будущем³.

Третьи абзацы описательных статей по своему составу напоминают то, что в современной археографии называется «легендой».

Оба подготовленных Рункевичем тома содержали также предисловие (краткий обзор описанных материалов, характеристика технических приемов описания, в предисловии I тома дана краткая история униатского архива), три указателя (именной, населенных мест и предметный). Во II томе имеется хронологический указатель, необходимость которого объясняется описанием в томе документов XVIII в. с выписками из более ранних документов (в указателе приведены годы начиная с 1158 г. и номера единиц хранения). В конце I тома приведены фотокопии фрагментов некоторых документов на разных языках, что должно было облегчить палеографическую подготовку потенциальных исследователей материалов архива.

В двух «Дополнениях» ко II тому описаны: а) документы, упущенные в общей хронологии описания (они продолжают общую валовую нумерацию описаний обоих томов), в конце приведены недатированные документы); б) копии метрических книг Брестской и Луцкой униатских

¹ Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. СПб., 1907. Т. 2: 1701–1839. С. VII.

² Щеглов Г. Э. Степан Григорьевич Рункевич... С. 99.

³ Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. СПб., 1897. Т. 1. С. VIII.

епархий (для каждого переплета указаны церкви, по которым в нем имеются метрические записи, какие именно записи — о родившихся, бракосочетавшихся или умерших — и за какие даты, имеются ссылки на листы для удобства поиска). Метрические книги имеют отдельную валовую нумерацию (всего 113 номеров) и заголовки (с указанием уезда или «разных уездов», если в переплете отражены церкви нескольких уездов).

К 1917 г. III том «Описания» был полностью составлен членом Комиссии Б. Н. Жуковичем и даже к 1915 г. частично отпечатан в типографии. Жукович начал занятия с униатским архивом под руководством Рункевича еще будучи магистрантом СПбДА, и даже описал несколько десятков документов для II тома. В III томе были описаны такие разновидности документов, как визиты, таблицы, люстрации, инвентари и др. за 1684—1824 гг., а также «книги» или переплетенные сборники документов. Наличие этих сборников существенно отличало данный том от двух первых, где описывались отдельные документы или искусственно составленные из россыпи подборки бумаг по одному вопросу (составитель их условно называл «делами»). Специфика этих сборников существенно усложняла составление III тома, поскольку во многих из них документы были подшиты без всякой системы. Рункевичу, как ранее его учителю Кояловичу, пришлось еще на начальной стадии описания отстаивать необходимость сохранения целостности этих «книг», поскольку другие члены Комиссии, усматривая в этом нарушение принципа строгой хронологии, положенной в основу описания, предлагали «разрывать “книги”». То, как Рункевич отстаивал свою точку зрения (он считал, что «разрушать древние сооружения, хотя бы и для возведения новых, не дело археографического учреждения»¹, каковым являлась Комиссия), свидетельствует о том, что он имел четко сформировавшиеся взгляды историка-архивиста и мыслил в русле российской архивной науки, уже тогда отводившей большое значение принципу происхождения документов (впоследствии в практике отечественных архивистов принцип «недробности дела», как «мельчайшего кирпичика архивного здания», стал практически незыблемым).

¹ Цит. по: Щеглов Г. Э. Степан Григорьевич Рункевич... С. 73.

В 1920 г. весь тираж отпечатанных частей III тома был продан типографией на обертку («смолот»)¹, однако его оригинал сохранялся Комиссией. Неизвестно, что произошло с ним впоследствии. Неописанная в I—II томах часть униатского архива² была заново систематизирована в 1950-х — начале 1960-х гг. советскими архивистами, причем часть документов была присоединена к единицам хранения, описанным в I—II томах, которые стали 1-й и 2-й описями фонда 823 (причем в самих описях, выдаваемых исследователям, об этом нет никаких пометок, что существенно осложняет поиск документов), а оставшиеся документы составили отдельную 3-ю опись из 1587 единиц хранения за 1407—1871 гг.

Рункевич выступил также с инициативой описания архива Александро-Невской Лавры, издание которого приурочивалось к 200-летию юбилею Петербурга. Хотя формально оно издавалось не под грифом Комиссии, все же оно имеет прямое отношение к ней, поскольку в состав специально созданной комиссии по описанию лаврского архива (помимо председателя в сане епископа и наместника Лавры), вошли члены Комиссии: управляющий синодальной типографией А. В. Гаврилов, помощник управляющего канцелярией Синода С. П. Григоровский, начальник архива и библиотеки Синода А. А. Завьялов, профессор С.-Петербургского университета С. Ф. Платонов и сам Рункевич. К юбилею был издан лишь один том описания за несколько лет царствования Петра Великого (1713—1716), после чего эта комиссия была распущена. Однако работы по описанию лаврского архива не прекратились благодаря организаторскому таланту Рункевича, который изначально привлек к этим трудам группу учащейся молодежи Петербурга: магистрантов СПбДА Б. Н. Жуковича и Н. В. Нумерова, студентов университета М. Д. Приселкова, С. П. Исполотова, А. В. Королева и др. Так некогда Коялович привлек к работе по разбору и описанию униатского архива его самого, бывшего на тот момент магистрантом.

Как мы видели, впоследствии вошедший в состав Комиссии Б. Н. Жукович продолжил труды Рункевича по описанию униатского архива. Также дополнили славную когорту членов Комиссии помощник

¹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 369 об., 386б об.

² РГИА. Ф. 823 (Канцелярия митрополита греко-униатских церквей в России).

архивариуса Синода Н. В. Туберозов (также описывавший архив Лавры), Н. В. Нумеров и М. Д. Приселков. Последний впоследствии стал видным летописеведом и специалистом по истории Древней Руси, а тогда (1903) опубликовал свое сочинение «Александро-Невская Лавра при Петре Великом»¹. Рункевич ходатайствовал перед С. Ф. Платоновым об оставлении Приселкова при университете для занятий наукой². Студент-историк А. В. Королев стал впоследствии видным востоковедом и организатором географической науки³. Таким образом, в Комиссии сложилась очень важная и интересная практика воспитания научных кадров архивистов и историков под руководством опытных и уже увенчанных лаврами научных достижений членов Комиссии. Основы этой практики заложил «патриарх» Комиссии М. О. Коялович, а продолжил его ученик С. Г. Рункевич.

Всего вышло три тома «Описания» лаврского архива (за царствование Петра I, то есть за 1713–1721 гг.)⁴. В целом по методам и приемам описания (составу и построению описательной статьи, валовой нумерации единиц хранения внутри каждого года, наличию указателей) этот труд соответствует критериям, которые предъявлялись к томам ОДДСС. Изложение содержания многих документов содержит обширные цитаты, некоторые документы опубликованы полностью прямо в описательных статьях.

Обнаружение членом Комиссии Е. М. Прилежаевым в секретной части Синодального архива ранее неизвестных глав такого важного

¹ Приселков М. Д. Александро-Невская Лавра при Петре Великом // Страник. 1903. № 4–6.

² Щеглов Г. Э. Степан Григорьевич Рункевич... С. 163–164; *Он же*. Архив Александро-Невской Лавры и история его описания // Макарьевские чтения: Материалы четвертой международной конференции (21–22 ноября 2005 года). Горно-Алтайск, 2005. С. 131–136.

³ Королев Александр Васильевич (1884–1968) // Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003 (<http://pvost.org/publ/vneser/vassil.html>, последнее обращение – 27.04.2012).

⁴ Описание архива Александро-Невской Лавры за время царствования Императора Петра Великого. СПб., Т. 1: 1713–1716 гг., 1903; Т. 2: 1717–1719 гг., 1911; Т. 3: 1720–1721 гг. Пг., 1916.

памятника Петровской эпохи, как «Завещание отеческое» И. Т. Посошкова, позволило Комиссии издать в 1893 г. (впервые) полный текст этого сочинения с передачей особенностей текста (в значительной мере путем использования текстуальных примечаний), при этом первая его часть была заново набрана по подлиннику из Румянцевского музея. В обширном предисловии к изданию Прилежаев установил время написания памятника, а также привел подробную биографию Посошкова с обзором его сочинений и особенностей языка¹.

Кроме того, Комиссия участвовала в редактировании следующих изданий Архива Синода, которые хотя и не являлись в собственном смысле слова изданиями Комиссии, но все же готовились ее членами, являвшимися штатными сотрудниками Архива: «Описание рукописей, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода»², «Опись документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода, с указателями к ней. Дела Комиссии Духовных Училищ 1808–1839 гг.»³. Составитель первого из названных изданий архивариус Синода А. И. Никольский также подготовил к изданию «Описание книг церковной печати, хранящихся в Библиотеке Св. Синода», содержащее просто перечень книг, но и характеристику их типографских особенностей, что особенно важно для книг, в которых утеряны листы с выходными данными. Несмотря на то что в 1913 г. было получено разрешение обер-прокурора Синода напечатать «Описание» в С.-Петербургской синодальной типографии, его издание остановилось из-за смерти автора⁴. Судьба данного труда неизвестна, в историографии используется более ранний «Список книг церковной печати», изданный Архивом еще в 1871 г.

¹ Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода. 1865–1915: Ист. записка. Пг., 1915. С. 76–77, 210–211.

² Описание рукописей, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода: В 2 т. / Сост. А. И. Никольский. СПб., 1904–1910. Т. I, Т. II (Вып. 1–2).

³ Опись документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода, с указателями к ней. Дела Комиссии Духовных Училищ 1808–1839 гг. / Под ред. К. Я. Здравомыслова и Н. В. Туберозова. СПб., 1910.

⁴ Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии... С. 212–213.

Характеристика различных изданий, в подготовке которых принимали участие отдельные члены Комиссии с привлечением материалов Архива Синода, не входит в задачи настоящей статьи. Отметим лишь, что члены Комиссии Н. И. Григорович, А. В. Гаврилов и Л. К. Бродский внесли значительный вклад в издание документов, связанных с именем свт. Филарета (Дроздова)¹.

В 1908 г. Комиссия одобрила предложенную Рункевичем идею издания, выражаясь современной терминологией, «межархивного путеводителя» (подробного описания или «систематического обзора» с публикацией наиболее значимых источников) к документам по истории Русской Церкви за первые годы после создания Святейшего Синода (издание задумывалось к его 200-летию юбилею) в материалах Госархива МИД, МАМЮ и Московского главного архива МИД². К сожалению, обстоятельства времени не дали довести подготовку к юбилею 1921 г. до реальных издательских проектов. Тем не менее сама идея «межархивного справочника» говорит о наличии в Комиссии представлений о некоем едином информационном архивном пространстве (Рункевич в своих построениях отталкивался от очень важного в современном архивоведении историко-учрежденческого подхода), выходящем за границы архивов отдельных ведомств, что всего лишь 10 лет спустя в российском архивном деле отлилось в создание единого государственного архивного фонда.

Все это позволяет отметить достаточно высокий уровень теоретических и методологических разработок Комиссии в области архивоведения, особенно в области описания и публикации архивных документов. Описание и публикация рассматривались в Архиве Синода как две тесно связанные стороны единого процесса упорядочения и популяризации в исследовательских целях архивно-информационного пространства. В своей деятельности Комиссия использовала лучшие достижения археографии того времени, что обусловлено в первую очередь тем, что большую часть ее состава представляли светила исторической науки и археографии. Более того, Комиссия не просто использовала научный потенциал сторонних исследователей, но и сама воспитывала кадры,

¹ Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии... С. 254, 315–316, 285.

² Там же. С. 77–79.

причем не только для чисто архивной работы: некоторые специалисты, начинавшие свою научную деятельность под крылом Комиссии, впоследствии стали видными учеными или церковными деятелями.

Е. А. Копылова

Дискуссии о единоверчестве в Петербургском отделе Общества любителей духовного просвещения (1872–1880)

Данная статья посвящена одному из аспектов деятельности Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения – изучению и обсуждению «нужд единоверия». Обсуждение проблем, связанных с единоверием, неизбежно привело к обсуждению более широкой темы: старообрядчества в целом и поиску путей его уврачевания. В конце 1850-х и в 1860-е гг. появилось значительное количество исследований по проблеме раскола. С. А. Зеньковский связывает это с воссозданием старообрядцами своей иерархии, ростом старообрядческих общин, появлением старообрядческих изданий за границей и «открытием» русским обществом старообрядчества как мощного движения¹. Внимание к проблеме было огромно. Первые публикации появились в периодической печати, и не было журнала, не было газеты, в которых не высказывалось бы суждений о противодействии расколу со стороны Церкви и государства². Позднее появились серьезные исследования в виде кандидатских и докторских диссертаций³. Отметим, что в 1870-х гг. в России

¹ Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М., 2009. Т. 1: Духовные движения XVII века. С. 49.

² Чтения в Обществе Любителей Духовного Просвещения (далее ЧОЛДП). М., 1869. № 6.

³ Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе: Докторская диссертация. СПб., 1869; Кантеев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887; Бороздин А. К. Протопоп Аввакум: Очерки из истории умственной жизни русского общества в XVII в. СПб., 1898;

учреждались общественные организации, ставящие перед собой задачу полемики с расколом. Так, в Москве с 1872 г. действовало Братство митрополита Петра, учрежденное профессором МДА Н. И. Субботиным. Его члены выпускали издания, разъясняющие спорные вопросы между православными и старообрядцами, проводили воскресные собеседования. В Москве же по воскресеньям проводились «Кремлевские беседы» с раскольниками. Но эти меры не давали заметного эффекта. Одну из причин этих неудач обозначил священник Иоанн Беллюстин в 1858 г.: «...раскольники далеко опередили наших православных в просвещении, хоть и превратно понимаемом»¹. Заметим, что в обсуждениях проблем единоверчества и раскола, в церковной и светской печати², принимали активное участие члены будущего Петербургского отдела³. После образования отдела обсуждение проблем раскола и его современного состояния стало активно вестись как в самом Московском обществе любителей духовного просвещения (далее ОЛДП)⁴, так и в его Петербургском отделе⁵.

Санкт-Петербургский Отдел ОЛДП был учрежден для наблюдения за движением старокатоликов по сближению с Православной Церковью, к церковному воссоединению Запада с Востоком, так как члены отдела

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

¹ Беллюстин Иоанн, свящ. Русь Православная / Публ. Е. Ю. Буртина // Континент. Московский рабочий. М.; Париж, 1992. № 74. С. 145.

² Странник. 1862; Московские ведомости. 1866. № 276; 1867. № 5; 1869. № 123, 131; Христианское чтение. 1870. № 1, 2, 5 и др.

³ Чельцов И. В. (1828–1878) — профессор церковной истории СПбДА. С 1859 по 1867 г. заведовал библиотекой рукописей, образовавшейся из старопечатных книг и рукописей Новгородско-Софийской и Кирилло-Белозерской библиотек, при передаче их в СПбДА. С 1871 по 1874 г. был редактором «Христианского чтения»; Нильский И. Ф. (1831–1894) — профессор истории раскола СПбДА. Многочисленные публикации о проблемах раскола; Филиппов Т. И. (1825–1899) — занимался церковными вопросами, в том числе проблемами раскола, выступая за полную отмену всех существующих для них ограничений.

⁴ ОР РГБ. Ф. 206. К. 12. Ед. хр. 8/1-5; Московские епархиальные ведомости (далее МЕВ). 1873. № 12 и др.

⁵ ОР РГБ. Ф. 206. К. 14. Ед. хр. 30. Л. 1; Ф. 120. Ед. хр. 1028. Л. 1, 22, 24, 26, 28, Л. 36; Ф. 379. Ед. хр. 401. Л. 3, 4; МЕВ. 1873. № 38 и др.

считали сближение разрозненных христианских обществ одной из задач ревнителей духовного просвещения¹. Святейший Синод дал право Петербургскому отделу свободно обсуждать всякого рода церковные вопросы², и это право было вполне реализовано членами отдела.

Обозначим вклад членов отдела ОЛДП в освящении указанной проблемы: Ф. М. Достоевский, редактировавший журнал «Гражданин» в 1873–1874 гг. помещал статьи о заседаниях Отдела, посвященных проблемам единоверия³. На страницах журналов СПбДА «Церковный вестник» и «Христианское чтение», редактируемых прот. Иоанном Яньшевым и профессором И. В. Чельцовым, были помещены статьи, посвященные проблемам единоверия. Прения И. Ф. Нильского с Т. И. Филипповым изложены в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения» за 1873–1874 гг. Также Филипповым велась переписка с греческими иерархами и богословами по данному вопросу. Таким образом, обсуждаемые на заседаниях Санкт-Петербургского отдела вопросы получили широкое освещение и стали известны далеко за пределами двух столиц, вызвав резонанс.

В рассуждениях отдела «о проблемах единоверия» от сношений со старокатоликами следует выделить следующие отличия: 1) причиной разделения между католиками и старокатоликами послужило отрицание догмата, а причина раскола в Московской Руси в XVII в. имела не догматический, но обрядовый характер, что принципиально важно; 2) у членов Московского общества и его Санкт-Петербургского отдела, в отличие от постоянных сношений со старокатоликами, не было контактов с единоверцами и раскольниками, рассуждения велись среди членов отдела с привлечением лиц интересующихся проблемой, но не было попыток наладить контакты с представителями единоверчества. Пожалуй, единственное исключение составляли рассуждения на заседании Московского ОЛДП о незаконности Австрийской иерархии и ответ общества в печати на объяснения Геннадия, именующегося епископом Пермским и всего Урала⁴.

¹ МЕВ. 1873. № 41. С. 397.

² Гражданин. 1873. № 21. С. 608.

³ Там же. 1873. № 4, 5, 10, 11; 1874. № 10, 24 и др.

⁴ МЕВ. 1873. № 3. С. 28.

Из всех выступающих в заседаниях Петербургского отдела нужно выделить двух главных оппонентов, членов отдела, специалистов по старообрядчеству: И. Ф. Нильского и Т. И. Филиппова, чьи исследования и послужили основной для обсуждения проблемы. Еще до создания отдела было выявлено разногласие: что, собственно, представляет собой единоверие? В отличие от бесспорного понимания термина «старокатолик», не было ясности с понятием «единоверец». Является ли единоверие то же, что и Православная Церковь¹, или является только приближением к Православии² или же по своему духу и направлению единоверие во многом сходится с расколом?³

Т. И. Филиппов раскрыл свое видение «о нуждах единоверия» — единство веры состоит в единстве догматов, а не обрядов, разнообразие которых было неизбежно в древней Церкви⁴. И предложил вопросы к обсуждению:

1. В учреждении единоверия с ограничениями, закрепленными в правилах 27 октября 1800 г., есть противоречие с воззрением Православной Церкви на свободу обряда — состояние единоверцев, недопустимых к полному общению с православными.

2. Правила единоверия несогласны с постановлениями Собора 1677 г., так как клятвы сего Собора распространяются на всех тех, кто продолжает держаться старых обрядов после Собора.

3. Клятвы Собора 1667 г. — «главный узел вопроса». А самый действенный способ разрешения проблемы — отмена клятв Собором Православной Церкви.

Филиппов утверждал, что между членами Церкви, соединенными одной верою, но разделенными обрядами, признаётся равенство прав и чести, но наши единоверцы не пользуются полнотой церковных прав и терпят различные стеснения⁵. Ведь если православные епископы свя-

¹ Московские ведомости. 1869. № 131. С.

² Большинство единоверцев и православных считают единоверие чем-то отдельным от Православной Церкви или же видят в нем только приближение к Православии (см.: Христианское чтение. 1870. № 2. С. 64).

³ Христианское чтение. 1870. Ч. 1. С. 285.

⁴ ЧОЛДП. 1873. Кн. 9. С. 444.

⁵ МЕВ. 1873. № 41. С. 398.

щеннодействуют в единоверческих храмах по единоверческим обрядам, по единоверческим книгам, если оба обряда имеют одно и то же священство, то они суть одна вера, одна Церковь. Часто в единоверческие приходы определяют православных священников, вынужденных постоянно употреблять дониконовские обряды. В связи с этим возникают вопросы: почему единоверческие священники могут причащать православных мирян только в крайней нужде, в смертельной опасности, при отсутствии рядом православного священника, а также можно ли позволять православным переходить в единоверие — в каких случаях, при каких условиях. Ведь там, где признано полное единство веры, не может быть и речи о переходе из одного в другое как в особую Церковь. Каждому должно быть предоставлено право приступать к Таинствам в той или иной Церкви, как предоставляется право посещать храмы различных приходов. На основании своих исследований Филиппов утверждал, что главная причина, побудившая митрополита Платона при установлении правил единоверия допустить не равного достоинства единоверцев и православных, состоит в том, что употребление дониконовских обрядов, разрешенных правилами 1800 г., было на Соборе 1667 г. воспрещено безусловно с клятвою.

Таким образом, при учреждении единоверия пришлось пойти на полумеру, то есть употребление запрещенного обряда разрешить, но употребляющих этот обряд до полного равенства с прочими православными членами Церкви не допускать, так как клятвы Собора ни митрополит Платон, ни Синод своею властью разрешить не могли, а также чтобы не оскорбить восточных патриархов, которых не сочли нужным или возможным запросить по данному вопросу¹. В качестве подтверждения своей версии Третий Иванович указал, что большинство московских священников не желали допустить старообрядцев в общение с Православной Церковью именно по причине проклятий «правил» старообрядцев².

¹ ЧОЛДП. 1873. Кн. 9. С. 447.

² В 1799 г. московские старообрядцы подали митрополиту Платону просьбу в 16 пунктах о допущении в общение с Православной Церковью при сохранении старых обрядов. Митрополит запросил мнение московского духовенства. Большинство из них высказались против принятия в общение.

Основываясь на документах, Филиппов отстаивал свою точку зрения. Ведь соборное постановление 1667 г. является завершающей законодательной мерой в ряду мер, принятых по вопросу обрядов, однако нужно обратить внимание на предшествовавшие события и постановления. В 1656 г. на вопрос Никона о перстосложении присутствовавшие в Москве Патриархи Антиохийский Макарий и Сербский Гавриил, митрополиты Никейский Григорий и Молдавский Гедеон сначала устно, а потом письменно заявили о троеперстном сложении: «а кто не творит тако, есть еретик... И сего ради имамы его отлучена от Отца и Сына и Св. Духа». Затем в Москве в день Православия Патриарх Антиохийский в соборном храме возгласил: «Сими тремя первыми великими персты всякому православному христианину подобает изображать на себе крестное изображение. А иже кто по Феодоритову писанию и ложному преданию творит, той проклят есть»¹. Эти проклятия узаконил Собор 1656 г., на котором было заявлено, что тот, кто знаменует себя двумя перстами «всячески отлучен от Церкви».

На Московском Соборе 1666 г. еще до прихода восточных патриархов Паисия и Макария состоялось новое определение, воспрещающее кроме двуперстия и прочие особенности дониконовского обряда, ослушавшийся подвергался наказанию: «...аще будет от освященного чина, извергаем и обнажаем его всякого священнодействия и благодати и проклятию предаем, аще же от мирского чина, отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и Св. Духа и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника... от Церкви Божия отсекаем, яко гниль и непотребен уд...»² Филиппов обращает внимание, что расколоучителей судили особо, по мере вины каждого из них, а это — общее, безличное обращение к лицам, вины коих Собор еще не знает. Он привел ряд документов³ духов-

¹ ЧОЛДП. 1873. Кн. 9. С. 457–458.

² ЧОЛДП. 1873. Кн. 9. С. 459.

³ В 1682 г. соловецкие и московские старообрядцы просили патриарха сохранить общение с Церковью с сохранением старого обряда, о чем просили соборного рассмотрения, — им было отказано. В 1720 г. по распоряжению императора издан чин принятия в Церковь обращающихся из раскола. Новообращенному предлагалось произносить отречение от особенностей до никоновского обряда. Указ Синода от 15 мая 1722 г. (п. 1): «Которые хотя Св. Церкви и повинуются и вся церковные Таинства приемлют, а крест на себе изображают двумя перстами,

ной и светской власти, подтверждавших, что употребление дониконовского обряда до времен Екатерины II было воспрещено безусловно, что отказ от перемены перстосложения был достаточной причиной, чтобы не допустить старообрядцев в Церковь, со старыми обрядами боролись. В таком случае при учреждении единоверия под проклятия попадали не только старообрядцы и единоверцы, но и архиереи Православной Церкви, служа в единоверческих храмах по старопечатным книгам, совершая обряды, проклятые Собором 1667 г.

Но только впоследствии стала приниматься мысль, что клятвы наложены на тех, кто из-за обрядов удаляется от Церкви и ее поносит, и что старообрядец, пожелавший войти в общение с Церковью, с сохранени-

а не треперстным сложением — тех кои с противным мудрованием, и которые хотя и по невежеству и от упорства то творят, обеих писать в раскол, не взирая ни на что». Распоряжение Синода 1724 г. — к приведенному выше тексту добавлена фраза: «а двойного оклада платить не хотят». В 1752 г. вышло второе издание «Пращицы», в которой на вопрос (212-й): «Аще который иерей ныне во святей Церкви отслужит святую Литургию по старопечатным служебникам на седми просфорах с изображением осьмиконечного креста с обычной надписью: агнец Божий, вземляй грехи мира будет ли пречистое Тело и Кровь Христова или ни?» Дан ответ: «Аще которые попы дерзнут тако служить, противящееся восточной и великороссийской Церкви и вышепомянутой соборной клятвы, таковии суть прокляты и отлучены и извержены и весьма священнослужения обнажены, и от таковых собором проклятых и священства изверженных попов не может быть сущее святое Тело и Кровь Христова весьма». Вопрос был задан о священниках Православной Церкви, так как об истинности служения священника, ушедшего в раскол, речи не шло. А цель вопроса уловить церковную власть в противоречии самой себе, указав на то, что прежде же служили на семи просфорах и по старым служебникам — отчего же стало нельзя в той же самой Церкви. О силе священнодействия раскольничьих попов был предложен 227-й вопрос. Вопрос 211 «Пращицы»: «...Прежде... совершали Св. Литургию по старопечатным служебникам, на седми просфорах. И по тем служебникам совершаема древле пречистое Тело во священных литургиях совершенное ли то самое Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа или ни?». В 1668 г. наказание священников тихвинского посада только за одно отступление от Собора 1664 г. — совершение литургии на просфорах старой печати с осьмиконечным крестом и надписью — «отказать тех священников от божественной службы и отправить провожатыми в митрополичий приказ. <...> просфирни держать скованными...» Дальнейшая судьба этих священников неизвестна. Филиппов ставит вопрос — могли ли исходить такие постановления от духовной и мирской власти, если бы употребление старого обряда не было воспрещено Собором 1667 г.?

ем своих обрядов, освобождается от клятвы не вследствие разрешения от оной со стороны Синода, а в силу самого соборного определения 1667 г.¹

Филиппову возражали прот. И. Васильев, профессора И. В. Чельцов, И. А. Чистович, И. Ф. Нильский². При этом Нильский выразил готовность согласиться с мнением г. Филиппова о необходимости соборного пересмотра тех определений Собора 1667 г., которые относятся к старым обрядам, ибо клятвы смущают совесть раскольников и православных³. Но принятие синодального определения от 1724 г. Нильский объясняет подозрением в неискренности обращения к Церкви людей, не желавших оставить двуперстное знамение, а также извлечением пользы для казны от двойного оклада. Исходя из того что Указ Синода 1724 г. ссылался на Указ его императорского величества, не известный ни Нильскому, ни другим участникам «рассуждений», причем Нильский признавал, что не знает, был ли вообще такой Указ, Нильский все же ставит вопрос — нельзя ли смотреть на указанное распоряжение Синода как на изданное под влиянием светской власти по причине того, что государству нужны были деньги, а синодальные члены готовы были исполнить волю императора.

Таким образом, целая серия выступлений по проблемам раскола выявила разное понимание относительно клятв Собора 1667 г. Не удалось прийти к единому мнению и относительно ограничений при учреждении единоверия. Объясняя ограничения при учреждении единоверия, профессора Нильский и Чельцов, указывали на 5-й пункт просьбы старообрядцев к митрополиту Платону, «чтобы их единоверческих священников не требовать в Греко-российскую Церковь, то есть в православные храмы к соборным молениям, а совершать им эти моления в Церквах единоверческих, чтобы их самих не принуждать принимать в свои храмы на общую молитву людей, знаменующих себя тремя перстами, бреющих брады и имеющих другие обычаи, несогласные с их обыкновениями»⁴.

¹ Гражданин. 1873. № 5. С. 155.

² МЕВ. 1874. № 5. С. 45.

³ МЕВ. 1873. № 41. С. 389–407.

⁴ ЧОЛДП. 1873. Кн. 8. С. 387–388.

Утверждая главной причиной неравноправного положения не умаление достоинств единоверческой Церкви, а снисхождение к немощи единоверцев. Хотя указанный пункт не был принят при учреждении единоверия, однако на момент обсуждения «нужд единоверия» в Петербургском отделе почти во всех единоверческих храмах он был вывешен.

Отдельно следует отметить, что по поводу необходимости исправления богослужебных книг, где, например, Сын Божий величался «созданным и сотворенным» по Божеству, а воплотившееся Слово называлось «единым точию человеком»¹, возражений не было. Об этом говорил еще прп. Максим Грек, и восточные иерархи не раз «зазирали» за неисправление священных книг и за другие церковные вино².

Ярким примером различного толкования одного и того же документа послужил разбор Нильским и Филипповым исключительного события, произошедшего в 1682 г. в грановитой палате, а именно объяснение между Патриархом Иоакимом и представителем старообрядческого движения в стрелецком войске Саввою Романовым в присутствии царицы и московских духовных властей. Нильский, доказывая, что гонения были не за крестное знамение и не за молитву по старым книгам, а за то, что старообрядцы хулили Церковь и соблазняли народ, приводит слова Патриарха, что креститься можно и двумя перстами, и тремя. То же вслед за Патриархом повторил и нижегородский епископ³. Однако Филиппов опровергает доказательства Нильского, цитируя далее по тексту документа обличительные слова Саввы нижегородскому епископу в том, что и ныне в Нижнем Новгороде сидят три человека за крест и молитву. После полученного на допросе ответа, что они во всем повинуются Церкви и архиерею: «...во всем повинуюсь и волю вашу без прикословия будем творити, точию увольте нам крестное знамение и молитву по старому имати»⁴, епископ повелел бросить старообрядцев в ту же яму. По мнению Филиппова, этот поступок нижегородского архиерея вполне соответствует постановлению 2 июля 1666 г.

¹ ЧОЛДП. 1873. Кн. 8. С. 383.

² Там же. С. 385.

³ Там же. 8. С. 412.

⁴ Там же. Кн. 9. С. 463.

Филиппов утверждает, что свое истинное отношение к старым обрядам Патриарх Иоаким высказывает в изданном через несколько месяцев после прений Увете духовном. Здесь Патриарх не стал подтверждать свои слова, сказанные им в Грановитой палате о равенстве двуперстного и трехперстного знамения, но заявил, что двуперстное сложение есть знамение неправославное, арменского происхождения. Патриарх Иоаким в Увете ссылался на проклятия Собора 1656 г. на тех, которые не принимают троеперстия, а в заключение Патриарх Иоаким прокликает употребление всех вообще Собором воспрещенных особенностей обряда и тех, кто держались этих особенностей. «Елицы же тако не мудрствуют, прокляты да будут... Мы не мудрствующих тако проклятию и анафеме предаем»¹. По мнению Филиппова снять клятвы мог только Собор Православной Церкви. Еще в 1864 г. московские единоверцы просили свт. Филарета (Дроздова) ходатайствовать пред Синодом о снятии клятв и о сношении с восточными Патриархами по этому поводу, но константинопольское посольство, через которое предполагалось передать текст определения, выразило сомнение в успехе, предполагая отказ Патриархов признать двоеперстие и другие дониконовские обряды. Так дело остановилось².

В связи с отменой клятв возник и вопрос о статусе Московского Собора 1667 г. и Синода и о том, чьей властью могут быть клятвы отменены? Филиппов опроверг заявление профессора Чельцова о том, что Синод Русской Церкви представляет собой постоянный Поместный Собор Русской Церкви и поэтому имеет достаточно полномочий³. Ведь мысль о постоянном Соборе Церкви неизвестна, Соборы созывались с некоторой периодичностью для решения конкретных вопросов. При утверждении Синода, на запрос Петра I, восточные Патриархи признали Синод «братом во Христе», то есть Синод является собирательным

¹ ЧОЛДП. 1873. Кн. 8. С. 464–465.

² Клятвы были сняты только в XX в., но и теперь раскол не уврачеван. 1) 20 августа / 2 сентября 1918 г. Поместным Собором Русской Православной Церкви; 2) 23/10 апреля 1929 г. решением Временного Патриаршего Священного Синода Русской Церкви; 3) 2 июня 1971 г. Поместным Собором Русской Православной Церкви.

³ ЧОЛДП. 1873. Кн. 9. С. 487–489.

Патриархом, подчиненным Собору, но не равным ему. Таким образом, Синод не может отменять постановления Собора. Для отмены клятв должен быть созван Собор, но только ли из русских иерархов, или необходимо представительство восточных Православных Церквей? Был ли Московский Собор 1667 г. поместным или вселенским? Два восточных Патриарха прибыли в Москву совсем не случайно, а по приглашению царя, другие два Патриарха прислали свои заочные отзывы, то есть также участвовали в соборных постановлениях.

Утверждая, что статус Собора 1667 г. был выше Поместного Собора, Филиппов указывал на следующие обстоятельства. Собор, в 1660 г. совершивший суд над Патриархом Никоном, состоял из одних иерархов Русской Церкви, но затем пригласили восточных Патриархов, поняв, что решения Собора без участия представителей других Православных Церквей «не будет иметь надлежащей твердости»¹. Следовательно, власть Поместного Собора 1660 г. была признана меньшей по сравнению с властью Собора, с участием восточных Патриархов. Во времена царствования Федора Алексеевича Русская Церковь не решилась возратить Никону патриаршего сана, получив на свой запрос отрицательные отзывы восточных Патриархов, что также подтверждает невозможность отмены «клятв» Поместным Собором Русской Церкви без участия единоверных Церквей. Если по прибытии восточных Патриархов им представили на рассмотрение и утверждение определения 1666 г. о воспрещении дониконовского обряда, которые они благословили и утвердили², значит, прибытие Патриархов имело принципиальное значение. То, что имело нужду в благословении и утверждении восточных Патриархов, разве могло быть отменено без согласия и ведома восточных Церквей? Филиппов утверждал, что не может быть безусловного равенства между собой Поместных Соборов и отрицал право каждой Поместной Церкви отменять своею властью определения, которые состоялись по общему согласию всех единоверных Церквей. Здесь нет опасности подчинения Русской Церкви восточными Церквами, но сношения и советы являет собой взаимную связь православных Церквей во имя истины.

¹ ЧОЛДП. 1873. Кн. 9. С. 491.

² Там же. С. 492.

Чельцов же высказал мысль, что в разное время и в разных обстоятельствах всякая власть может без противоречия самой себе одно и то же в одно время позволять, а в другое запрещать¹, а синодальная форма церковного управления, не являясь обыкновенной формой Собора, в действительности является соборною. В ответ на обвинения Нильского в искажении исторических документов², Филиппов, подтверждая свою научную добросовестность, принес с собой на заседание отдела источники, по которым члены отдела Осинин и Бычков, добровольно взяв на себя эту работу, сверяли правильность цитат, произносимых Филипповым, о чем заявляли во всеуслышание³. Оппоненты представили к разъяснению вопроса «о нуждах единоверия» настолько обширные исследования, что секретарь отдела А. А. Киреев в отчете о деятельности Петербургского отдела за 1873/74 г. заявил, что вопрос этот может считаться исчерпанным⁴. Однако это заявление нужно признать ошибочным.

Ф. М. Достоевский, полностью поддерживавший позицию Т. И. Филиппова в данном вопросе, высказал мнение, что чтения Филиппова застали представителей Петербургской духовной академии врасплох. Профессора Чельцов, И. А. Чистович и прот. И. Васильев «не могли сказать ничего, кроме общих мест» и никакой мысли, которая была бы неизвестна Филиппову. А Нильский, бесспорно зная историю раскола, не имеет «серьезного изучения и понимания этого явления русской жизни»⁵. Достоевский справедливо указывал, что если бы в XVII в. смотрели на изменение обряда так, как смотрят на него в XIX в., то и раскола бы не было. Однако действия церковной и светской власти показывают, что они преувеличивали значение обряда не меньше, чем старообрядцы. «Отсюда и произошло запрещение старого обряда и клятвы, сопровождавшие его»⁶. Он заявил, что оппоненты могли опровергнуть доводы Филиппова, только апеллируя к определению Собора и рассмотрев

¹ ЧОЛДП. 1873. Кн. 8. С. 496–499.

² Христианское чтение 1874. № 5–6. С. 253, 310.

³ Гражданин. 1874. № 10. С. 293.

⁴ ЧОЛДП. Кн. VI. 1874. С. 369.

⁵ Гражданин. 1874. № 24. С. 642–643.

⁶ Там же. С. 643.

церковную практику, но опровержения не произошло, так как соборное определение, вне всякого сомнения, запрещало употребление старого обряда. Достоевский, показывая абсурдность обвинения, предъявленного Филиппову, в том, что он «подорвал всякое значение и силу единоверия», замечает, что несколько чтений Филиппова, обсуждаемых в Обществе и в периодических изданиях представителями духовной академии, не могут подорвать религиозное учреждение и не могут стать основанием превратных толков раскольников¹. Достоевский провозгласил истину главной и единственной целью научного исследования. Этого же мнения придерживался и Филиппов².

В Москве на заседаниях ОЛДП рассматривалась необходимость правильной церковной организации раскольников с различных точек зрения: исторических, юридических, религиозных, политических, государственных и нравственных. Так, А. Д. Любавский³ в своем докладе высказывался за учреждение старообрядческого Синода в Москве как государственного учреждения для управления церковными делами раскольников и признание раскольниковских епископств и священства⁴. Этой же проблеме посвящены две его докладные записки⁵, принятые неоднозначно. На неприемлемость объединения всех раскольников многочисленных толков, пораженных своими взаимными раздорами, под управлением единого старообрядческого Синода указывал иеромонах Пафнутий, считая необходимым принять меры против соращения православных в раскол⁶. К тому же не все докладчики считали полезным продолжать рассуждения «о нуждах единоверия» вообще и об обрядах частности, опасаясь расположить старообрядцев к мысли, что «вся сила в сохранении старых обрядов»⁷.

¹ Гражданин. 1874. № 24. С. 654.

² ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 6.

³ Александр Дмитриевич Любавский — правовед 21-го выпуска, участвовал в составлении судебных уставов от 20 ноября 1864 г. и судебных уставов от 19 февраля 1875 г. для губерний Царства Польского.

⁴ ОР РГБ. Ф. 206. Карт. 14. Ед. хр. 8/1. Л. 1–2 об.

⁵ Там же. Л. 3–3 об.; Ф. 206. Карт. 14. Ед. хр. 8/3. Л. 5.

⁶ Там же. Ф. 206. Карт. 14. Ед. хр. 8/5. Л. 10–11 об.

⁷ МЕВ. 1873. № 40.

Что послужило причиной окончания обсуждений, пока неясно. Однако формальной точкой, поставленной в дискуссиях Петербургского отдела о «нуждах единоверия», можно считать статью профессора Московской духовной семинарии И. В. Беляева¹, опубликованную в 1875 г., несмотря на то что работа была написана в 1850 г. (дата стоит в заглавии). Автор статьи не опровергает доводы Филиппова, но негативно оценивает постановления Стоглава о двоеперстном сложении, двоекратном возгласении «алиллуиа», неумеренное осуждение брадобрития как основание, на котором держится раскол. Автор, не никак не аргументируя, называет правила Стоглава «противными всеобщему церковному преданию»², ставит под сомнение достоверность книг, на основании которых были приняты соборные решения Стоглава, тем самым лишая правомерности применения старых обрядов, которые, собственно, и были подтверждены Стоглавом, к тому же Стоглав проклинал тех, кто отвергал их: «...аще кто не крестит двема персты, якоже и Христос, да будет проклят». После публикации указанной статьи полемика в периодических изданиях Общества любителей духовного просвещения прекращается. Но не прекращается обсуждение проблемы среди членов Петербургского отдела, которое с этого времени можно проследить только по письмам и дневникам членов отдела, а также вовлекаются в обсуждение греческие иерархи и богословы – полемика становится все более накаленной. Собственно новых исследований уже не приводится, но из научных рассуждения переходят в нравственную плоскость.

Секретарь Петербургского отдела Киреев особо отмечает, что в научной стороне вопроса не может быть сделано уступок. Он оценивает речь Филиппова «о нуждах единоверия» как искру, «которая в юном Обществе произвела пожар, который гляди его уничтожит»³. Статьи в «Гражданине» в «беспощадном виде», опровергающие доводы оппонентов, доказывают, что это «Общество – царство разделившееся само в себе» будет недолговечно⁴. Нравственную ответственность за резкость

¹ ЧОЛДП. Кн. 7–12. 1875. С. 51–87.

² Там же. С. 55.

³ ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1951. Л. 29–29 об.

⁴ Там же. Л. 30–30 об.

высказываний Киреев возлагает на редактора «Гражданина» и просит Филиппова уговорить Достоевского написать статью в журнале в примирительном духе¹.

Ситуация достигла кризиса в 1876 г. в решении Филиппова выйти из ОЛДП. В письме учредителю Петербургского отдела великому князю Константину Николаевичу Т. И. Филиппов пишет, что уходит «с разбитым сердцем» единственно потому, что усомнился в праве «оставаться среди вас»². Далее в серии писем Киреев пытается разрешить тягостное положение и выражает надежду на возвращение Филиппова в совет Общества³, указывая, что совет не разделяет мнение Нильского о неправославности Филиппова⁴. В дальнейшем в серии писем на имя Третья Иванoviча Киреев пытается урегулировать ситуацию: редактируются тексты, заранее вырабатывается формула адреса на имя совета и заявление совета по поводу выхода Филиппова из Общества, впоследствии зачитанных в заседании⁵, с согласия Филиппова Киреев удаляет резкие фразы Филиппова, затрагивающие Нильского⁶, граф Толстой убирает ссылки Филиппова на документ Синода 1724 г. о равночестности обливания с погружением,⁷ Киреев предлагает Филиппову меры по уменьшению полемики⁸. В свою очередь Филиппов высказал сожаление о нескольких оскорбительных выражениях, сказанных им во время обсуждения. Киреев с сожалением признал, что в старообрядческом вопросе присутствует политический коэффициент, и выражает надежду, что его не будет в вопросе соединения со старокатоликами⁹.

Филиппов отправлял свое исследование и протоколы заседаний отдела, отражавших «рассуждения о нуждах единоверия», греческим

¹ ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1951. Л. 31.

² Там же. Ед. хр. 1078. Л. 1–2.

³ Там же. Ед. хр. 1951. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 27 об.

⁵ Там же. Л. 27, 37.

⁶ Там же. Л. 35.

⁷ Там же. Л. 35–35 об.

⁸ Там же. Л. 39–39 об.

⁹ Там же. Л. 35 об. – 36.

богословам¹, для того чтобы они, вникнув в изложение спора, впоследствии доложили Святейшему Григорию и архиереям². Всесвятейший Патриарх Григорий обещал рассмотреть труд Филиппова³. Соглашаясь с Филипповым в истинности его исследований, греческие адресаты, однако, не считали, что эту истину нужно было раскрывать «перед массою темного народа»⁴. К тому же в связи с трудностями созыва Собора греческий архиерей не увидел в этом практической пользы в настоящее время. Филиппова упрекали в том, что благодаря ему раскольники узнали неправильность многих церковных постановлений, тогда как Филиппов считал, что «первая и последняя забота Церкви должна быть об истине»⁵, а также в том, что он приступил к своему исследованию без благословения. Но Филиппов «почел бы себя счастливым человеком, если бы знал, от кого можно было взять благословение на это дело»⁶. Единомыслие Высокопреосвященного Иннокентия с Филипповым в данном вопросе было выявлено только на заседании Синода, когда чтения уже были напечатаны, никого другого, у кого можно было бы взять благословение, Филиппов не знал. Филиппов обсуждал также переписку с греческими адресатами К. П. Победоносцева⁷, несмотря на свидетельство Витте, что они «друг друга не любили и расходились во всем»⁸. При этом Третий Иванович указывал на то обстоятельство, что Высокопреосвященный Антоний во всем с Филипповым согласен. Значение соборного определения 13 мая 1667 г. греческий иерарх понимал в том самом смысле, в каком и Филиппов, однако настаивал, что, открыв истину, Филиппов обязан

¹ Архимандриту Анастасиаду Иоанну, «халкинским друзьям» Илии Тандалиду, Гр. Зигавино, К. Васиди и г. Балабанову, афонскому иноку Михаилу.

² ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 1–7 об.; Ед. хр. 1114. Л. 1–2; РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Л. 3–6 об.

³ ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1114. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 6 об., –7.

⁷ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 1–2 об., 3–3 об.

⁸ Витте С. Ю. Воспоминания. Детство царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Л., 1924. Т. III. С. 250.

был перед Церковью об этом промолчать¹. Стоит особо обратить внимание на отношение самих старообрядцев и единоверцев к обсуждению «о нуждах единоверия» в Обществе любителей духовного просвещения. Опровергая единственное опубликованное мнение «единоверца» о том, что «лекции г. Филиппова — это мутные волны» и единоверцы несколько не нуждаются в ходатайстве г. Филиппова², в фондах двух архивов сохранились благодарственные письма и адреса на имя Т. И. Филиппова³, а также проект адреса Константинопольскому Патриарху⁴.

Проблема единоверия не только не была решена, но и видение самой проблемы было различно. Были проведены исследования, прочитаны доклады, обсуждение которых как на заседаниях, так и в периодике выявило разные точки зрения и вызвало живой интерес и полемику,

¹ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 1–1 об.

² Христианское чтение. 1874. № 1. С. 127.

³ «Прочли в “Чтениях в ОЛДП”. Да воздаст Вам Господь за правдивое рассуждение о нас, старообрядцах. Вы первый из ученой среды сказали то, о чем молчат 200 лет пастыри Великой Церкви. За нас говорит древнее церковное рукописание (до Никона)... свидетельство непогрешимой Святости наших обрядов. Подписи: прихожане единоверческой Покровской Церкви» (ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1–2). «Прочли в протоколах СПб отдела. Говорится об устранении тех преград, которые всегда служили и доньше служат для многих “претыканием и камнем соблазна”». «Вы разъяснили истинный смысл соборных клятв». подписи: старообрядцы по святоотеческому священству... (Там же. Л. 3–4 об.). «Начаты при Никоне клятвы произвели в народе великое смятение, возмущение, ожесточение и конечное разделение. О несправедливости клятв. Единоверие поставлено в двусмысленное положение: одновременно существует и благословение и клятвы на одни и те же предметы» (Там же. Л. 5–6 об).

⁴ Российские единоверцы выражают признательность Святейшему Константинопольскому Патриарху за благосклонное дозволение просить Майноским старообрядцам у Российской Церкви священства, которое и получили. С радостью встретили известие, что Константинопольский Патриарх разрешил принять на правах единоверия воссоединившихся с Православной Церковью старообрядцев села Майносс Кизической митрополии и изъявил согласие, чтобы избранный ими человек был рукоположен в г. Москве. Пишут о сохранении связи с Матерью Церковью в канонах, Уставах. Авторы адреса убедились, что положенные на Московском поместном соборе 1667 г. отлучения (так называемых) старообрядцев не имеет значения в глазах... Вселенского Патриарха и Синода. Пишут о равнодушии Российских иерархов (РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 1–2 об.).

однако, обнаружив болевые точки, не привело к согласию. Даже после прекращения деятельности отдела его бывшие члены продолжали заниматься проблемами раскола и единоверия¹. По прошествии почти 20 лет Третий Иванович, имея в виду исследования Каптерева и Голубинского, пишет о том, что его чтения о нуждах единоверия не остались без плода². Интересно наблюдение Достоевского, который заметил, что «люди, получившие богословское образование, не редко не сходятся между собой в существенно важных основных понятиях. Что одному кажется аксиомой, то для другого дерзкий парадокс, в чем один видит стыд гибель, в том для другого честь и единственный залог спасения»³.

Ведь при сношениях со старокатоликами никто из членов Петербургского отдела и Московского ОЛДП не заявлял, что разность в обрядах может сделаться препятствием к церковному общению между людьми, единомысленными в догматах, но Общество разделилось, когда речь зашла о применении того же начала к православным членам русской Церкви — единоверцам⁴. Отсюда Федор Михайлович сделал неутешительные выводы о весьма неудовлетворительном состоянии науки даже в высших духовных заведениях⁵. Он писал, что Церковь, не имеющая Собора, лишена «главного орудия не только для охранения своей свободы, но и для соблюдения твердого единомыслия между ее членами, которым некуда приносить на суд свои разноречивые личные мнения»⁶. Хотя цель обсуждений не была обозначена ни в одной статье, но в своих исследованиях оппоненты искали не только истину, но и способы урвать раскол. Необходимо было также выявить правильное понимание законодательства о единоверии.

Таким образом, членами Петербургского отдела была проделана колоссальная работа по исследованию рукописей, связанных с расколом

¹ Христианское чтение 1881, 1883—1886; Церковный вестник. 1882, 1886, 1887 и др.

² РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 15.

³ Гражданин. 1873. № 21. С. 608.

⁴ Там же. С. 609—610.

⁵ Заседание Общества любителей духовного просвещения 28 марта. СПб., 1994. Т. 12. С. 168.

⁶ Гражданин. 1873. № 21. С. 608.

и единоверием. К обсуждению были привлечены ранее неизвестные документы. Различие в трактовках одних и тех же документов вызвало диспут, материалы которого представляют самостоятельный интерес. Обсуждения проблем раскола и нужд единоверия в Петербургском отделе предвосхитили постановку проблем понимания клятв на Предсоборном Присутствии, миссионерском съезде 1917 г., Предсоборном совете и Поместном Соборе 1917—1918 г. Рассуждения в отделе «о нуждах единоверия» привели к выявлению других внутренних проблем в Русской Православной Церкви. Разногласие в понимании клятв XVII в. привело членов ОЛДП к более общим выводам: необходимости созыва Поместного Собора Русской Церкви для решения церковных проблем, в том числе и разрешение клятв, к свободе печати, а также сношений с Восточными Церквями по вопросу о снятии клятв.

Обсуждение проблем, связанных с расколом, побудило членов отдела начать исследования важных вопросов современной церковной жизни, в частности вопроса о свободе совести.

М. Е. Грабко

Московский священнослужитель конца XIX — начала XX века на рабочем приходе

На момент переписи населения 1902 г. в Москве проживало 755 226 человек самостоятельного населения, из которых общее количество рабочих различной квалификации составляло 277 737. В пределах Москвы служило, согласно статистке, всего 936 священников¹. Таким образом, на каждого священника приходилось около 350 рабочих, помимо прихожан из других сословий. Численность паствы и особенности общественных процессов начала века тяжким бременем легли на плечи московского духовенства.

¹ Перепись Москвы 1902 г. М., 1906. Ч. 2.

В данной статье будут рассмотрены социальные характеристики священнослужителей фабрично-заводских районов Москвы, к которым относились в первую очередь Пресненская («Прохоровская Трехгорная мануфактура» — 5600 человек), Лефортовская («Товарищество шелковой мануфактуры Мусси» — 2220 человек, «Товарищество московского металлического завода» — 2000 человек,), Серпуховской части («Жако и Ко» — 1080, «Товарищество Э. Циндель» — 2400, «Общество механических заводов Бромлей» — 1500, «Даниловская мануфактура» — 2000). Именно там располагались предприятия с более чем тысячным коллективом, а также многочисленные предприятия меньших размеров: например, частные мастерские. Церковный приход, расположенный вблизи крупного фабрично-заводского комплекса, становился «рабочим» в силу своего местонахождения и получал в духовное попечение служащих ближайшего предприятия. Московские храмы, в приход которых входили заводские участки, имели наибольшую концентрацию прихожан из рабочих. Современник отмечает: «Никто никогда не видал столько картин экономического неравенства, как городской священник. Чуть не каждый день он то взбирается на высоту третьего этажа, то спускается в темноту подвала»¹. Причт «рабочего» прихода, как правило, состоял из двух священников, одного диакона и двух-трех псаломщиков.

Анализ клировых ведомостей Замоскворецкого сорока (Серпуховская часть), в границах которого находились крупнейшие заводы Москвы, а также Даниловское общество трезвости, позволяет выяснить общие характеристики происхождения, образования и истории служения священников рабочих окраин². Все священнослужители происходили из духовного звания и родились в пределах Московской епархии. Большинство получило образование в Московской либо Вифанской духовной семинарии. Помимо совершения богослужения и исправления треб они были заняты преподаванием в церковно-приходских школах и городских училищах³. Священники, служившие в непосредственной близости

¹ Церковный вестник. 1905. № 3. С. 69.

² Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 2121. Оп. 1. Д. 1867 (Ведомости о церквях 3-го отделения Замоскворецкого сорока и их причтах и прихожанах за 1904 г.).

³ ЦИАМ. Ф. 2121. Оп. 1. Д. 1867. Л. 26, 41, 56.

от фабрики, приглашались руководством предприятия для исполнения функций законоучителей при фабричных училищах и классах. Настоятели храмов нередко значились членами как церковных, так и светских братств и обществ (Кирилло-Мефодиевское братство¹, Елизаветинское благотворительное общество). Упоминание имен церковнослужителей именно этого сорока наиболее часто встречается в отчетах Комиссии по организации чтений для фабрично-заводских рабочих², а также в списках лекторов фабричных читален и обществ трезвости³. Церковное и светское руководство стремилось назначать их в организации, связанные с просвещением московских рабочих. Так, оба священника храма Сошествия Святого Духа на Даниловском кладбище были награждены «за плодотворную деятельность и сочувствие к нуждам церковно-приходских школ», «за усердное исполнение пастырских обязанностей» и «за безмездные труды» священническими наградами, многочисленными грамотами и медалями. Подобные благодарности были получены за активную деятельность по утверждению народной трезвости. По инициативе священников было создано общество трезвости, а также устроены регулярные лекционные курсы на предприятиях⁴. Псаломщик и диакон этой же церкви также на добровольной основе трудились в обществах трезвости и в школах фабричных училищ⁵.

Московский рабочий чаще всего посещал богослужения в церкви, которая относилась к его предприятию⁶. К примеру, владельцы Трехгорной мануфактуры Прохоровы взяли под свою опеку и содержание Николо-Ваганьковскую церковь: по их распоряжению остававшиеся в церкви огарки свеч отправлялись на ситцевую фабрику. Кружечные

¹ ЦИАМ. Ф. 2121. Оп. 1. Д. 1867. Л. 81, 26, 45.

² Отчет комиссии общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих за 1905–1906. М., 1906. С. 15; ЦИАМ. Ф. 2121. Оп. 1. Д. 1867. Л. 81, 83.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 63. Оп. 23. Д. 47. Л. 4, 5, 18; Оп. 22. Д. 32 (О публичных лекциях, чтениях и заседаниях различных дозволенных обществ). Л. 8, 11, 12.

⁴ ЦИАМ. Ф. 2121. Оп. 1. Д. 1867. Л. 81, 83.

⁵ Там же. Л. 87, 89, 90, 225, 70.

⁶ ГА РФ. Ф. 63. Д. 25 (О надзоре за рабочими и служащими в промышленных предприятиях Москвы). Л. 14, 20.

сборы и поступления от свечного ящика также записывали в счет фабричных доходов¹. Прохоровы выделяли крупные суммы на украшение своей церкви и оплачивали приглашение профессиональных церковных хоров. Пост церковного старосты бессменно занимал один из членов семьи Прохоровых². Церковные расходы, а также оплата клира были отнесены на счет фабрики. В данном случае начальство полностью взяло на себя заботы по обеспечению духовенства и устройству церковной жизни.

Священник по согласованию с администрацией часто посещал фабрику, где устраивались молебны по самым различным поводам: «молебен при паровике», «поновление икон на ситцевой фабрике»³, «при этом кропили и людей, и станки, и товар, и даже лошадей из конного парка»⁴. На подобных мероприятиях помимо духовенства, администрации и самих рабочих присутствовали также околоточный, городской и нередко пристав⁵. Священники по собственной инициативе обходили в вечернее время жилые помещения промышленных предприятий, где проводили беседы на религиозно-нравственные темы⁶. Во время подобных посещений рабочие имели возможность непосредственного общения со священником, и, как видно из воспоминаний, такая потребность существовала: «...настоятель Николо-Ваганьковской церкви, отец Евгений, имел обыкновение в праздничные дни выходить к гулявшей у церкви публике. Попа окружали: завязывалась беседа»⁷. Из приведенных строк видна заинтересованность в общении со священником, которая, однако, нередко имела экономический характер. Рабочие жаловались на свою тяжелую долю, видя в священнике возможного заступника перед начальством⁸.

¹ См.: Лапицкая С. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М., 1935. С. 19.

² Там же. С. 71.

³ См.: Там же. С. 18; Русское богатство. 1903. № 9. С. 189.

⁴ См.: Как мы жили при царе и как живем теперь. М., 1937. С. 83.

⁵ Русское богатство. 1903. № 9. С. 187; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 25. Л. 6.

⁶ См.: Шестаков П. М. Образовательные учреждения и грамотность рабочих на мануфактуре товарищества Эмиль Циндель в Москве. М., 1904. С. 1.

⁷ См.: Лапицкая С. Указ. соч. С. 18.

⁸ Там же. С. 17.

Фигуры многих московских священников напрямую связаны с просветительской работой именно в рабочей среде. Следует отметить, что упомянутый о. Евгений был активным членом противораскольнического Братства Митрополита Петра¹, а также возглавлял приходское попечительство, которое занималось распределением денежных средств среди бедных прихожан. По инициативе протоиерея Евгения Успенского была устроена церковная школа для девочек малоимущих родителей, что давало 70 ученицам возможность получить начальное образование². В фабричной среде Прохоровской мануфактуры была известна фигура иерея Федора Ремова, который входил в состав клира обоих пресненских храмов (Николо-Ваганьковская церковь и Рождества Иоанна Предтечи). Отец Федор был законоучителем в училище Прохоровской мануфактуры, а также деятельным членом приходского попечительства³. В 1905 г. рабочие Трехгорки во время вооруженного восстания пришли к дому этого священника, чтобы защитить его от возможных нападений. Сохранились воспоминания одного из многочисленных детей о. Федора — Николая, который впоследствии стал епископом Варфоломеем (Ремовым): «Отца моего почти никогда не было. День и даже иногда вечер у него были отданы урокам (законоучительству), да и в свободные вечера, если он не выезжал из дома, он был занят»⁴.

Однако современники представляли в ином свете общую внутрицерковную ситуацию. Н. П. Розанов, прекрасно знавший уклад жизни и интересы духовного сословия, поскольку предки его в нескольких поколениях были московскими священниками, писал следующее: «Если в чем и можно было упрекнуть московских батюшек, то это в недостаточной заботе о спасении душ своих прихожан, в лености и свое-

¹ Вся Москва. М., 1907. С. 324.

² ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 543. Д. 34 (О церковно-приходских попечительствах и церковных библиотеках при церквях Московской епархии за 1900 г.). Л. 119.

³ См.: Михайлов. Б. Б. Церковь Рождества Иоанна Предтечи на Пресне. М., 1997. С. 26.

⁴ Варфоломей (Ремов), архиеп. Автобиография // Альфа и Омега. 1996. № 2–3. С. 364–368.

корыстии, в слишком упрощенном отношении к своим обязанностям»¹. Подрастающий попovich имел возможность поступить лишь в церковное образовательное учреждение и пойти по стопам своего отца и деда². Выходцы из духовных семей учились в семинариях не столько потому, что хотели посвятить себя пастырскому служению, сколько потому, что в семинариях, в отличие от гимназий, для них было льготное образование. Таким образом, «кадры московского духовенства пополнялись людьми случайными, которые, как говорится, чаще всего надевали рясу «не ради Иисуса, а ради хлеба куса»³. Подобная ситуация сказывалась на всех сторонах служения священников, из которых лишь самая немногочисленная часть становилась служителями Церкви по призванию. От формального, а часто даже и своекорыстного поведения батюшки чаще всего страдали и приходили в недоумение прихожане, в нашем случае – рабочие, что иллюстрируют нижеприведенные примеры.

Женщина, работавшая в начале века на Трехгорной мануфактуре, вспоминает: «Ходила я в церковь, а потом крепко поругалась с попом: не уплатила ему как-то за говенье, а он с тех пор даже крест целовать не давал»⁴. Или родится, к примеру, сын у рабочего, который захочет, чтобы его чадо приняло Таинство св. Крещения, придет в церковь и столкнется с торгашеством при выборе имени: «За Ивана, брат, меньше трех рублей нельзя, имя уж очень ценное, а не хочешь ли Павсикакия? Этот подешевле!»⁵ Имеют место и следующие слова пастыря на просьбу рабочего отслужить молебен: «Можно и за двугривенный молебен отслужить, да что в нем толку-то?»⁶ Две последние ситуации приводит не атеистически настроенный советский рабочий, а еженедельный журнал, издаваемый при Санкт-Петербургской Духовной Академии, по-

¹ Московское духовенство на рубеже веков: Из воспоминаний Н. П. Розанова «Второе сословие» // Отечественный архив. 1996. № 5. С. 65.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 65.

⁴ Как мы жили при царе и как живем теперь. М., 1937. С. 34.

⁵ Церковный вестник. 1905. № 7. С. 1487.

⁶ Там же.

казывая, что современный ему священник выполнял обязанности лишь «требоисправителя»¹.

Все церковные периодические издания в один голос упрекают духовенство в безжизненности и духовной мертвенности: «Духовенство превратилось не только в чиновничество, но даже более: в политических агентов, а самая Церковь – в ведомство»². Политика государственной власти привела к тому, что «Евхаристия становится своеобразной пробой на благонадежность, способом выявления инакомыслия»³. «Церковь была сдвинута государством с ее места утешительницы»⁴. Священники перестали быть вдохновителями народной духовной жизни, на них лежит печать безучастности и равнодушия, «проповедник явно отсутствует в проповеди», «умея сказать только в утешение: терпи и уповай»⁵. Даже светская печать говорит о необходимости перемен: «Как это ни странно, духовенство донныне стояло в стороне... сейчас не время чтения проповедей, одобренных Святейшим Синодом, не время служения букве. Они должны своим властным словом успокоить мятущихся, поддержать уstraшенных, внушить силу духа слабым»⁶. Известные слова митрополита Вениамина Федченкова не отходят от вышеприведенных характеристик: «...должен сознаться, что влияние Церкви на народные массы все слабело и слабело, авторитет духовенства падал. Причин много. Одна из них в нас самих: мы перестали быть «соленою солью» и поэтому не могли солить и других. А привычки к прежним принципам послушания, подчинения делали наше духовенство элементом малоактивным»⁷.

Отсутствие активной позиции у большинства священников в социально-политических вопросах также часто обсуждается в статьях периодической печати. «Причиной рассеянности духовенства служит его полная неосведомленность в вопросах социально-экономических...

¹ Московское духовенство на рубеже веков. С. 65.

² Церковный вестник. 1905. № 20. С. 905.

³ Ореханов Г. На пути к церковному собору: Церковная реформа и первая русская революция. М., 2002. С. 9.

⁴ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 139.

⁵ Церковный вестник. 1905. № 11. С. 330.

⁶ Московский листок. 1905. № 318. С. 1.

⁷ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 122.

В семинарии нас учили всему, кроме того, что пригодно для жизни¹. Обычный священник рабочего округа зачастую не имел необходимых знаний и квалификации для разъяснения своей пастве опасности того или иного учения. Общественность хотела четкого определения Православной Церкви по острым вопросам современности, как это уже было сделано, к примеру, Церковью Католической. Но «не следует ли, однако, Церкви все-таки иметь свою экономическую программу хотя бы только к общественным потребностям и настроениям? Это равно вопросу: не следует ли Церкви иметь и свою медицину для облегчения больных, и свое кулинарное искусство для накормления голодных? Экономические теории временны и изменчивы, а Церковь вечна»². Таким образом, «знаменем духовенства было сохранение социального статуса-кво»³.

На священство не только церковным начальством, но и государственной властью возлагались функции особого миссионерского служения в среде недавно сложившегося рабочего класса. В 1900 г. появляется определение Святейшего Синода, основанное на императорском указе о беспрепятственном допущении «православных приходских священников в находящиеся в их приходах промышленные заведения для пастырских миссионерских бесед с рабочими»⁴. Основой данного определения стали труды миссионерского съезда, проходившего в Казани в 1897 г. Министерство финансов разослало циркуляры с оповещением чинам фабричной инспекции. Министерство внутренних дел передало губернаторам и чинам полиции указания о соответствующем свободном допуске церковнослужителей. Министерство земледелия и государственных имуществ сделало распоряжение органам фабричного надзора о допущении священников в находившиеся в их приходах горные заводы и промыслы. Таким образом, высочайшим указом была закреплена деятельность внутренней миссии приходских священников, ранее проводимая только по личной инициативе духовенства, руководства предприятия либо по указаниям со стороны церковного начальства. Законодательно закреп-

¹ Церковный вестник. 1905. № 38. С. 1198.

² Восторгов И., прот. Полн. собр. соч. М., 1915. Т. 3. С. 754.

³ Красников Н. П. Эволюция социальной концепции Православия // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 18.

⁴ Московские церковные ведомости. 1900. № 33. С. 87.

плялось «особливое пастырское попечение о работающих на фабриках, заводах и промышленных заведениях православных людях, особенно о женщинах и детях»¹.

Синод идет на специальные меры по активизации деятельности приходского духовенства. В течение всего 1906 г. церковная печать публикует ряд статей о социализме, демократии и самодержавии («Пастырь Церкви среди современных событий», «Методы и задачи “внутренней миссии” пастырей Церкви в современном русском обществе», «Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом», «Почему не все люди одинаково богаты», «Конституционно-демократическая партия и отношение к ней духовенства»)². Публикация статей сопровождалась рассуждениями о том, что духовенство уже «проспало» рабочее движение и «братание темной рабочей массы с противоправительственными агитаторами»³.

В конце все того же 1906 г. «Церковный вестник» наконец размещает статью с определением отношения Церкви к рабочему вопросу⁴. Автор статьи признаёт: «...наша Церковь безучастно относится к одному из самых жгучих вопросов времени». «Рабочий вопрос» есть проблема не только лишь экономическая, но и моральная, которая «затрагивает глубочайший интерес Церкви, а именно: спасение личности»⁵. Таким образом, Церковь должна: 1) защищать интересы рабочего класса перед работодателем; 2) организовать учреждения по «приисканию» труда для безработных и поддержания их; 3) урегулировать отношения между рабочими и предпринимателем; 4) организовывать христианские профсоюзы на приходе⁶. Исполнение этих предписаний, по мысли автора, должно привести к смягчению проблемы, что отразится и на изменении морального облика русского рабочего. «Не презирает христианство земли и земных интересов. Оно дает этому всему только надлежащее место,

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 160. Д. 6 (О допущении православных приходских священников в подведомственные Министерству финансов промышленные предприятия для пастырских миссионерских бесед с рабочими). Л. 2.

² Московские церковные ведомости. 1906. № 2, 3, 8, 14, 16.

³ Церковный вестник. 1905. № 9. С. 263.

⁴ Церковный вестник. 1905. № 37. С. 1284.

⁵ Там же. С. 1284.

⁶ Там же. С. 1285.

надлежащее, а не преувеличенное значение... Пусть придет к человеку заработная плата, хлеб, улучшение жизни, но при безверии и безнравственности все это не принесет счастья: люди злобою и враждой сумеют отравить друг другу жизнь»¹.

Итак, мы видим, что внешне Церковь в начале XX в. была достаточно активной, тогда как духовная жизнь среди рабочих переживала далеко не лучшие времена. Ситуация осложнялась и тем, что кризис веры совпал с кризисом Церкви, что закономерно приводило к еще большей оторванности от нее рабочих. Для спасения авторитета Церкви и веры в новых условиях нужны были новые формы «работы в массах». Духовенство к началу XX в. оставалось в России наиболее замкнутым, самым малочисленным и наиболее «служилым» сословием. В общей массе духовенства мы имеем по большей части две крайности: полная оторванность одних от реалий современной им жизни и чересчур активная, зачастую вредящая авторитету Церкви, политическая позиция других. Священник рабочего прихода находил в своем служении *со-трудника* в лице владельца ближайшей фабрики, который поощрял активную церковную жизнь, лекции и школы. Рабочие нередко возлагали надежды на заступничество фабричного священнослужителя, который в силу своих политических воззрений, социальной активности и собственной инициативы мог каким-то образом помочь работникам. Кроме того, рабочий вопрос в большинстве случаев касался лишь упомянутого фабричного духовенства да отдельных проповедников, занимавших активную общественную позицию. Лишь с нарастанием забастовок Церковь начинает активно обсуждать проблему рабочих и место в ней духовенства. Однако на фоне всеобщего угасания живого восприятия церковной жизни деятельность в промышленных районах отдельных московских священников нередко служила примером самоотверженного подвига.

¹ Восторгов И., *прот.* Полн. собр. соч. М., 1915. Т. 3. С. 235.

К. Я. Паромов

В. В. Розанов о «войне 1914 г.», «русском возрождении» и «молодом московском славянофильстве» (по материалам публицистики 1914–1918 гг.)

Вероятно, не так много в истории событий, смысл которых стремились понять столь упорно и глубоко, как причины и характер Первой мировой войны. Весомый вклад принадлежит здесь самим современникам, ее участникам, жертвам и творцам. Хотя, казалось бы, грандиозное противостояние, задолго до финала навсегда покончившее с привычным миру порядком, само по себе не было неожиданным. «Переживаемая нами... война имеет одну многозначительную особенность: это — не война государств и их правительств, а война национальностей и культур»¹. К октябрю 1914 г. эти слова стали привычной оценкой происходящего.

Мировая война сразу оказалась и борьбой мировоззрений, сложившихся, имевших свои традиции, столь целостных, что трансформироваться, поступиться чем-либо из нажитых ценностей уже не представлялось возможным. Недаром чуткий к общественным настроениям В. В. Розанов сравнил ее «по размерам, по важности, по потрясаемости» с эпохой 60-х годов, когда «были подняты все вопросы...»². Глобальность противостояния давала уникальную возможность (в отсутствие «третьего суда») наконец-то «сыграть в открытую», отбросив условности, коль скоро противник не «ссорающаяся сторона», а «культурный антипод». Именно эта, специфически новая (конечно, вбиравшая и использовавшая типичные аргументы) составляющая риторики военных лет не утрачивала актуальности, отвечая стремлению знать суть, постичь «дух» переживаемых событий.

¹ Рачинский Г. Братство и свобода // Русская мысль. 1914. № 12. С. 84.

² Розанов В. В. К выходу сочинений Аполлона Григорьева // Колокол. 1916. 26 февраля. Цит. по: *Он же.* Собр. соч. В чаду войны: Статьи и очерки 1916–1918 гг. М., СПб., 2008. С. 106.

Достаточно верный показатель общественного интереса, журналистика той поры не оставляла раздумий о войне и особой миссии сражающихся народов (и, примета времени, социальных классов). В самом деле, если (во всяком случае, на первых порах) «наши солдаты» по-прежнему не имели «никакого колебания в том, что Царь знает смысл войны», то интеллигентному читателю уже казалось необходимым разъяснить: «“О, да, у русских вся сила в Царе”... немцы ужасно завидуют этой особенной русской исторической крепости. И боятся ее...»¹ Уловить пафос новых и многообразных процессов, понять «что это» — национальное единение в борьбе с исконным врагом, заря всеславянства, отпор «христианской Европы» «германскому варварству», окончательное решение восточного вопроса, а может, пролог «мессианской минуты русского народа», победителя и гаранта свободного самоопределения наций вчерашней империи², — было насущно и в третий год войны³.

Сказанное не явится большим преувеличением, если помнить о военном напряжении, чьим закономерным итогом стало то, что фронт и тыл буквально поменялись местами, а затем и вовсе утратили границы. Встречая 1917 год, опытный публицист обнадеживал, одновременно делясь тревогой: «Все вести, какие приходят из армии... говорят о ее великом духе... Иное дело в тылу. <...> Мужества, мужества и мужества! Гражданского мужества, потому что военное не убывало...»⁴ Более полугода спустя он вновь призывал читателей: «Будем верить, что единение растет, .. что тыл дышит на фронт и что это дыхание страны — укрепляет, а не ослабляет!»⁵ Разительный контраст не есть лишь смена конъюнктур. Размах событий был столь велик и ошеломляющ, что почти не давал возможности остаться безучастным. Не в газетной статье, а со старинным

¹ Розанов В. В. Война 1914 г. и русское возрождение // Собр. соч. Последние листья. М., 2000. С. 307.

² Розанов В. В. Великороссия и Украина на киевских съездах 25 марта — 8 апреля // В чаду войны. С. 516.

³ См., например: [Розанов В. В.] К новолетию 1917 года // Новое время. 1917. 1 января.

⁴ [Розанов В. В.] К новолетию 1917 года // В чаду войны. С. 466.

⁵ [Розанов В. В.] Надоевшие ноты // Петроградский листок. 1917. 30 июля. Цит. по: Он же. В чаду войны... С. 513—514.

доверенным корреспондентом откровенничал Розанов в апреле 1917 г.: от революции «“умер было” со злости» поначалу, но затем: «...решительно примиряюсь. Прямо — великолепные горизонты в будущем. В сущности, само “Православие” ведь было полуразрушено “Самодержавием”. И, в сущности, “пало Петрово Время”, от которого уже Ив. Аксаков звал “домой”». Стоит ли удивляться, что через месяц о. П. А. Флоренский читал обратное: «Революция опять мне мерзит: не спал ночь и возненавидел русских крестьян: из какой-то деревни эти живодеры прислали в Петроград коллективное требование, чтобы Николая II посадили в Петропавловскую крепость. Когда я узнал этот ужас, я возненавидел весь русский народ, “и с дедушками, и с деточками”. <...> Что им? Что он им худого сделал? И Новоселов с его пошлой Rasputiniad’ой мне стал так глуп и жалок. Ведь Новоселов есть один из инициаторов революции»¹. Вряд ли стоит ссылаться на особую импульсивность Василия Васильевича. Не менее характерным представляется поведение С. Н. Булгакова, «кажется, в 1909 г.» «внезапно, молниеносно, при встрече Государя в Ялте» раз и навсегда ощутившего обаяние монархического принципа вкупе с личностью последнего самодержца, и тем не менее вновь, как когда-то 17 октября 1905 г., вставшего в ряды манифестантов. То «был момент малодушия... я захотел выдать из себя радость, слиться с народом в его “свободе”», — вспоминал о. Сергей².

Подобные примеры не говорят о пассивности мировоззренческих представлений, запоздало «расцвечиваемых» в силу «общей культуры» интерпретаторов. Принесенные войной перемены не поколебали устойчивых ракурсов восприятия действительности. Неизменным остался набор идеологем, способных вызвать политический резонанс. Лишь лозунги одного порядка на какое-то время заглушали остальные, всякий раз оборачиваясь новыми парадоксами. Не только в 17-м году «вдруг все легло плашмя... не могу иначе назвать ту совершенную перемену тона газет и журналов, которые вчера “западнические” — сегодня повторяют

¹ Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Кн. 2. М.; СПб., 2010. С. 405, 407. Здесь и далее выделения принадлежат авторам цитат.

² Булгаков С. Н. Пять лет (1917—1922) // С. Н. Булгаков: pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2003. Т. 1. С. 101.

“славянофильство”», — писал Розанов летом — осенью 1914 г.¹ Никуда не исчезала принципиальная оппозиционность, задающая культурно-политические ориентиры. Вспомним предреволюционные характеристики писателя, чтобы еще раз убедиться в этом. «Петр Великий кликнул клич: “К Западу”. Все метнулось сюда, слова, мысли; но в особенности метнулась... масса государственности... От этого все наши так называемые “радикалы”, суть только кажущиеся радикалы; на самом деле они чуть-чуть только не официозны. <...> Славянофилы же возгласили: “к Востоку”... Они одни... единственные и суть у нас радикалы»².

При внимательном чтении становится заметным типовое родство антагонистов, одинаково стремящихся воспроизвести готовые социокультурные модели. Апелляция к идейному новаторству «Запада» «технически» ничем не отличалась от ссылки на времена Алексея Михайловича, чьим именем, в подражание славянофилам, бравировал Розанов. Естественно, возникало желание показать противникам эту близость, поменять их местами. «Во всей истории нашего “западничества” повторяется то же, на что указали славянофилы: отречение от себя, смиренное о себе сознание, что “не умеем” и “не способны”, и искание, кто бы нас “управил”. Мы звали “Бокля, Спенсера и Конта”, совершенно так же, как когда-то “Рюрика, Синеуса и Трувора”. <...> О всех этих свирепых Чернышевских скажешь: “все-таки они *славные* (славяне)”... Право, наши западники и есть “славяне”». Это с одной стороны, а с другой: «Великая ошибка славянофилов... заключалась в том, что они видели ум... и сердце только в себе... Они были именно малодушны о Русской Истории... Легко ли: оно (славянофильство. — *К. П.*) обвиняло почти вслух все “официальное правительство” в отречении и от православия, и от народности, и даже от самодержавия!!.. Поистине их даже мало гнали»³. П. Б. Струве вспоминал, как на докладе «Отчего левые побеждают центр и правых?», прочитанном Розановым в «дни второй Думы», С. Н. Булгаков «в прениях заметил» Василию Васильевичу, «у которого... учился в ливенской гимназии (в Елецкой. — *К. П.*), что они поменялись ролями:

¹ Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. С. 274.

² Розанов В. В. П. А. Флоренский об А. С. Хомякове // Колокол. 1916. 14, 22 октября. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 411–412.

³ Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. С. 273, 299.

когда-то Булгаков, будучи гимназистом, благоговел перед писаревщиной и ее наивным культом положительной науки, а Розанов стоял на почве идеализма; теперь же Булгакову, ставшему идеалистом, приходится выражать Розанову, переживающему рецидив гимназического увлечения писаревщиной»¹.

По-своему ощущая общность интеллектуальных приемов и этических предпосылок заглавных направлений русской мысли, писатель «начал призывать к миру и успокоению»². Однако политическая сфера не сводилась к семантическим опытам. Спустя два года благодушная диалектика начала войны уступила место отчаянной надежде, философ будто «заговаривал судьбу»: «Теперь все патриотичны. Теперь Гос. Дума вся и сплошь, кроме двух Аяксов, Керенского и Чхеидзе, патриотична и народна. А патриотическому и национальному представительству можно дать функции, права и прерогативы “не в пример *прочим*”... нынче все “под Богом” и все “перекрестясь”. А с такими — не страшно»³. Аналитика юбилейного панегирика с хорошо обоснованным выводом — благодаря представительству «настроение страны стало неузнаваемо... по колоссальному... передвижению в сторону охранения вообще... национального самосознания вообще», а «революционные вспышки... совершенно затихли»⁴ — получила категоричный эпилог в марте — апреле 1918 г.: «В 14 (? — *К. П.*) лет “Государственная” Дума промотала все, что князья киевские, цари московские и императоры петербургские, а также сослуживцы их *доблестные* накапливали и скопили в тысячу лет. <...> Оказались правы одни славянофилы... Поразительно, что во все время революции» они «не были даже вспомнены. Как будто их никогда даже

¹ Струве П. Б. Большой писатель с органическим пороком: Несколько слов о В. В. Розанове // Русская мысль. 1910. № 11. Цит. по: *Он же*. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 273.

² Розанов В. В. В интеллигентном угаре // Студенческий сборник. Пг., 1915. Цит. по: *Он же*. Собрание сочинений. На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.). М., СПб., 2007. С. 575.

³ Розанов В. В. «Политическая» и «юридическая» ответственность высоких учреждений и лиц // Молодая Русь: Студенческий сборник. Пг., 1916. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 450.

⁴ Розанов В. В. К 10-летию Государственной Думы // Новое время. 1916. 27 апреля. Цит. по: *Он же*. В чаду войны... С. 178–179.

не существовало. Социалисты и инородцы единственно действовали¹. «Когда уже все крушилось... царство падало... о всех этих предупреждавших Катковых, Леонтьевых, Гиляровых-Платоновых, Данилевских, Страховых, Аксаковых, Хомяковых, Киреевских даже не вспоминали... Они были вполне — *могилы*... Были еще Флоренский, Эрн, Булгаков, Рцы-Романов... Растоптанный алтарь. Все растоптанное поистине растоптано и не достойно даже памяти имени»². Настойчивость, с которой писатель возвращался к этой мысли, свидетельствовала все же и обратное, равно как и силу того стремления «все позабыть, всякие распри, всякие теоретические споры, и сосредоточиться на одной мысли, на одном желании — дать отпор Германии», что владело с началом войны не одним Розановым. «Это чувство было прекрасно...»³

Бесспорно, смягчению противоречий до времени должен был помогать «народ» — «великий фетиш» большинства направлений общественной мысли. М. О. Гершензон еще 18 января 1912 г. исчерпывающе объяснял Розанову: «...жизнь всякого большого и сильного народа, каков и русский народ, совершается так глубоко самобытно и неотвратимо, что сдвинуть ее с рокового пути даже на пядь не способны не только экономическое или литературное вмешательство евреев, засилье немцев и пр., но даже крупные исторические события — 1612, 1812, 1905 гг., исключая разве величайших, вроде древних завоеваний. Это — как доменная печь: что ни бросить в нее, либо сгорит, и значит ускорит выплавку, либо улучшит качество металла. <...> А что Вы “плачете” о России, этого я не понимаю... о России бывший историк⁴ должен был бы правильнее думать»⁵. Только 23 марта 1917 г., и впрямь почувствовав себя «бывшим

¹ Розанов В. В. Рассыпавшиеся Чичиковы // В чаду войны. С. 525.

² Розанов В. В. Апокалиптика русской литературы // Книжный угол. 1918. № 5. Цит. по: *Он же*. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 670–671.

³ Ветлугин В. [Розанов В. В.] Струве о духовном сословии и духовной школе // Колокол. 1916. 8 января. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 41.

⁴ В 1882 г. Розанов окончил историко-филологический факультет Московского университета.

⁵ Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. 1908–1918 // Новый мир. 1991. № 3. С. 228.

историком», Розанов вполне согласился со своим корреспондентом: «“Все хорошо сегодня, в этот прекрасный воскресный день”. А если “сегодня” хорошо, то не хорошо ли и вообще?.. История всегда была моею консервативною задержкою. <...> “А у Ключевского что сказано?” “А Герье что говорит?”»¹ И вот в этот прекрасный день у меня мелькнуло: — Что такое за давление истории? <...> Поменьше истории — и жизнь будет радостней. <...> — Ну их, ответственности. Замучился с ними»².

Недаром, возражая незадолго до того о П. А. Флоренскому, обмолвившемуся о «поднявшем голову славянофильстве» — «несомненно, что все возрастающая доселе слава Хомякова в последнее время готова вспыхнуть ярким пламенем», Розанов недоумевал: «Кто его знает, Хомякова? Где сколько-нибудь ссылаются на него? Его идеи не принимают решительно никакого участия в идейном движении нашего общества»³.

Желание признавать сам ход обстоятельств, вне зависимости от личного их восприятия (зачастую сильно менявшегося), повышенный интерес именно к данности, феноменальности⁴, осуществившемуся, были свойственны писателю. Примечательно, что едва ли не в самую тяжкую для себя, страны, мира пору из тех, в какие выпало жить, Розанов вовсе не утратил этого стремления к объективности, поступившись даже тем «утешением», о котором писал Флоренскому 3 марта, в самом начале революции, — остаться «душою и силою с старой, изношенной, неинтерес-

¹ Пиетет Розанова к виднейшим историкам Московского университета С. М. Соловьеву, В. О. Ключевскому (особенно), В. И. Герье (рекомендовавшему Василию Васильевичу остаться при университете), без преувеличения, был огромен. Не единожды писал он о них и в военные годы. «Ах, — стары, слишком стары корни теперешней чудовищной войны! Книгу Герье (“Расцвет западной теократии. Иннокентий III”. — К. П.) необходимо прочитать теоретикам и философам нынешней борьбы народов...» (Розанов В. В. Книга о старом и вечно новом // Новое время. 1915. 22 декабря. Цит. по: *Он же*. На фундаменте прошлого... С. 563).

² Розанов В. В. На улице // Новое время. 1917. 23 марта. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 504–505.

³ Розанов В. В. П. А. Флоренский об А. С. Хомякове. С. 406.

⁴ Характерна сделанная 15 июля 1914 г. запись: «...феноменальное бытие ровно столько же реально, как ноуменальное, — так же упорно, “ничему не уступит” и т. д.» (Розанов В. В. Мимолетное. 1914 год // Собрание сочинений. Когда начальство ушло... М., 2005. С. 464).

ной историей России, как она была и прекратилась»¹. Но: «Успокойся, Васенька, Бог сказал: “Я лучше знаю, что делаю”»². «История есть все-таки история дел, а не жалкая хроника мнений»³. В этой констатации, без сомнения, главный укор Розанова славянофильству, так и не попавшему на подлинно исторический экзамен, оставшись предметом досужей критики. «Прекрасные и благородные мысли славянофилов суть именно то благородство, из которого ничего не выходит. <...> Мнение есть мнение, пока его не “захотел Царь”»⁴, — писал философ в начале войны, «полагая в политике *дело*, важнейшее и мысли, и слова»⁵.

Не стоит очень доверяться этому монархизму. По-настоящему Розанова интересует лишь реальная власть. Даже до революции на месте «Царя» мог оказаться иной институт. Еще в начале войны, откликаясь на читательскую инициативу по сбору вещей для армии, Василий Васильевич писал: «Нужно сделать быстрым Царским повелением, быстрым правительственным повелением или распоряжением от земского союза русских городов»⁶. Кто способен принять ответственное решение, тому принадлежит полнота власти. В этом смысле показательны контрасты 1917 г. «Высочайшее повеление, только что состоявшееся, о рассмотрении поводов к разводу, — есть великая мера к улучшению существования и жизни семьи... Царь сказал — будет сделано»⁷. «Первый министр

¹ Значительно позднее, уже переехав из столицы в Сергиев Посад, Василий Васильевич сообщал петроградскому корреспонденту М. М. Спасовскому (редактору-издателю молодежного журнала «Вешние воды»), говоря о Флоренском: «Он приходит ко мне почти каждый день, и мы вместе льем слезы о нашей несчастной России, так ужасно заблудившейся и блуждающей» (цит. по: В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 1995. Кн. 2. С. 520).

² Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 396, 401.

³ Розанов В. В. Апокалиптика русской литературы. С. 671.

⁴ Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. С. 298.

⁵ Розанов В. В. Мимолетное. 1914 год. С. 295. Запись от 20 апреля.

⁶ Розанов В. В. Из нужных советов и писем // Новое время. 1914. 23 октября. Цит. по: *Он же*. На фундаменте прошлого... С. 378.

⁷ Розанов В. В. «Незаконные сожительства» // Новое время. 1917. 18 января. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 481.

русской общинной юстиции... снимет же, наконец, нареkanie с так называемых... “незаконнорожденных детей”. <...> К делу, Керенский!»¹

«Россия крепка не оттого, что Розанов пишет консервативные статьи (или Катков писал), и не оттого, что Тихомиров издавал “Моск. Вед. ”, а что у “Него” (царя. — *К. П.*) много войска. <...> И это, что я “лишний” в царстве нашем, исполняет меня восторгом»². Славянофилы же «говорили, что это — непонимание». Фатальное несовпадение с реалиями жизни («Царем»), «бессилие» и «беспочвенность» старого славянофильства коренились в самой его сути — неизбежных идеализме и субъективизме: «...в таком воздушном представлении своей якобы воздушной... якобы безматериальной истории», что собственно Россия, фактическая «Святая Русь им казалась менее умной и менее правдивой, чем их литературная и общественная партия»³. Другими словами, «нам до царств дела нет, а подавай идеи»⁴.

А ведь такова предпосылка заявлений, бросавших Розанова в дрожь. «Г. Муретов советует принять любовь к русскому народу, *как она есть*, с ее подвигом и с ее грехом. <...> Это — “норма поведения”, как он выражается... Г. Муретов прекрасно знает, что эта “норма поведения” приходит в столкновение с нормами морали». Заставившая Розанова воскликнуть: «Все это ерунда, князь... потому, что Д. Д. Муретов живой человек... мучающийся в тяжелую годину за родину... а вы человек мертвый, с “табличкой поведения в руках”»⁵, — статья Е. Н. Трубецкого⁶ отстаивала принципы, заявленные еще в начале войны, среди которых отказ от «старой националистической мечты о русском народе, как о народе мессианском... как о единственном в мире народе-богоносце — носителе истинной куль-

¹ Розанов В. В. Пока кровь бежит горячо... // Новое время. 1917. 17 марта. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 500–501.

² Розанов В. В. Мимолетное. 1914 год. С. 291. Запись от 13 апреля.

³ Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение... С. 297–300.

⁴ Розанов В. В. Литературные изгнанники. Книга вторая... С. 402.

⁵ Розанов В. В. Есть ли «всеобщие и безусловные принципы нравственности»? К полемике князя Е. Н. Трубецкого с Д. Д. Муретовым // Новое время. 1916. 20 августа. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 342–343.

⁶ Трубецкой Е. Н. Новое язычество и его «огненные слова» // Русская мысль. 1916. № 6.

туры...», — упования эти «до того напоминают “речи” Фихте к немецкой нации, что кажутся порою даже переводом с немецкого»¹. Конечно, на том же первом в военную пору публичном заседании Московского РФО 6 октября 1914 г. звучали такие «речи»: Россия «может стать землей, где совершится тот мистический и исторический переворот, который предуказан в “Откровении”, как “воскресение первое” и “тысячелетнее царство святых” под главенством Христовым, и царство это тогда не будет прикровенным и миру незримым, но явится торжествующим на земле. Европа — середина, Россия — конец. Европа — культура и государственность, Россия в глухом самосознании, в безбрежных и неутолимых чаяниях своих, в видениях своих пророков, — сверхкультура и сверхгосударственность, апокалиптическая теократия Белого Царя»². Но досадовал на них не один Трубецкой. «У русских — мессианизм славянофилов и главным образом Достоевского, сказавшийся в знаменитом монологе Ставрогина о “народе-Богоносце”³ и в речи самого Достоевского на открытии памятника Пушкину... “смирение” Достоевского собственно лукаво... “Чего захотел гордец: стать смиреннее всех. Но смиреннее всех был один Христос, и тайное поползновение Достоевского было подставить любимому своему народу Христово место, Христов престол”. Это явная “хлыстовщина”, по определению владык — “ересь”», — не без иронии заключил Розанов⁴.

Получался заколдованный круг — «прекрасно», но и «не жизненно». И если бы только в политике, — такая специфически идейная область, как литература, также не принесла славянофилам полного признания. И в первую очередь, конечно, из-за резкого расхождения в отстаиваемых идеалах с теми, что получали всеобщее распространение: «Известно, эпоха Некрасова». Некрасова, уверяю вас... и Щедрина, — министры

¹ Трубецкой Е. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12. С. 95.

² Булгаков С. Русские думы // Русская мысль. 1914. № 12. С. 114.

³ О народе-богоносце рассуждает Шатов.

⁴ Розанов В. В. Идея «мессианизма»: По поводу новой книги Н. А. Бердяева «Смысл творчества» // Новое время. 1916. 10 июня. Цит. по: Он же. В чаду войны. С. 245, 247.

почитывали не с меньшими слезами умиления, чем и гимназисты»¹. «И, странным образом, “русского”, кроме таланта и этики, в этой литературе ничего не было!»²

«Нет, напрасно скрывать: и до настоящего времени имя Хомякова, конечно, всем известно, но оно — злобно известно, проклинаемо известно...»³ Ибо конечно же «разрыв между монархией и литературой произошел». 29 июня 1914 г. для Розанова это значило, что «литература русская от России совершенно отошла. Все *темы* собственно инородные». И все же, «несчастливая сторона славянофилов заключается в том, что они все как-то скучно писали. Не скучно — а томительно, однообразно, монотонно. Без шутки, искры, огня и удачи»⁴.

Потому особо значителен вывод Розанова, зафиксировавшего и обдумавшего читательскую реакцию на выход в свет «Столпа и утверждения Истины» о. П. А. Флоренского (М.: Путь, 1914): «В высшей степени все “слава Богу”... что “Столп” так разошелся. Ведь это *такой* успех — первый у славянофилов. Все “тащилось”, а не шло; все “в глотку не лезло” и приходилось пропирать через горло публике, как подавившемуся. Вот судьба “православия, самодержавия и народности”. И я даже не думаю, чтобы кн. Трубецкой и Бердяев и Роз-в⁵ (авторы печатных откликов. — К. П.) помогли. Нет, “само собой”, и п. ч. Вас знали и ожидали. Так я думаю. *Это страшно важно*»⁶. И впредь Василий Васильевич не упускал случая отметить: «...громадный труд Флоренского,.. «разошедшийся весь в четыре месяца (при двух тысячах напечатанных экземпляров) стал в этом кружке (близких автору книги московских философов и богословов славянофильского толка) “столпом” отправления дальше (“вперед” от “могил старого славянофильства”. — К. П.), а для иных — “столпом

¹ Розанов В. В. Мимолетное. 1914 год. С. 428. Запись от 25 июня.

² Розанов В. В. Суворин и Катков // Колокол. 1916. 11 марта. Цит. по: Он же. В чаду войны. С. 129.

³ Розанов В. В. П. А. Флоренский об А. С. Хомякове... С. 406.

⁴ Розанов В. В. Мимолетное. 1914 год. С. 419, 435.

⁵ Розанов откликнулся статьей «Густая книга» (Новое время. 1914. 12, 22 февраля).

⁶ Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 342.

возврата”, во всяком случае, пунктом, куда собираются люди»¹. Понятнее становится примечание к «Литературным изгнанникам» (СПб., 1913. Т. 1)², в котором ожидания Н. Н. Страхова (письмо от 4 июля 1893 г.) слились с радостным нетерпением Розанова: «...уже одно появление в славянофильстве такой *гениальной* личности, как Леонтьев... показывало могущество этой старой почвы, — могущество идейных *корней*, в ней заложенных. <...> *Слиянные* в одно народность и христианство, — т. е. Церковь — вот ее корень. <...> Однако... после смерти Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева... Страхов был... единственным представителем славянофильства, и ему, понятно, хотелось закричать в глубокой старости: “Верю! Хочу! *Есть!*” ... Собственно, когда он мог бы это сказать — только *теперь*, с появлением в Москве *второго расцвета славянофильства*, в лице гг. Кожевникова, Новоселова, Флоренского, Андреева, Цветкова, с примкнувшим к ним С. Н. Булгаковым, и целым книгоиздательством “Путь”³. Вообще, *теперь* — Страхов совсем поюнен бы»⁴.

«Беспочвенные мечтания» стали обрастать реальностью. Появились их выразители — живые люди, современники, в большей или меньшей степени интересные и симпатичные Розанову. «Мне, собственно, до “идей” — равно наплевать. Я ненавижу революцию и особенно *революционеров* за их грубость, плоскость; за то, что “происходят от обезьяны”... За то, что они мелкие и плоские люди, — уж не чета Рцы и Флоренскому. В сем отношении у Кусковой, как и Ан. Павл. Философовой, был прелестный нежный тон. Дар любви. Дар памяти. И посему они две составляют исключение, и для них я имею исключительное отношение», — записал

¹ Розанов В. В. Около трудных религиозных тем // Новое время. 1916. 12 августа. Цит. по: *Он же*. В чаду войны С. 320.

² Для сравнения с трудом о. П. А. Флоренского письма Н. Н. Страхова и Ю. Н. Говорухи-Отрока Розанову вышли тиражом 650 экз.

³ В редакционный комитет возникшего в 1910 г. книгоиздательства «Путь» входили Е. Н. Трубецкой, Г. А. Рачинский (заведующий издательством), С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев (вышел в 1912 г.), В. Ф. Эрн. Инициировала и финансировала предприятие единомышленница Е. Н. Трубецкого М. К. Морозова.

⁴ Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М., 2001. С. 126.

он 15 июля 1914 г.¹ А вот пример из другого лагеря, и тоже на некоторой дистанции от самого автора: «Его нельзя не любить. Я тоже его противник, но — люблю. У него серые, спокойные, наивные глаза: и такое упорство в них, что скорей земля перестанет обращаться около оси, нежели Михаил Александрович перестанет издавать свою “библиотеку”». Речь идет о Новоселове и его предприятии — «Религиозно-философской библиотеке». «К Дон-Кихоту все идут на помощь... образованнейшие люди Москвы... смиренно работают маленькие популярные книжки, и все на одну тему: выяснение христианства... Это все русский нигилизм проходит... и занимается мало-помалу заря русского энтузиазма, русского идеализма»².

«В сущности, славянофилов у нас не особенно мало, — особенно теперь. И что радует явно, среди особенно молодежи начинают лнуть к славянофильству», — подвел итог Василий Васильевич к концу 1916 г.³ Раз уверившись в этом, он уже не боялся никаких гиперболизаций. «Другие времена пришли, живет другое поколение, то лучшее и более серьезное поколение, в образовании которого много сделали и Н. Н. Страхов и Ап. А. Григорьев»⁴. Историческая ретроспектива особенно увлекала писателя: «Несмотря на управление Толстого (Дмитрия Андреевича. — К. П.) и Победоносцева (в начале царствования Александра III), на громы Каткова и речи И. С. Аксакова, издававшего в то время газету “Русь”, — никто не был “славянофилом”, никто не называл себя и “просто русским человеком”... Того огромного в сущности “русского движения”, которое последние лет 15 сложилось в России отчасти в отпор революции, отчасти под эгидою правых и националистических фракций Госуд. Думы, тогда и в помине не было»⁵. И практически одновременно: «Пророчески сказал Достоевский... в “Дневнике писателя” прямо

¹ Розанов В. В. Мимолетное. 1914 год. С. 466–467.

² Розанов В. В. Московские крестоносцы // Новое время. 1912. 9 мая. Цит. по: *Он же*. Собрание сочинений. Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.). М., 2006. С. 97–98.

³ Розанов В. В. П. А. Флоренский об А. С. Хомякове. С. 411.

⁴ Розанов В. В. К выходу сочинений Аполлона Григорьева. С. 110.

⁵ Ветлугин В. [Розанов В. В.] М. М. Ковалевский // Колокол. 1916. 17 апреля. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 164.

со стоном: “Боже, у нас есть *русская партия*”. Это было еще при живых Каткове и Аксакове. Теперь, конечно, не партия, а кой-что, — дробинки, песчинки...»¹. Бесспорно одно, розановской риторике предвоенных и военных лет было свойственно констатировать и «левую опасность», и «правый поворот».

Пристальное внимание писателя к Думе объясняется, вероятно, и тем, что в ее стенах общественные настроения получали солидное, государственное оформление («...все дело 10–15 лет назад состояло именно... в некотором признании “общественности” как величины самостоятельной... в том, чтобы все это взять в “совет” и “дружбу” себе, а не пинать... в невидность, молчание, глухоту»²). Магия «официальности» сильно действовала на Розанова. Жаль только, «партии господствуют над “русским духом”, над “русским интересом”... Мало видно общегосударственного горизонта...». Но это не беда. «Дело в том, что “парламент”-то заведен действительно по западному шаблону, но... вошли в него все-таки русские люди; и стали “шаблон” примерять на себя... и тут» он «несколько покривился, перекосялся и обнаружил “русскую статью”. Гос. Дума... есть живое русское явление»³.

Таков в общем-то и розановский способ принятия революции. «Особенность» которой философ видел в том, «что “свергли все” недалекие, точнее, слишком обыкновенные люди. <...> Старый мешок — бла-а-родный дворянин Родзянко, сумасшедший психопат Керенский, обыкновенный проф. Милоков и земский “зауряд-врач” Шингарев... Теперь посмотрите же, как “через дураков делает Бог”... Правда, Россия развалится. Да и не нужно. Ведь дело не в величине, а в истине. <...> Вам нужен “старец Исидор”, мне — “мой дом”, и вообще всем нужен людям — покой, мир и счастье. “Империю — это ошибка”», — писал он Флоренскому в марте 1917 г.⁴ Что Розанов согласится на такой исход, можно было предвидеть заранее. Противопоставляя «патриотизму мистическо-

¹ Розанов В. В. Кн. Е. Н. Трубецкой и его «Развенчание национализма» // Новое время. 1916. 6 мая. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 196.

² Розанов В. В. К 10-летию Государственной Думы. С. 179.

³ Там же. С. 180.

⁴ Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 401, 403, 404.

му, мессианскому», славянофильскому¹, извечный покой родной земли, «всеобщую любовь к обыкновенной бытовой жизни»², Василий Васильевич не скупился на аргументы: у нас и архиереи, «когда “летят”, то всегда с небольшой высоты. И вообще “больших высот” не надо в мире. Опасно. Страшно. Тревожно. В сущности, — обманчиво и лукаво»³. «Это может быть “нужно” только милому и прелестному М. В. Нестерову, с его мечтою “славы и величия России”, но ведь он чуть-чуть все-таки не образован, и в смирении сам себя “почитает неучем”»⁴... Писатель не вспомнил, что «тишина, кротость и порядок» — это и «вечный Александр III, построивший санаторию Халила⁵ и державший бразды мира в Европе... И наш тихий Алексей Михайлович тоже был мудрый царь»⁶...

Но читатель знал и совсем другого Розанова, рассуждающего о судьбах мира и России не менее бесстрашно, чем иные «москвичи» или Бердяев. Именно война — ее начало, расстановка сил, жертвенность России, успешная мобилизация и борьба с пьянством, «святость союзов», порыв к национальному единению и воля к победе — сильнее прежнего поманила философа славянофильскими миражами. Сколь сильны были надежды и велики упования, видно хотя бы из слов московского проф. С. Н. Булгакова: «Теперь Россия призвана духовно вести европейские народы, на нее возложена страшная ответственность за духовные судьбы человечества. Но для этого она должна стать духовно свободной, выйти из своего духовного вассальства у “Европы”» («Утро России» за 5 августа 1914 г.). «Давно пора... Давно пора говорить такие речи!» — откликнулся Розанов. Поучителен и прекрасен пример их автора, «профессора политической экономии, знатока революционных движений в Европе, члена

¹ Розанов В. В. Суворин и Катков. С. 129.

² Розанов В. В. О кавказских сектантах // Колокол. 1916. 8, 20, 29 июля и 5 августа. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 307.

³ Розанов В. В. Идея «мессианизма»: По поводу новой книги Н. А. Бердяева «Смысл творчества». С. 247.

⁴ Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 403.

⁵ В этом финляндском санатории В. В. Розанов отдыхал в июле 1916 г.

⁶ Розанов В. В. Из философии народной души: На возражение Н. А. Бердяева о «русском мессианизме» // Новое время. 1916. 30 июля. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 313, 315.

2-й нашей Думы» — «многое перегорело в душе его. Но не сгорела самая душа, а выплавилась в себе золотой слиток таких глубоких признаний»¹. Казалось, среди тех противоречий, что разрешит война, были и давние споры в Елецкой гимназии.

Не скупился на комплименты С. Н. Булгаков. «Приношу Вам благодарность... за самую прекрасную книжку Вашу, которую я местами читал с волнением и восхищением. Это истинно русские чувства и слова, и любовь к народу и солдату, и понимание, и единственное по художественной силе выражение. Пишите побольше таких статей, и помогите Вам Бог!» — писал он 27 ноября 1914 г. по выходе в свет розановского сборника «Война 1914 года и русское возрождение» (Пг.: Новое время, 1915)². Проникновенное письмо прислал ученик, исследователь и издатель Н. Ф. Федорова, почетный член Московской духовной академии В. А. Кожевников, товарищ Сергея Николаевича по новоселовскому «Кружку ищущих христианского просвещения»: «Сердечное, горячее спасибо Вам за Вашу чудесную книгу!.. Какая драгоценность! с Божьим вдохновением создавалась и осилилась она! И тем особенно ценна... что вся-то... по мыслям и в особенности по чувствам, читающему (русскому, конечно православному, конечно!) уже знакомая, своя, родная... Ее не “писатель” “сочинил”, а душа великого народа творчески создала, в жизнь воплотила, перечувствовала, выстрадала и вымолила. <...> Вчера у нас в “Кружке” была беседа; Серг. Никол. Дурьлин... делился своими впечатлениями о северных русских храмах и иконах... а кончил он чтением Вашей статьи “Русс. церковное воспитание”³; и все присутствовавшие и внимавшие были зачарованы и приведены в умиление. Создался момент (не боюсь сказать) *литургически-благочестивый*. И если такие настроения даются чтением Ваших этих страниц, значит, в них воплотился воистину благодатный сев “бесценного бисера — Христа”... Вы уловили Его сияние и передали на пользу многим»⁴.

¹ Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. С. 274, 275.

² Неопубликованные письма С. Н. Булгакова к В. В. Розанову // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 154–155.

³ «Русское церковное воспитание и германские зверства» — одна из составивших книгу статей.

⁴ Письма В. А. Кожевникова В. В. Розанову // Вестник РХД. 1984. № 143. С. 92–93.

Не казались более мечтой слова А. С. Хомякова: «Для России возможна одна только задача: сделаться самым христианским из человеческих обществ»¹. «Если мы не победим, — Христос будет побежден...» — категорично формулировал Розанов². «Мы боремся страшною борьбою... за свет души своей, который дало нам христианство», — продолжал он в следующем году³. Ибо «люциферианские энергии с крайним напряжением, особенно в последнем столетии, аккумулировались в немецком народе...»⁴ — утверждал приват-доцент Московского университета В. Ф. Эрн, давний, с гимназической скамьи, друг о. П. А. Флоренского.

В 1916 г. Василий Васильевич издал второй посвященный войне сборник (Пг.: Рубикон, 3000 экз.), состоявший главным образом из статей 1914 г. и бывший значительно меньше первого. Особое очарование ему придало пространное письмо о. П. А. Флоренского (помещенное без упоминания имени — «один священник и вместе профессор духовной академии»), делившегося впечатлениями от общения с солдатами⁵. «Более высокого и чистого состояния на исповеди... я никогда не переживал. <...> Все твердо и просто верят. Все с внутренним убеждением и чисто православную сознательностью (а вовсе не слепо и не по забитости)... иметь внутреннее недовольство — считают грехом. “Все же страдают”. — “Я — не один”. “Всем надо”, “Бог велел” — вот ответы на вопрос об отношении к службе»⁶.

Можно было думать, что розановская одиссея возвращается к своему началу — настроениям «Леонтьевско-Катковского периода»

¹ Хомяков А. С. О юридических вопросах. Письмо к издателю «Русской беседы» // Полн. собр. соч. А. С. Хомякова. М., 1900. Т. 3. С. 335.

² Розанов В. В. С Рождеством Христовым! // Новое время. 1915. 25 декабря. Цит. по: Он же. На фундаменте прошлого. С. 565.

³ Розанов В. В. С Светлым праздником! // Новое время. 1916. 10 апреля. Цит. по: Он же. В чаду войны С. 162.

⁴ Эрн В. От Канта к Круппу // Русская мысль. 1914. № 12. С. 124.

⁵ В 1912 г. о. Павел стал священником находившегося в Сергиевом Посаде Мариинского Убежища сестер милосердия Красного Креста, в амбулатории которого развернулся лазарет. А в начале 1915 г. ездил с военно-санитарным поездом черниговского дворянства. Эта поездка выходит за рамки письма, опубликованного Розановым в «Новом времени» 3 декабря 1914 г.

⁶ Розанов В. В. В чаду войны // В чаду войны. С. 11.

1889–1897 гг., когда писатель, по собственным словам, «был как бы христианский прозелит»¹. Он же свидетельствовал: «...“крепкой основы”, государственной и церковной, на почве которой... стоял в 1894–1895 гг... никогда вполне... не покидал»², – в чем виделась причина исключения из Петербургского РФО, инспирированного четой Мережковских и наконец состоявшегося в начале 1914 г. Правда, сам оговаривался: «В тридцать лет литературной деятельности, конечно, поувлекаешься в разные стороны. И случалось говорить очень и очень влево»³. До такой степени, что другой ученик К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомиров, лишь недоумевал в ответ на пожелание Василия Васильевича опубликовать в «Московских ведомостях» материалы их общего наставника и Ю. И. Говорухи-Отрока (15 апреля 1910 г.): «Но только как это Вы их вспоминаете? Ведь Вы так далеко от них ушли. А мне действительно жаль их. Без малого ни за что пропали. Земля, господине, такая: не вмещает здорового таланта, тянет ее к революции да клубничке, да смеси революции с клубничкой» (15 апреля 1910 г.)⁴. Все же необходимо заметить, что громкие положения о. П. А. Флоренского – «в сознании русского народа самодержавие... есть явленный самим Богом факт» и «относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из вне-религиозных посылок»⁵ – созвучны «Ослабнувшему фетишу» В. В. Розанова⁶: «Таким образом, самое существо монархии и монархизма питается *соответственно почвою* фетишистских чувств и представлений, еще живущих в народе и отраженно передающихся особе царя. <...> “Икона живет народом” (“иконопочитанием”), и нельзя отрицать, что “народ

¹ Сукач В. Г. Василий Васильевич Розанов. М., 2008. С. 18, 21.

² Розанов В. В. Старый поновленный спор // Новое время. 1914. 9 февраля. Цит. по: *Он же*. На фундаменте прошлого. С. 247.

³ *Петроградский старожил* [Розанов В. В.] Копьеносицы // Московские ведомости. 1916. 6, 27 октября. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 389.

⁴ Из неопубликованного эпистолярного наследия Л. А. Тихомирова // *Тихомиров Л. А. Христианство и политика*. М.; Калуга, 2002. С. 602.

⁵ *Флоренский П. А., свящ.* Около Хомякова // Соч. в четырех томах. М., 1996. Т. 2. С. 298.

⁶ Когда начальство ушло... 1905–1906 гг. СПб., 1910. Впервые работа издана отдельно в 1906 г.

тоже живет иконой», исцеляется, здоровеет, становится нравственнее “от молитвы”! Но все это... проходит»¹.

Разумеется, энергичный всплеск «нового славянофильства» вызывал в ответ и неприятие. Наряду с первыми реакциями на разразившуюся войну зазвучала критика. «Повести кампанию с “внутренними врагами” русской культуры, которые уже начинают подымать голову», – стало заботой В. Ф. Эрнэ уже в начале сентября 1914 г.² Время шло, ситуация на фронтах, казалось, начала оправдывать «рационалистический» скепсис противников. «Идея славянского возрождения, с такой помпой возвещенная год тому назад кружком московских славянофилов, отцвела, не успевши расцвести... коварная история самым решительным образом перестала славянофильствовать». «Слишком много места в нашей жизни занимает лицемерное христианство. Ныне это – меч в руках гг. Эрнов, Булгаковых и прочих, борющихся с якобы гнилым атеистическим Западом». Сопроводив цитаты из горьковской «Летописи» недоуменно-негодующим комментарием, Розанов сослался на Бердяева, объяснившего «в “Биржевых Ведомостях”... прямолинейное отрицание своей души и погоню за чужою душою чем-то... подобным тому, как негры отдают свое золото за стеклянные безделушки заморским купцам»³. Но и среди «идеалистов» противодействие «московским славянофилам» носило зачастую не менее жесткий характер. Показателен рассказ И. А. Ильина своей двоюродной сестре Л. Я. Гуревич о заседании Московского религиозно-философского общества (РФО), на котором молодой приват-доцент критиковал доклад В. Ф. Эрнэ, посвященный немецкому феноменализму: «В середине января (1915 г. – К. П.) я обратился с вызовом к Эрну: “Кант и Крупп” должны быть публично обсуждены. <...> 29 янв. состоялась грандиозная дезинфекция. <...>

¹ *Розанов В. В.* Когда начальство ушло... С. 150. Впрочем, Л. А. Тихомиров, автор фундаментальной «Монархической государственности», невысоко оценил статью Флоренского, опубликованную в «Богословском вестнике» за июль – август 1916 (см.: *Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг.* М., 2008. С. 315).

² Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрнэ и др. М., 1997. С. 593.

³ *Ветлугин В.* [Розанов В. В.] Новый ежемесячный журнал «Летопись» // Колокол. 1916. 29 января. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 62–64.

Я говорил 1½ часа; я никогда еще никого так не разоблачал, я перервал ему глотку. Когда я кончил и ушел, то у некоторых было впечатление, что от Эрнэ остался один труп; в эту ночь в нескольких домах (из публики) совсем не ложились спать. А я вернулся домой, больной телом и душой; теперь будут бояться... Подумай! Иванов, Эрнэ... Рачинский, Булгаков и Скрябин — усвоили и распространяют следующее: “война” — это совсем не так плохо, это только периферия, а центр в душе гениальных художников, а кровь, которая на войне льется, — благо; ею мы очищаемся. <...> И все это идет от Христа! Они — христиане: ведь это Христос заповедал — очищаться чужою кровью и пить ее. Не чудовищно?! Всю эту гадь — надо немедленно в окопы, под немецкие пулеметы. Иначе скоро будет нечем дышать!»¹

Параллельно росла тревога у самих «славянофилов». «События велики, люди малы», — мог бы охарактеризовать ее причину В. В. Розанов. «Теперь, когда революция так окончательно прошла», это особенно досадно. «Сказывают и жалуются на какого-то “темного человека”, но прибавляют: “Которого, однако, свалить невозможно”». Напрашивался вывод: «Маленький человечек в качестве “препятствия” обнаруживает непререкаемым образом... что навстречу чудовищным событиям, наваливающимся на нас, мы можем выдвинуть только самых жалких людей». Упрекал писатель главным образом «Думу» — «в великом законодательном кипении, что значила бы фигурка маленького человечка?»². В унисон газетной статье звучат воспоминания Булгакова, назвавшего Распутина по имени, сказавшего о «бюрократии», профессуре, интеллигенции, не забывшего и «близких»: «Н. А. Бердяев бердяевствовал в отношении ко мне и моему монархизму, писал легкомысленные и безответственные статьи о “темной силе”; кн. Е. Н. Трубецкой плыл в широком русле кадетского либерализма... Из моих друзей только П. А. Флоренский знал и делил мои чувства в сознании неотвратимого...»³

¹ Цит. по: В. Ф. Эрнэ: pro et contra: Личность и творчество Владимира Эрнэ в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2006. С. 932.

² Розанов В. В. Маленькие думки // Новое время. 1916. 9 декабря. Цит. по: Он же. В чаду войны. С. 434.

³ Булгаков С. Н. Пять лет (1917—1922). С. 99.

Как тут было не вспомнить знаменательный обмен мнениями, состоявшийся в редакции «Нового времени». «День на 3—5-й, как была объявлена война, — и по обществу разнеслась эта музыка и “умягчение сердец”... я, часу во 2-м ночи, и говорю в редакции Меньшикову и еще сотрудникам: Меня занимает больше всего, что, мож. быть, война великим подъемом душ, великим одушевлением и идеализмом... погасит на 1/10 нигилизм — главный предмет моей заботы и душевного мучения. Минуты через 1½ Меньшиков ответил: — Нет. Нигилизм глубже этой войны. “Глубже этой войны”... Которая, бесспорно, изменит вид Европы, — и, по всему вероятию, для России будет началом нового движения, — богатства, оздоровления, освежения. И Меньшиков, который никогда о нигилизме специально не писал и, по-видимому, не брал его темой вникания своего, — высказал суждение, которое, я думаю, и истинно, и глубиной своею превосходит, пожалуй, все, что “полемиически писали против нигилизма”... Страхов, Гиляров-Платонов, кажется, — Данилевский (Н. Я.)»¹. В разговоре и его записи уже содержался весь спектр розановских настроений и оценок времен войны. Лишь один пример из тех, что неочевидны на первый взгляд. В основе заключения по спору Е. Н. Трубецкого с Д. Д. Муретовым — «просто Трубецкой запутался между моралью и “моралью с виду”, т. е. “всеобщими правилами поведения у фарисеев”»² — лежит то же беспокойство, каким продиктован вопрос газетным сотрудникам. Недаром, совершенно опрометчиво с фактической стороны, Василий Васильевич записал Муретова в число московских друзей-славянофилов³.

В 1916 г. с нападками на «молодых московских славянофилов» выступил Н. А. Бердяев. Цикл его статей «Типы религиозной мысли в России», публиковавшихся «Русской мыслью», открывала критика «Возрождение православия» (№ 6). Главный тезис оставался неизменным с 1914 г., прозвучав в отклике на книгу «Столп и утверждение Истины. Опыт православной Феодицеи в двенадцати письмах свящ.

¹ Розанов В. В. Мимолетное. 1914 год. С. 479—480. Запись от 10 августа.

² Розанов В. В. Есть ли «всеобщие и безусловные принципы нравственности»? К полемике князя Е. Н. Трубецкого с Д. Д. Муретовым // Новое время. 1916. 20 авг. № 14532. С. 344.

³ Розанов В. В. Около трудных религиозных тем. С. 319.

Павла Флоренского», — «москвичи» стилизуют православие. В ответ поднялся Розанов. Чуть ли не во всех публиковавших писателя периодических изданиях — родном «Новом времени», едва ли не единственно консервативных «Московских ведомостях», «Колоколе», издававшемся синодальным чиновником В. М. Скворцовым, старым приятелем со времен религиозно-философских собраний, — появились его отповеди Бердяеву. Надо сказать, почву для них хорошо подготовила работа последнего «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (М., 1916), разбору которой Розанов посвятил уже несколько статей. Начав тем, что «книга читается с непрерывным философским восхищением»¹, заключения Василия Васильевича становились все менее утешительными, вплоть до приговора: автор говорит «о католическом типе христианства... После попыток Чаадаева и Влад. Соловьева мы имеем третью попытку. Не продолжаем речей, — ибо речи за нашими богословами»². О них-то и написал теперь Бердяев.

Первой реакцией Розанова было недоумение — говорящий о кризисе «исторической Церкви» Бердяев нападает на «единственное сколько-нибудь героическое движение у нас в области церковной. Разумею... “братство” молодых московских славянофилов, представляемых П. А. Флоренским, С. Н. Булгаковым, Вл. Ф. Эрном, В. А. Кожевниковым, Новоселовым, Цветковым, Дурылиным»³. Хотя, казалось бы, чему удивляться — сам Бердяев провозглашал, а Розанов цитировал: «За омертвление христианской жизни ныне ответственны не худшие из православных, а лучшие из них. Быть может, всего ответственнее старцы», «лучшие» из которых «не в силах ответить на муку Ницше... на муку героев Достоевского. Новый человек... проходит через бездны, неведомые старой святости»⁴. Эти общие выводы, не сказанные, ко-

¹ Розанов В. (Ветлугин В.) Николай Бердяев. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Колокол. 1916. 1 мая. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 188.

² Петроградский старожил [Розанов В. В.] Новая религиозно-философская концепция // Московские ведомости. 1916. 27 мая. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 237.

³ Розанов В. В. Около трудных религиозных тем. С. 319.

⁴ Розанов В. (Ветлугин В.) Николай Бердяев. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. С. 192.

нечно, напрямую о «москвичах», удивительно созвучны давнишнему (1907) письму Д. С. Мережковского А. С. Глинке-Волжскому: «Вы все “поправели”, мы (адепты «нового религиозного сознания». — К. П.) — “полевели”. И это не на политической суетной поверхности, а глубже, принципиальнее. <...> Сближение Булгакова с Новоселовым, который есть несомненный “черносотенец”, их общее склонение к православному “жизню-бытью” производит на нас самое тягостное впечатление. Булгаков достоин был лучшей участи... Ревную я вас всех к православию...»¹ Действительно, оба, и Дмитрий Сергеевич, и Николай Александрович, прозревали новую эпоху религиозной жизни человечества, под стать тому «третьему завету», о котором имела откровение А. Н. Шмидт и много говорилось на столичных религиозно-философских собраниях начала века.

И по прошествии стольких лет розановская оценка собраний была по-прежнему высока. Главную их заслугу он видел в противостоянии тому самому «нигилизму», в непобедимости которого был убежден М. О. Меньшиков. «Более чем кто-нибудь другой из участников собраний (по старшинству перед ними), я знал, что такое это задыхание, ибо гораздо дольше их полз в этой философской углекислоте, где умирает все идеальное... все религиозное. И вдруг — “третий завет”, “религия Святого Духа”, вечное сопоставление Христа и антихриста — применительно ко всем вещам мира сего...»² За то же благодарил Л. Н. Толстого, сравнивая его живой религиозный поиск с мертвенностью официальных церковных институтов³. И это было вполне в духе религиозно-философских собраний, одним из главных героев которых, наряду с Д. С. Мережковским, сделался Василий Васильевич.

¹ Цит. по: Колеров М. А. «Не мир, но меч»: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996.

² Розанов В. В. Молодые московские славянофилы перед судом Н. А. Бердяева // Колокол. 1916. 26 августа. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 350.

³ Розанов В. В. Панихида по Иоанне Гусе в Москве // Новое время. 1916. 14 июля. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 309.

Главная ошибка Бердяева (чьи «Типы религиозной мысли» стали «до некоторой степени... “заключительным словом”» к собраниям¹), равно как и всего круга Мережковских, в том, что они «застыли» на этой стадии начала века — в сущности, легковесного схематизма и безответственного личного неприятия, так и не догадавшись, что «живут в литературной светелке, которая стоит... на вершинке монументального дома, именуемого, к их несчастью и огорчению, “Россией”»². Даже разразившаяся вскоре революция ничему не научила их. С чем отчасти согласился и Н. А. Бердяев, отнюдь не отождествлявший себя с «тиго из Зины и двух Дим»³: «По философской культуре, по знанию религиозного и мистического прошлого человечества» все это течение «стоит гораздо ниже того типа религиозной мысли, который я определил, как возрождение православия»⁴.

Идейный и жизненный путь «москвичей» сложился иначе. Не попав на столичные собрания (Флоренский и Эрн в ту пору еще учились в университете, Булгаков преподавал в Киеве и т. д.), бурно пережив революцию, «они, как бы выйдя из опустелой храмины — наружу, случайно набрали на М. А. Новоселова», когда-то толстовца, затем церковного апологета, оппонировавшего предреволюционным стремлениям Д. С. Мережковского и В. В. Розанова, «и началось просто общение, дружба». «Около его плеча» и шло «слагание “московского славянофильства”, хотя сейчас оно... неизмеримо шире самого Новоселова и всех его преднамерений. Но его удивительно чистый и ясный характер, и таковой же чистый, хотя неизмеримо более сложный характер П. А. Флоренского, почти главы и вождя московского славянофильства, — сделали то, что цементом для людей идейного движения стала именно нравственная, именно сердечная почва»⁵.

¹ Розанов В. В. О типах религиозной мысли в России // Колокол. 1916. 19 августа. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 338.

² Розанов В. В. Старый поновленный спор. С. 247.

³ Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 128.

⁴ Цит. по: Розанов В. В. Бердяев о религиозных исканиях Д. С. Мережковского // Собр. соч. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 633.

⁵ Розанов В. В. Молодые московские славянофилы перед судом Н. А. Бердяева. С. 352–353.

Фактическая история «московской церковной дружбы» в газетном изложении В. В. Розанова изобилует неточностями. Однако главное отличие сложившегося постепенно кружка указано четко и чутко: удивительное единство цели и путей ее достижения, подлинность настроений и естественность поведения подкупали Розанова. Пленяло, что при всей трудности «дела московских славянофилов» — оставаясь в обществе, жить, мыслить и творить церковно, — они «воздерживаются от всякой полемики, никогда не защищают и не оправдывают себя»¹, предпочитая опытно утверждать верность отстаиваемых идеалов. Ощутить специфику кружка Розанову, без сомнения, помогло письмо о. П. А. Флоренского от 7 июня 1913 г.: «Конечно, московская “церковная дружба” есть лучшее, что есть у нас, и в дружбе этой полная *coincidentia oppositorum* (совпадение противоположностей (лат.) — К. П.). Все свободны, и все связаны; все по-своему, и все — “как другие”. <...> Весь смысл московского движения в том, что для нас смысл жизни вовсе не в литературном запечатлении своих воззрений, а в непосредственности *личных* связей. Мы не пишем, а говорим, и даже не говорим, а скорее общаемся. <...> Вас удивляет отсутствие зависти. Но ведь у нас друг к другу не может быть зависти, ибо почти все работает сообща и лишь наибольшая часть работы в том или другом случае падает на того или другого»².

Живо парировал Василий Васильевич попытку Бердяева «расслоить» друзей на молодых «стилизаторов» и старых «охранителей»³. Примечательно лишь, что спустя несколько лет о том же писал С. Н. Булгаков: «...про себя лично скажу, что, хотя в бытовых и практических отношениях я шел об руку с этим культурным консерватизмом... однако в глубине души никогда не мог бы слиться с этим слоем, который у нас получил в идеологии наиболее яркое выражение в славянофильстве (с осколками славянофильства: Ф. Д. Самариним, П. Б. Мансуровым, М. А. Новоселовым, В. А. Кожевниковым и др. я дружил и лично).

¹ Розанов В. В. Около трудных религиозных тем. С. 319.

² Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 133.

³ *Петроградский старожил* [Розанов В. В.] Бердяев о молодом московском славянофильстве // Московские ведомости. 1916. 17 августа. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 335.

Меня разделяло общее ощущение мира и истории, какой-то внутренний апокалипсис, однажды и навсегда воспринятый душой, как самое интимное обетование и мечта¹.

Дружелюбие «москвичей» постоянно бросалось в глаза Розанову. «А. Н. Шмидт наконец получила заочно “друзей себе”»², — реагировал он на выход в свет ее сочинений (М.: Путь, 1916), в решающей степени бывший делом рук Булгакова и Флоренского. И не так уж важен был ответ М. А. Новоселова (в редакцию «Колокола»), которого Василий Васильевич поспешил записать в число анонимных издателей («решительно лучшие у нас имена в философии — по кругу религиозных вопросов»³): «...в издании этих рукописей я не участвовал и опубликованию их не сочувствовал и не сочувствую»⁴. Заметим и постоянное стремление Розанова вписать Флоренского в руководство «Пути»⁵.

Оберегая о. Павла и негодуя на всегдашнее обвинение в «искусственности» веры, писатель ставил на вид Бердяеву: «Нельзя не быть пораженным такими словами... Ведь это похоже на — “гони его вон!”». Ибо кто же захочет исповедоваться у человека с “новым православием”, да и кто захочет ему доверить редакторство православного журнала?»⁶ Подобная же ситуация обсуждалась в переписке Флоренского и Розанова в связи со статьей Д. В. Философова «Точка над и» (Речь. 1913. 24 мая). Время это было особенно тревожным для Флоренского, чье и без того непростое положение в академии осложнялось пристальным интересом к учению «имяславцев», только что осужденному Св.

¹ Булгаков С. Н. Пять лет (1917–1922). С. 89.

² Розанов В. В. А. Н. Шмидт и ее религиозные переживания и идеи // Колокол. 1916. 27 мая, 3 июня. Цит. по: *Он же*. В чаду войны. С. 222.

³ Там же.

⁴ Цит. по: Голлербах Е. А. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 304.

⁵ См., напр.: Розанов В. В. О типах религиозной мысли в России // Колокол. 1916. 19 авг. № 3074. С. 341.

⁶ Петроградский старожил [Розанов В. В.] Бердяев о молодом московском славянофильстве. С. 334.

⁷ Осени 1912 по весну 1917 г. Флоренский был редактором «Богословского вестника», журнала МДА.

Синодом. «Двойной донос, к Синоду, с одной стороны, и к Кагалу — с другой», — расценил ее о. Павел, — «к левым: Вот они, негодяи, какую мерзость печатают про нас, и это — искренне; к Синоду: Не верьте их черносотенности. Это люди беспокойные, еретики, мятежники. Это лишь на словах они правые, а на деле они люди опасные, “в оппозиции власти”»¹. «Не хорошо пишет Бердяев; да уже не поддувают ли его ветерки из дома Мурузи, где чернокнижничают Мережковский, Философов и З. Н. Гиппиус?» — задавался резонным вопросом Розанов².

Контраст Флоренского Мережковским особо заметен на столь дорогом писателю «бытовом», семейном фоне. «Лет 17 назад выслушал от Д. С. Мережковского совместно с З. Н. Гиппиус: “Вот на этих днях умерла мать Зин. Н. (Гиппиус), вечно любимая З. Н-ою и любившая ее. И мы, так горячо ее любя, не испытываем никакой печали. Если вы соединитесь с нами, вы приобретете такое, обладая чем, на самую смерть будете смотреть без страха и печали”. Я отказался твердо, предполагая... что таковое тесное слияние “с ними”... будет иметь результатом мое личное отделение от кровных своих, т. е. от жены и от детей. Нельзя не обратить внимания, что все связанные “кольцом Мережковских”, суть люди бездетные и, кажется, в сущности, безженные»³. Тогда как о. П. А. Флоренский «женат, имеет двух сыновей и, слава Богу, пьет с матушкой чай, с Вячеславом Ивановым переводит с греческого, со студентами философствует о Платоне и во всех отношениях (кроме болезни и смерти ближних, которые его поражали и поражают) благоденствует. Самая православная жизнь и православное лицо: чего же тут инквизиторствует Бердяев?»⁴.

Но не прошло и двух месяцев, как Розанов готов был задаться вопросом: «...зачем инквизиторствует Флоренский?» Причиной стала

¹ Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 128.

² Петроградский старожил [Розанов В. В.] Бердяев о молодом московском славянофильстве. С. 336.

³ Розанов В. В. Бердяев о религиозных исканиях Д. С. Мережковского // Колокол. 1916. 30 сентября, 7 октября. Цит. по: *Он же*. Собр. соч. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 635.

⁴ Петроградский старожил [Розанов В. В.] Бердяев о молодом московском славянофильстве. С. 336.

его статья «Около Хомякова» (Богословский вестник. 1916. № 6–7) с разбором капитального исследования проф. Киевской ДА В. З. Завитневича о родоначальнике славянофильства. Розанов если и читал Завитневича, то давно (т. 1 вышел в 1902 г., т. 2 — в 1913 г.), и в двух своих статьях, вызванных текстом о Павла, ссылается только на него. Более всего писателя задела та недооценка объективного значения, во-первых, Хомякова, а во-вторых, труда его многолетнего исследователя, что почувствовалась в аналитике о Павла. В своих суждениях о Хомякове он «слишком подчиняется условиям нашего времени... Шло царствование императора Николая Павловича и начало “эпохи великих реформ”, когда в Церкви царил авторитет митрополита Филарета, а в делах правления благовествовал шеф жандармов Бенкендорф; в литературе же шла линия торжества... Герцена, Белинского, Добролюбова и Чернышевского. При таком положении поднимать стяг внимания к Церкви, зова в Церковь было невероятно трудно. И то, что сделал, однако, Хомяков... было поистине “горою”...»¹. Согласившись же с замечаниями в адрес Завитневича, следом написал: «Труд, седой труд, — сам по себе до того величественно-почтенен, что прямо не думаешь о критике и не хочешь критики». «Но “раз критика есть”, благодаришь и критика», который «своим чуть-чуть филаретовским анализом... везде заставляет читателя становиться на свою сторону. <...> Это преимущество мыслителя 1916 года над... полвека назад умершим». Так, «Флоренский протестует против определения Хомяковым церкви как “организма любви”. Вообще это определение... до того недостаточно, что внушает улыбку. <...> Так, лет 15 назад и я думал об этом определении Хомякова. Затем жил» и понял, что хоть любовь «ужасно проста и не интересна», а «вот без этой “скуки” никак не проживешь... Какой же вывод? Да что опровергнуть Хомякова логически во многих случаях очень легко: но что-то есть в его словах “от чистого сердца”, — за что поваливший его противник наклонится и поцелует его»².

Этой-то благодарности не ощутил в должной мере у Флоренского Розанов. Не зря был помянут митрополит Филарет: «“Сей столп по-

¹ Розанов В. В. П. А. Флоренский об А. С. Хомякове. С. 406.

² Розанов В. В. Важные труды о Хомякове // Новое время. 1916. 12 октября. Цит. по: Он же. В чаду войны. С. 400–401.

паляющий” есть “соблазн” для Вас... Я о нем слышал лютые рассказы, и особенно он любил унижение человеческое, т. е. любил другого унижить. Ваша же светлая черта есть та, что Вы любите поддержать уже униженного человека», — убеждал он о Павла 6 октября 1916 г.¹ Но нет-нет, а прорывалось в печать иное: «Ни Новоселов, ни Флор., ни Цвет., ни Булгаков, которые все время думают, чувствуют и говорят о церкви, о христианстве, ничего не сказали и, главное, не скажут и потом ничего о браке, семье, о поле. <...> Фл. мог бы и смел бы сказать: но он более и более уходит в сухую, высокомерную, жестокую церковность»².

Ответ был получен Розановым без малого три года назад, что лишь усугубляло ситуацию. «Говоря о Церкви, нельзя говорить о ней как о “вообще” хорошем, но должно все время держать в уме», что она — «ответ на определенную задачу жизни», «т. е., другими словами, осуществление не блага “вообще”, а реального блага в реальных условиях, по существу своему мешающих легкому решению задачи. <...> Конечно, красивы требования, чтобы не было кнута. Но — только красивы, — не прекрасны, ибо прекрасное есть сама жизнь, а красивое — иллюзия в жизни», — писал Флоренский в сентябре 1912 г.³ Спустя шесть лет за уговорами прозвучали и выводы: Розанов — «это стихия хаоса... вечно-мятущаяся, не признающая никакой себе грани, — хаоса, не понявшего и не умеющего понять своей конечности... своей жалкости вне Бога»⁴. Впрочем, он сам предупреждал: «“Равнодушным” я себя никогда не помню. <...> Страхов мне давно сказал поразившее меня наблюдательностью замечание: “В вас есть *a-prior*’ные негодования и восторженности: и довольно безразлично и для вас случайно — что под них попадет”. <...> И на Розанова, господа, не очень-то “полагайтесь”»⁵. «Потому Вас<илия> Вас<асильевича> надо глотать целиком — если можете и хотите, и отбрасывать целиком — если не умеете и не желаете

¹ Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 390.

² Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй и последний // Собр. соч. Листва. М., 2010. С. 321–322.

³ Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 77.

⁴ Флоренский П. А. О В. В. Розанове (письмо М. И. Лухотину) // В. В. Розанов: pro et contra. С. 316.

⁵ Розанов В. В. Мимолетное. 1914 год. С. 463.

проглотить»¹. Сказанное в полной мере относится и к розановскому наследию времен мировой войны, с его противоречиями, несообразностями, антипатиями и увлечениями, интерес которых сумел оценить все тот же о. П. А. Флоренский: «Для меня, — и в жизни, и в литературе, — самое отвратительное — имитация; потому-то я и привязан к В. В. Розанову, что он... весь “настоящий”...»²

Часть III

«НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СУДЕБ И ЭПОХ»: ВОЙНА, РЕФОРМЫ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Д. Б. Павлов

Японо-русское идейно-пропагандистское противостояние в войне 1904–1905 гг.¹

Соприкосновение российской и японской семиосфер выступило одной из важных составляющих Русско-японской войны 1904–1905 гг., получившей отражение в культурном пространстве также и третьих стран. Историки все активнее обращаются к анализу сопутствовавших этой войне социокультурных факторов, которые, по выражению Дж. Вествуда, еще недавно представлялись новой «исследовательской территорией»². Изучаются отражение войны в русской и японской культуре, ее восприятие в обществе и его исторической памяти, влияние на

¹ Флоренский П. А. О В. В. Розанове (письмо М. И. Лухотину. С. 316.

² Переписка П. А. Флоренского и В. А. Кожевникова // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 109.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Русско-японское идейно-пропагандистское противостояние на мировой арене в войне 1904–1905 гг.», проект № 10-01-00502.

² Slavic Review. 20011. № 1 (60). P. 180.

интеллектуальную, политическую, эстетическую мысль¹, международный имидж обеих стран². История Русско-японской войны 1904–1905 гг. фактически превращается в «полигон» для изучения культурного соперничества и взаимовлияния в экстремальных условиях военного конфликта.

Наиболее видимым и резонансным проявлением этого соперничества явилось японо-русское противостояние в информационно-пропагандистской и идейной сферах, которое было важным в первую очередь для самих воюющих сторон. Специалисты по СМИ давно выяснили значение стереотипов, посредством которых формируется общественное мнение, а также роль повременной печати как (в прошлом) основного канала воздействия на него³. Газеты, пишет об общемировой тенденции начала XX в. Луиза Макрейнольдс, «упрочили себя в качестве господствующего фактора политического дискурса»⁴. Идеи и оценки, высказанные в русско-японской заочной печатной полемике и появив-

¹ *Mikhailova Y.* Images of Enemy and Self: Russian «Popular Prints» of the Russo-Japanese War // *Acta Slavica Iaponica*. 1998. № 16. P. 54–73; *Седых В. А.* Трансформация восприятия войны русским обществом в конце XIX – начале XX в. // *Опыт мировых войн в истории России*: Сб. ст. / Под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск, 2007; *Barlett R.* Japonisme and Japanophilia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness // *The Russian Review*. 2008. № 1 (67). P. 8–33; *Oleinikov D.* «The War in Russian Historical Memory», *The Russo-Japanese War in Global Perspective*. World War Zero / Ed. John W. Steinberg et al. Leiden; Boston, 2005. Vol. 1. P. 509–522.

² См.: *Lehman J. P.* The Image of Japan. From Feudal Isolation to World Power, 1850–1905. London, 1978; *The Walls Within: Images of Westerners in Japan and Images of the Japanese Abroad*. Selected Proceedings. The University of British Columbia 8–10 May 1988 / Ed. Kinya Tsuruta. Vancouver, 1989; *Молодяков В.* «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. Москва; Токио, 1996; *Malia M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, Mass., 1999; Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып. III, IV / Под ред. А. В. Голубева. М., 2006, 2007; *Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images* / Ed. Yulia Mikhailova, M. William Steele. Global Oriental, 2008 и др.

³ См., напр.: *Marbury Bladen, Jr, Ogle.* Public Opinion and Political Dynamics. Cambridge, Mass., 1950.

⁴ *McReynolds L.* The News Under Russia's Old Regime. The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton University Press. Princeton; New Jersey, 1991. P. 7.

шиеся в ее ходе стереотипы не только формировали отношение мировой общественности к России и Японии и определяли весь международный общественно-политический климат войны 1904–1905 гг. Они имели непосредственное отношение к таким утилитарным вопросам, как получение иностранных кредитов, размещение в зарубежных странах военных заказов, помощь в добывании секретных сведений о противнике, время и условия окончания войны.

«Войну идей», как и сами боевые действия, открыла японская сторона – ее первый «выстрел» прозвучал на третий день конфликта, 11 февраля 1904 г.¹ Темой последнего медийного «залпа» военных лет выступили события начала сентября 1905 г. в Японии – массовые беспорядки, вызванные недовольством условиями Портсмутского мира. Последствия ее военного успеха, отмечают Д. Уэллс и С. Уилсон, «простирались от коренного изменения баланса сил в Азии до недвусмысленного вызова доминировавшему представлению о “белом”, европейском превосходстве в мире»². В японской историографии высказано убеждение, что «выверенная зарубежная пропаганда» явилась одним из главных факторов, которые обеспечили Японии победу в войне с Россией³. Однако насколько справедлива и универсальна подобная оценка?

Основными участниками идейной борьбы, разумеется, выступали Япония и Россия, но поскольку «борьба за умы» велась главным образом на территории «третьих», нейтральных государств, в это противоборство так или иначе оказались вовлечены государственные и общественные деятели, политики и публицисты многих стран мира. «Площадками» этого соперничества были газеты и журналы Старого и Нового Света и самих Японии и России. Однако зоной их особой пропагандистской активности стали Корея и, особенно, Китай. Военные действия на их

¹ Это была речь барона Кэнте Суэмацу, посланного с пропагандистской миссией в Великобританию, которая была произнесена по-английски на борту парохода «Iyo-maru» перед спутниками-иностранцами по случаю Дня японской Конституции (см.: *Matsumura M.* «Introduction» // *Suematsu Kencho. The Risen Sun. Japanese Propaganda, Selected Readings. Series 1: Books 1872–1943* / Ed. Peter O'Connor. Global Oriental, 2004. Vol. 3. P. 2).

² *The Russo-Japanese War in Cultural Perspective* / Ed. David Wells, Sandra Wilson. Palgrave, 1999. P. IX (Preface).

³ *Matsumura M.* «Introduction», *Suematsu Kencho...* P. 8.

территории привлекли в регион сотни журналистов со всего света. Влияние на мировое общественное мнение оказывали материалы и самой дальневосточной периодической печати, которые публиковались за рубежом. Поэтому соперничество России и Японии на информационно-пропагандистском пространстве стран Дальнего Востока фактически явилось схваткой за умы не только азиатского, но, по существу, и мирового сообщества.

Создание Россией и Японией собственного благоприятного образа на Западе уже не раз становилось объектом исследования¹. Настоящая статья фокусирует их деятельность того же рода на дальневосточной информационной «кухне» — в том новостном «котле», из которого черпали сведения, а порой и оценки местные и иностранные журналисты, представители мировых информационных агентств. Работа основана на служебной переписке и мемуарах очевидцев и участников описываемых событий, а также на материалах периодической печати — главного зеркала общественного мнения, его генератора и поля идейных баталий.

В решении стратегической задачи манипулирования общественным мнением посредством печатного слова Япония и Россия следовали сходной тактике, но использовали различные приемы. Тактика предусматривала, во-первых, издание собственной печатной продукции в дальневосточном регионе, во-вторых, негласное субсидирование туземной и иноязычной, формально независимой, прессы и, наконец, в-третьих, отслеживание иностранной периодики и соразмерное ее настроениям воздействие на журналистов, которые освещали и комментировали ход войны. Алгоритмы реализации этих трех составляющих в агитационно-пропагандистской практике Японии и России были различны. Разными были и целеполагания.

Идейная составляющая русско-японской Kulturkampf включала интерпретацию таких фундаментальных вопросов, как причины, цели и

¹ *Valliant R.* The Selling of Japan: Japanese Manipulation of Western Opinion, 1900–1905 // *Monumenta Nipponica*. 1974. № 4 (29); *Мацумура Масаеси*. Российская пропаганда во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // *Россия и АТР*. Владивосток, 2002. № 4; *Куланов А., Молодяков В.* Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007. С. 67–141; *Павлов Д.* Япония эпохи Мэйдзи в восприятии западного сообщества: технологии западноориентированного имиджмейкинга // *Россия XXI*. 2009. № 3. С. 58–91.

характер войны для каждой из конфликтующих сторон (часто исходя из общих рассуждений на тему столкновения «желтого» и «белого» миров, христианской и нехристианской культур), ответственность за ее начало, национальные особенности русских и японцев и степень их «цивилизованности», состояние вооруженных сил противников, ход самих военных действий, взаимоотношения оккупационных войск с местным населением. Уделялось внимание внутреннему положению России и Японии — ходу мобилизации и общественным настроениям, отношению к войне, состоянию промышленности, финансов, экономики в целом, их текущей государственной и общественно-политической жизни.

Содержательно японская пропаганда была явлением крайне противоречивым, зависимым от ее адресата и потенциального потребителя. В высказываниях, рассчитанных на западноевропейцев и американцев, она акцентировала родство «новейшей азиатской» (японской) и западной, христианской, культуры и, исходя из этого, подчеркивала общечеловеческую, цивилизаторскую и, в сущности, прозападную миссию своей страны в дальневосточном конфликте. Барон Кэнтаро Канэко, направленный с аналогичной Суэмацу пропагандистской миссией в США, заявлял в англоязычной прессе, что на Дальнем Востоке Япония «сражается в интересах англо-американской цивилизации», а не в своих собственных¹. В справедливости дела Японии и ее «уверенности в конечном торжестве права над силой» в марте 1904 г. убеждал зарубежных военных корреспондентов заместитель министра иностранных дел Сотэми Тинда². Популяризация этих «полуправд», надуманных, а отчасти вымышленных представлений составляла главное содержание японской пропаганды в первой половине 1904 г. в «западном» исполнении³.

Восточной же аудитории, включая свою собственную, внушались в корне иные, паназиатские постулаты. «На наше государство, знаме-

¹ The Japan Times. 26.7.1904. № 2226.

² The Japan Times. 8.3.1904. № 2108.

³ Подробнее об этом см.: *Павлов Д.* Китай, 1904–1905: русско-японское идейно-пропагандистское противостояние // *Acta Slavica Iaponica*. 2005. № 22. P. 56–58; *Павлов Д.* «Христианский вопрос» в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., или Планировала ли Япония сделаться христианским государством?: По материалам мировой печати // *Acta Slavica Iaponica*. 2009. № 26. P. 69–78.

носца азиатской культуры, весь Восток взирает с надеждой, — говорил в августе 1904 г. президент Палаты пэров японского парламента принц Ацумаро Коноэ, — ...на нас лежит священный долг оказать помощь всем уповающим на нас: Китаю, Индии, Корее, всякому цивилизованному азиатцу, и освободить их от Европы»¹. Таким образом, Япония позиционировалась как защитница угнетенных народов Востока, лидер их антиколониальной борьбы. В общем, в Азии она претендовала на такую же мессианскую роль, что и в отношении Запада. В этой связи бывший (и будущий) японский премьер-министр граф Сигэнобу Окума в одном из публичных выступлений назвал свою страну «квинтэссенцией лучших начал Востока и Запада»².

Однако эту «Прекрасную Теорию» (используя выражение Герберта Спенсера) «убивает шайка Грубых Фактов» — преследуя в действительности экспансионистские цели, Токио в своих соседях и соплеменниках разжигал в первую очередь антизападную ксенофобию. Подконтрольная Японии синоязычная пресса активно спекулировала на тему неизбежности массовых волнений в Поднебесной, направленных против всей «белой расы»³. Японские солдаты вместе с китайским простонародьем устраивали шествия под антирусскими лозунгами, например в Шанхайгуане и Цинвандао в августе 1904 г.⁴ В сентябре 1904 г. в российский МИД поступили сведения об усиленной деятельности японцев в главных центрах Китая «с целью возбудить беспорядки против всех иностранцев без различия национальности»⁵. Летом 1905 г. при участии

¹ Цит. по: Русь. 9(22).12.1904. № 359.

² Новое время. 31.12.1904/13.01.1905. № 10359 (перепечатка из пекинской «китайско-японской» газеты «Shun'-Tian'-Shi-Pao» от 19 и 22.11.1904).

³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 292–292 об. (Секретная телеграмма посланника в Китае П. М. Лессара в МИД. Пекин, 29 ноября / 12 декабря 1904 г.)

⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 60. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 162 (Секретная телеграмма министра В. Н. Ламздорфа посланнику П. М. Лессару в Пекин. С.-Петербург, 26 сентября 1904 г.). Лессар в ответ сообщил, что, по его данным, «правильной японской организации для возбуждения волнений нет» и дело пока ограничивается распространением японских прокламаций об «окончательном поражении русской армии» (Там же. Д. 61. Л. 22 (Секретная телеграмма П. М. Лессара в МИД. Пекин, 1/14 октября 1904 г.).

японских агитаторов в крупнейших китайских портах прошла акция бойкота американских товаров, а в декабре подоспел и «беспрецедентный налет на иностранцев» (по оценке газеты «North China Daily News») в Шанхае. Для защиты своих консульств и подданных от погромщиков и поджигателей западные державы ввели в европейские кварталы города команды военных моряков, причем главную роль в подавлении возмущения сыграл отряд британских матросов. «Антибелая пропаганда японцев, — комментировал шанхайские события русский военный атташе К. Н. Дессино, — настолько пустила корни в Китае, что недалеко то время, когда вообще всем иностранцам придется очень плохо в Китае»¹.

Корейская туземная печать, накануне войны не выказывавшая особых симпатий к Японии, с прибытием японских оккупационных войск, по наблюдениям американского историка Андрэ Шмида, не только стала выступать «с энергичными призывами к региональному и расовому единению», но и начала освещать войну «как конфликт белой России против желтой Японии», от исхода которого зависит, «выживут ли желтые народы или будут уничтожены»². Антизападной направленности корейская пресса, контролируемая Японией, продолжала придерживаться и впоследствии. «Сегодня раса борется с расой», — писала в сентябре 1907 г. сеульская «Taikan Nippo», призывая соотечественников верить своим почти единоплеменникам-японцам, а не белым — представителям «враждебной расы»³.

Наряду с воинствующей антизападной риторикой в странах Востока обстоятельства начала дальневосточного конфликта — высадка Японией своих войск в формально независимой и нейтральной Корее и ночная атака ее миноносцами русских судов на рейде Порт-Артура без объявления войны — заключали в себе большую опасность для имиджа Японии как миролюбивого государства, выполняющего общечеловеческую цивилизаторскую миссию. Несмотря на это, Япония су-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000 (Главный штаб). Оп. 1. Д. 6998. Л. 10 об. (Рапорт генерала К. Н. Дессино в Главный штаб. Шанхай, 20 декабря 1905 г. / 2 января 1906 г. № 135).

² Schmid A. Korea between Empires, 1895–1910. New York: Columbia University Press, 2002. P. 92.

³ Цит. по: McKenzie F. A. The Tragedy of Korea. London, 1908. P. 215.

мела завоевать почти всеобщие симпатии и в первой половине 1904 г. в идейно-пропагандистском плане доминировала. Угрозу зачисления в агрессоры и «варвары» ей удалось от себя отвести, и многие американские и западноевропейские журналисты, политические, финансовые и общественные деятели охотно высказывались на тему об агрессивности России, возлагая именно на нее ответственность за начало войны. На англоязычном Западе Япония представлялась «рыцарем в сияющих доспехах, спасающим Запад»; Россия, напротив, выводилась из «клуба» цивилизованных держав¹. «Американский народ верил, что Япония ведет войну из самозащиты, и ее отважное противостояние могущественной России вызывало огромное восхищение, — констатируют обозреватели американской печати военных лет. — ... Финансовые и университетские круги Америки были одинаково убеждены, что военные успехи Японии означают прогресс цивилизации... Американская пресса приветствовала Японию как идеал молодой нации, сражающейся за альтруистическое дело»².

Стержень такого, внутренне противоречивого, отношения к Японии западного сообщества афористично выразил военный корреспондент «Times» Уильям Гринер: «Японцы — язычники, которые, однако, усвоили западную систему моральных ценностей (ethical code)»³. Как следствие, ни одна из великих держав официально не поддержала обвинения Россией своего противника в вероломстве и изначальном нарушении норм международного права⁴. Более того, ведущие американские и британские правоведы доказывали, что, нападая на Россию без объявления

¹ Журавлева В. И. Образ русской революции в американской политической карикатуре // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность: Материалы международной конференции. М., 2007. С. 159.

² *Tupper E., McReynolds G. Japan in American Public Opinion. New York, 1937. P. 6–7.*

³ *Greener W. O. A Secret Agent in Port Arthur. London, 1905. P. 246–247.*

⁴ 9 (22) февраля 1904 г. министр Ламздорф циркулярно предписал российским представителям за рубежом передать правительству страны пребывания официальный протест относительно «самого возмутительного попрания» Японией «общепринятых постановлений, определяющих взаимные отношения между цивилизованными государствами», которое она, по мнению Петербурга,

войны, Япония действовала закономерно. Профессор Йельской школы права Теодор Вусли, например, в этой связи заявил, что «в современных условиях объявлять войну необязательно», а потому «в атаке японскими миноносцами русских кораблей в Порт-Артуре не было ничего вероломного или неверного»¹. В итоге правовая оценка действий Японии в первые часы ее вооруженного конфликта с Россией безнадежно увязла в юридических спорах и отсутствует по сию пору.

Россию японская пропаганда характеризовала как «великого врага гуманности» и «подлинной цивилизации»², как прямую угрозу территориальной целостности Китая, независимости Кореи и существованию Японского государства. Такой образ врага в свою очередь способствовал тотализации войны для самой Японии. Особенно ярко стремление дегуманизировать противника сказалось на изображении русской действующей армии. Ее оценки были выдержаны в уничижительном тоне и подчас подавались в расистском ключе. «Ни мозгов, ни планов, ни карт, ни подкреплений», «командир в панике», «русская армия деморализована» — обычные газетные ламентации на этот счет³. Предметом почти исключительного внимания прессы выступали действительные или мнимые факты неумелого командования, трусости солдат, плохого снабжения и санитарного состояния войск. Газеты писали о пьянстве и кровожадности «вороватого москвитя» (thievish Moscovite), его жестокости в обращении с местным населением и пленными, о демонстративном и циничном попрании им представлений о гуманности и норм международного права. *Mujik*'у, основе армии, подхватывал ту же ноту американец Н. Бэйкон, «недостает грамотности, трезвости, предприимчивости, энергии и честности». «Все это характерные черты славянской расы, — заключал публицист, — и мои личные наблюдения позволяют

демонстрировала с самой «минуты разрыва» (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1133. Л. 87); полный текст ноты см.: Новое время. 11/24.2.1904. № 10035.

¹ Цит. по: The Japan Times. 10.3.1904. № 2109.

² *Wasuke J. «Introduction» // The Russo-Japanese War. Tokyo, 1904–1905. P. 1–10.*

³ The Japan Times. 23.6.1904. № 2198 (перепечатка из «Daily Mail»).

классифицировать их в целом как стоящих на более низкой ступени развития, чем негры наших южных штатов»¹.

Распространявшиеся прессой домыслы и слухи относились к разным сторонам армейской и флотской жизни. Печать сообщала то о трагедии, сопровождавшей переход «большого подразделения русских» озера Байкал по льду (итог — 600 замерзших насмерть)²; то о собственноручном расстреле заместителем провинившегося офицера перед строем³; то о коварном плане русских отравить реку Ялу, для чего в ее верховья якобы свезено огромное количество «ядовитых медикаментов»⁴. Казаки избражались как «далеко не храбрые» полуживотные, предпочитающие спать на голой земле, ловить птиц и живьем их пожирать⁵. Русские дальневосточные моряки, в интерпретации русофобских газет, не столько воевали, сколько пиратствовали, захватывая иностранные торговые суда⁶, которые к тому же подрывались на минах, намеренно ими разбросанных⁷, либо обстреливали мирных японских рыбаков.

¹ Цит. по: The Japan Times. 7.8.1904. № 2237.

² The New York Times. 17.2.1904. № 16886; The Japan Times. 16.3.1904. № 2113 (перепечатка из «Tagliche Rundschau»).

³ North China Herald. 5/18. 3.1904.

⁴ The Japan Times. 5.6.1904. № 2183; 19.7.1904. № 2220.

⁵ The Japan Times. 13.4.1904. № 2137.

⁶ The Japan Times. 6.8.1904. № 2236 (перепечатка из «Asahi»). По данным специалиста в военно-морской истории сэра Джулиана Корбетта, за весь период войны японский военный флот захватил или потопил 61 торговое судно, включая не только русские, но норвежские, шведские, китайские, французские, германские и даже британские и американские пароходы, а русский — 58, 22 из которых были японскими. Подсчитано нами по: *Corbett Julian S. Maritime Operations in the Russo-Japanese War, 1904–1905. Annapolis, 1994. Vol. 2. P. 431–442.*

⁷ Одно из сообщения прессы о таком подрыве посланник Лессар в секретной депеше в МИД прокомментировал следующим образом: «О таковых [русских минах] слухи постоянно идут из столь заведомо ложных источников, как американские и японские газеты. В действительности джонка, вероятно, потопило японское военное судно. В последнее время это часто делается, причем топят с экипажем и пассажирами, чтобы не было свидетелей, объясняя исчезновение судов русскими плавучими минами» (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 59. Л. 199–199 об. (Шифрованная телеграмма П. М. Лессара в МИД. Пекин, 22 августа / 4 сентября 1904 г.).

В описании военных действий японские газеты оперировали информацией, тщательно «отфильтрованной» правительственной цензурой. Их итоговый новостной продукт читатель-неяпонец оценил следующим образом: «Существуют только японские победы, японское героичество, японский военный гений в противоположность русским непрерывным поражениям и бегствам, русской трусости, русскому варварству и скотству»¹. По данным официальной японской прессы, уже к августу 1904 г. безвозвратная убыль русской армии составила порядка 50 тысяч человек² — почти столько, сколько в действительности Россия потеряла за все время войны. О собственных потерях печать хранила молчание, хотя к концу ноября 1904 г., по конфиденциальной информации военного министра Масатакэ Тэраути, Япония лишилась не менее 100 тыс. солдат (примерно 60 тысяч убитыми и ранеными и 40 тысяч заболевшими «бери-бери», дизентерией и брюшным тифом)³. О потоплении в мае 1904 г. новейшего, британской постройки, броненосца «Yashima» мир узнал из французских газет лишь в конце того же года. Совершенно умалчивались другие потери японского военного флота, весьма в действительности немалые.

Негативное отображение японской армии не могло попасть в японскую печать не только по цензурным условиям. Сообщения такого рода изымались самими редакциями как «необоснованные», поскольку были несовместимы с представлениями японского журналистского сообщества о патриотизме и лояльности. Вследствие этих внешних и внутренних ограничений, отмечает исследователь японской прессы военных лет, ее продукция оказалась лишена «протяженности во времени, глубины и контекста. В результате общим местом стал стереотип»⁴, отправными пунктами которого были справедливость войны для Японии, чистота и добросердечие ее намерений, имманентная порочность противника.

¹ Дневники Святого Николая Японского / Сост. Кэнноске Накамура. СПб., 2004. Т. 5. С. 110 (запись от 30 июня / 13 июля 1904 г.).

² The Japan Times. 10.8.1904. № 2239.

³ *Awakening Japan: the Diary of a German Doctor* / Ed. Erwin Baelz by his son Toku Baelz. Bloomington, London: Indiana University Press, 1974. P. 329.

⁴ *Macdermid Susan Ch. Print Capitalism and the Russo-Japanese War.*, BA thesis. University of British Columbia, 1990. P. 79, 83, 138.

Описание хода военных действий было сведено к казенным победным реляциям в шовинистическом обрамлении, печать всерьез рассуждала об «уникальности» японской нации, которой «по праву принадлежит лидерство в Азии и во всем мире»¹. Налоговый гнет и обнищание населения, упадок торговли и рост преступности — об этих и других проблемах японского общества, в конечном счете вызванных войной, из японских газет узнать было невозможно. В общем, японская пресса, «характер и новостная энергетика» (*news go-aheadness*) которой еще недавно восхищали представителей зарубежной печати², в годы войны содержательно деградировала. Этот важнейший просчет руководителей японской пропаганды был чреват потерей ею влияния и авторитета, особенно за пределами страны.

В схожих идейных рамках действовала прояпонская пресса Китая. Газеты, с одной стороны, писали о бездарности и трусости русских генералов и кровожадной дикости солдат, якобы живущих подаянием или грабежом местного населения³, а с другой — восхваляли японских военных, подчеркивая их мужество, благородство, рыцарство и доблесть⁴. Иллюстрируя высокие патриотические чувства японцев, печать сообщала о полумиллионе добровольцев, якобы готовых немедленно отправиться на театр войны⁵, хотя волонтерских формирований в армии Японии не существовало вовсе. «Великая Япония» представляла перед читателем как бескорыстная защитница свободы, территориальной целостности и независимости Китая от России — «государства с привычками тигра и волка». Тот же комплекс оценок развивали листовки, которые японцы и их туземные единомышленники нелегально распространяли в китайских городах. Одна из таких листовок, расклеенных в Гирине в июне 1905 г., начавшись констатацией «мы глубоко ненавидим русских», далее сообщала, что Россия, издавна «придерживаясь политики поглощения

¹ Ibid. P. 92.

² *Burleigh Bennet*. *Empire of the East, or Japan and Russia at War, 1904–1905*. London, 1905. P. 68.

³ РГВИА. Ф. 869. Оп. 16. Д. 29304. Л. 69–69 об., 437–437 об. (Переводы статей газет «*Tun-Van-Hu-Pao*» и «*North China Daily News*»).

⁴ См., напр.: *North China Herald*. 27.5.1904. № 1920.

⁵ *Da-Gun-Pao*. Tientsin, 16.5.1904.

чужих земель», ныне стремится «окончательно поглотить Китай и пожрать, подобно морскому чудовищу, его население. <...> Русские войска жгут и грабят в наших деревнях без малейшей пощады, насилуют и оскорбляют». Япония же — «дружественное нам государство; она честна и справедлива. Япония... двинула под своими знаменами воинов победоносно наказывать русских за их преступления. Из этого видно, что действия японцев направлены к пользе Китая, к устранению его большой печали и к отмщению за попрание его народа. <...> В японской армии существует строгая дисциплина; там не делают ни малейшего проступка по отношению к [китайским] жителям»¹.

По мере затягивания войны, по свидетельству посланника в Китае П. М. Лессара, японцы через подконтрольную себе китайскую печать «отчаянно» стремились под любым предлогом вовлечь в войну китайцев «и чрез них державы»². Одновременно японские прокламации предостерегали жителей Поднебесной от какого бы то ни было сотрудничества с русским агрессором. «Придет время, — говорилось в одной из них, — когда мы, японцы, явимся в город и всех их [коллорабационистов] казним. Имущество же их и дома будут розданы нашим войскам в награду»³. Повседневную жизнь Маньчжурии под русской оккупацией туземная прояпонская печать подавала с обилием неточностей, искажениями фактов, приданием незначительным событиям статуса важнейших. Русская жительница Тяньцзиня ситуацию в местной прессе описала следующим образом: «Из местных газет (их три) усердствует в распространении небылиц относительно нас “*The China Times*”, иные номера которой наполовину заполнены полуфантастическими сведениями о русско-японском конфликте и рассуждениями по этому поводу. Два казака повздорили с лавочником-китайцем... и в результате громадная статья в хронике под тройным заголовком, один из которых читается так:

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 26663. Л. 1–1 об. (Перевод с китайского языка текста листовки, распространявшейся в Гирине в середине июня 1905 г.).

² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 272–272 об. (Секретная телеграмма П. М. Лессара в МИД. Пекин, 25 ноября / 8 декабря 1904 г.).

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 26663. Л. 4 (Перевод на русский язык рукописной прокламации, снятой в городе Чжендзятунь округа Ляо-юань провинции Мукден утром 7 августа 1905 г.).

“Терроризация русскими солдатами Takuroad” (столкновение произошло на улице этого наименования), и еще несколько статей по этому поводу, одна из них передовая. <...> Казачья сотня, стоявшая здесь, ушла в Фынхуанчен (в Маньчжурии), оставив только один взвод. И этот уход вызвал несколько статей под громкими заголовками вроде: “Русские войска покидают Китай”¹.

Искуса бульварщины не смогла избежать и более уважаемая иноязычная пресса, региональная и зарубежная. В июле 1904 г. официальная токийская «Japan Times», например, поведала историю о некоем русском офицере, который живьем скормил тигру даляньского зоопарка двух своих служанок-японок, когда те попытались скрыться ввиду приближения японских войск². Лондонская «Times» до публикации подобных несуразностей, разумеется, не опускалась. За скудостью информации дальневосточных корреспондентов свои колонки «the Paper» заполняла пространными комментариями военного обозревателя, кабинетного аналитика полковника Чарльза Курт-Репингтона — продуктом его собственных измышлений и «вольного» прочтения европейских газет. Благодаря ему и некоторым из его коллег представление об отношении русских к японцам в начале XX в. как к «желтым обезьянам», или «макакам»³ по сей день остается стереотипным. Между тем исследователи русской повременной печати начала XX в., включая автора этих строк, не находят в ней подобных эпитетов⁴. В 1905 г. обзоры Курт-Репингтона были собраны под одной обложкой и сначала изданы в Токио в японском переводе газетой «Ji-Ji» (которую негласно опекал посланник Хаяси), а затем и в Лондоне — на языке оригинала, в виде 600-страничного фолианта, с авторским посвящением микадо и его подданным, достоинства которых всячески превозносились.

¹ Новое время. 12(25).02.1904. № 10036.

² The Japan Times. 27.7.1904. № 2227.

³ The War in the Far East, 1904—1905 by the military correspondent of «The Times». London, 1905. P. 7—8; Greener William O. A Secret Agent in Port Arthur... P. 38.

⁴ «В прочитанных мною сотнях статей разных газет о войне я ни разу не обнаружила слова “макаки”», — констатирует Л. Макрейнольдс (McReynolds Louise). The News Under Russia's Old Regime. The Development of a Mass-Circulation Press... P. 193 (note).

Русская пропаганда, адресованная Западу и Востоку, также различалась, но не столь полярно, как японская. Своего и западного читателя российская пресса убеждала главным образом в том, что русско-японская война «есть столкновение двух взаимно-непонимающих и подчас даже взаимоисключающих культур»¹, и христианские морально-этические ценности несовместимы с лишь внешне «озападенной» Японией. Адресуясь же восточной аудитории, она акцентировала экспансионистские аппетиты своего оппонента, вынужденный и ответный характер собственного участия в войне. Царско-безобразовские замыслы отторжения Маньчжурии от Китая и установления «господства на своем берегу Тихого океана» русские пропагандисты не афишировали², тему «желтой угрозы» западной цивилизации старались не поднимать. Впрочем, на внутрироссийском информационном «рынке» эта тема также не являлась ни широко востребованным, ни ходовым «товаром». Отчасти по причине отсутствия в русском обществе устойчивого и безусловного неприятия японцев, отмеченного современниками³, отчасти же под влиянием рекомендаций Главного управления по делам печати, которое одним из январских 1904 г. циркуляров предписало газетам «воздерживаться» от «шовинистических статей»⁴. Расистские демарши обласкан-

¹ Новое время. 15/28.01.1905. № 10367.

² Зарубежные миссии в этой связи получили указание Петербурга избегать суждений относительно будущего образа действий России на Дальнем Востоке (см.: История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века: От русско-французского союза до Октябрьской революции / Под ред. В. А. Емеца, А. В. Игнатъева и др. М., 1997. С. 164, 171).

³ См., напр.: The New York Times. 16.02.1904. № 16885. По наблюдению литературоведа Барбары Хелдт, в русской изящной словесности тех лет японцы изображались «со смесью уважения, враждебности и восхищения», причем этот стереотип сохранялся и впоследствии (см.: Heldt Barbara. «Japanese» in Russian Literature: Transforming Identities // The Walls Within: Images of Westerners in Japan and Images of the Japanese Abroad... P. 247, 252).

⁴ На этот циркуляр в одном из частных писем директору I («Азиатского») департамента МИД Н. Г. Гартвику ссылался издатель «Нового времени» А. С. Суворин (Hoover Institution on War, Revolution and Peace. В. I. Nicolaevsky Collection. № 65. 14 (2). С. 9. Письмо А. С. Суворина Н. Г. Гартвику. С.-Петербург, март 1904 г.). В бумагах Главного управления по делам печати МВД нам его обнаружить не удалось.

ных властью публицистов (например, близкого императору издателя «С.-Петербургских ведомостей» князя Э. Э. Ухтомского¹) по адресу японцев и азиатов вообще в публике встречали безразличное молчание либо насмешки. Как показал исследователь британского общественного мнения Джон Маккензи, возможна ситуация, когда острые внешнеполитические вопросы оставляют большинство общества равнодушным, являясь достоянием лишь «горстки интеллектуалов»². После войны выражение «желтая угроза» приобрело в России уже прямо комический оттенок.

По наблюдению Д. А. Седых, наиболее острую реакцию в России вызвала не столько война с Японией, сколько обстоятельства ее начала, особенно атака японцами русской эскадры в Порт-Артуре до объявления войны. Сам этот факт, а равно последующие попытки японских дипломатов публично оправдать его соображениями военной целесообразности вызвали негодование в русском обществе и серию газетных статей относительно «моральных и расовых недостатков» своего противника, не способного «усвоить нравственную сторону культуры»³. Но вне военных сюжетов о проблемах простых японцев — их бедности и болезненности, высокой продолжительности рабочего дня, бесправии женщин — даже близкая правительству светская печать отзывалась скорее сочувственно. «Мы воюем не с народом, — писало в марте 1904 г. «Новое время». — Наш враг — это японская интеллигенция, это юристы, профессора, журналисты, военные и депутаты. Это потомки тех самураев, которые... оставшись не у дел, занялись политикой»⁴.

Дальневосточная российская пропаганда стремилась дискредитировать в глазах западного и восточного сообществ лозунг азиатского

¹ См.: The Fortnightly Review. 1904. March. P. 419 (Интервью Э. Э. Ухтомского газете «Frankfurter Zeitung», данное в феврале 1904 г.). Подробнее о проблеме «желтой угрозы» в русской публицистике см.: *Сунь Чжунцин*. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX — начала XX века. «Желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. М., 2008.

² MacKenzie John M. Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion, 1880—1960. Manchester University Press, 1984.

³ Цит. по: Седых Д. А. Трансформация восприятия войны... С. 340.

⁴ Новое время. 17(30). 3. 1904. № 10070.

единения в его японском исполнении, выдвигая более гуманную, христианскую, альтернативу решению проблемы «Восток — Запад». В типографии формально независимой шанхайской «China Gazette» и от лица ее редакции русские дальневосточные власти тиражами в 3—3,5 тысяч экземпляров печатали и рассылали в парламенты, библиотеки, клубы, редакции журналов и газет многих стран мира сборники статей и речей, брошюры и литографии с фотоснимков. На фотографиях были запечатлены сцены расстрела японскими солдатами корейских крестьян, распятых на крестах. Подпись под ними гласила: «Утонченный японский призыв к поддержке и сочувствию, обращенный ко всем нациям “желтой угрозы”, против европейской цивилизации, и особенно христианства. Эти казни были совершены 15 сентября 1904 г. в Сеуле японскими властями. Фотографии сделаны японским фотографом в Чемульпо, где их можно купить за несколько центов»¹. В другом издании в английском переводе была напечатана откровенно антиевропейская по смыслу статья тяньцзиньской прояпонской газеты «Takung-Pao». Ее анонимный автор писал об империализме «тевтонской, латинской и славянской рас», обращенном против «цветных» (coloured races), и во имя «великой мечты о Золотом веке и Всемирной империи» звал всех «монголов» (Mongols) к единению². В качестве более действенного и гуманного способа разрешения «глубокого непонимания и антагонизма между Востоком и Западом» в той же брошюре воспроизводился призыв китайского императорского «Общества по распространению христианства среди китайцев» к просвещению и «христианскому милосердию»³.

Летом 1904 г. наместник Е. И. Алексеев направил главному куратору иноязычной дальневосточной прессы со стороны России, дипломату А. И. Павлову, «перечень вопросов, которых было бы желательно коснуться в “Чайна Газет” в ближайшем времени». Перечень включал следующие группы тем и сюжетов: (1) «о безупречном обращении русских с населением Маньчжурии», (2) «о появлении в Южной Маньчжурии фальшивых [русских] кредитных билетов по мере прибытия туда япон-

¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2985. Л. 25.

² Там же. Л. 23а.

³ Там же.

цев», (3) «о недовольстве китайцев скупостью и жестокостью японцев» и (4) «опровержение известия, что война с Японией началась из-за Маньчжурии и что Китай на этом основании имеет право вмешаться»¹. Этой «программы» «China Gazette» и стала придерживаться в дальнейшем.

Другая пророссийская газета, издававшаяся в Китае, «Chefoo Daily News» в течение полугода после заключения ее редактором в августе 1904 г. секретного контракта с Россией опубликовала несколько сот статей, в которых приводила факты нарушения Японией китайского нейтралитета, указывала на опасность для Запада возможного японо-китайского союза, писала об истязаниях и казнях японцами китайцев и корейцев, заподозренных в шпионаже, сообщала о финансово-экономическом истощении самой Японии, об огромных потерях ее армии в ходе осады Порт-Артура. Состояние же российских дел преподносилось с противоположным «знаком» — одну из рубрик газеты ее закулисный руководитель — чиновник Министерства финансов Л. Ф. Давыдов — так условно и назвал: «Финансы России находятся в прекрасном состоянии»². «Агент Рейтера и другие корреспонденты [“Chefoo Daily News”] сделали свое дело, оправдывая, таким образом, внимание, которое мы оказывали им различными способами, но главным образом, конечно, в виде благодарности, выраженной в мексиканских долларовых банкнотах», — довольно цинично заключал Давыдов в докладе министру финансов³. «Русская» дальневосточная печать, а вслед за ней и центральная российская пресса приводили факты сознательного обстрела японцами санитарных поездов и порт-артурских госпиталей, писали о притеснениях русских пленных в лагере Мацуяма. В действительности обращение с пленными с обеих

¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 57. Л. 160—160 об. (Секретная телеграмма дипломатического чиновника при наместнике Г. А. Плансона А. И. Павлову в Шанхай. Мукден, 29 июня 1904 г.).

² Этот тезис не вполне соответствовал действительности. В конфиденциальном письме министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу министр финансов В. Н. Коковцов признавал «чрезвычайное напряжение всех сил и средств России, вызванное происходящими на Дальнем Востоке событиями» (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 63. Л. 189).

³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 560. Оп. 28. Д. 288. Л. 61 об. (Секретное донесение Л. Ф. Давыдова министру финансов В. Н. Коковцову в Петербург. Пекин, 2/15 сентября 1904 г. № 12/356).

сторон было очень гуманным, но шельмования и оболгания японцев, Японии и ее вооруженных сил не практиковали и здесь. Равным образом русские кураторы китайской печати старались пресекать ее чересчур акцентированное русофильство¹.

В общем, в содержательном плане русская дальневосточная пропаганда по преимуществу «держала оборону», ограничиваясь тем, чтобы как можно доказательнее парировать нападки русофобской прессы². В полемике с прояпонской печатью здешние «русские» газеты, хотя и допускали передержки и «фигуры умолчания», все же, как правило, стремились не выходить за рамки фактов, делать ставку на оригинальность и полноту своей информации и избегать домьслов, демагогических и бульварных приемов. Основной разоблачительный акцент был сделан на вероломстве и жестокости японской политики на азиатском континенте с целью не допустить вступления в войну Китая под флагом расового единения с Японией.

Таким образом, театр Русско-японской войны 1904—1905 гг. явился также передним краем идейно-пропагандистской борьбы Японии и России. Важнейшей «площадкой» их культурного соперничества стала туземная и иноязычная печать стран Дальнего Востока. Захватив (вместе с Германией) инициативу в колониальной политике на севере Азии в середине 1890-х гг., Токио приступил к освоению здешнего идейно-пропагандистского пространства. Союзный договор 1902 г. с Великобританией, заключенный, по признанию самих японцев, преимущественно «для противодействия поступательному движению России

¹ Так, публикация «Echo de Chine» репортажа своего «петербургского корреспондента» о сверх-почетной (якобы с коленопреклонением) встрече жителями русской столицы японских военнопленных стала поводом для резкого сокращения ее субсидирования Павловым.

² В воспоминаниях иностранных журналистов, очевидцев военных событий, можно встретить упоминания о воззваниях на китайском языке, которые в начале войны распространялись в Маньчжурии от лица русского наместника. По сообщению британца Беннета Берлей, одна из таких прокламаций «в грубой форме» и под угрозой «неизбежной кары» призывала китайцев «довериться России, остерегаться японцев и помогать царю и его подданным» (*Burleigh B. Empire of the East... P. 127*). Поскольку в российских источниках нам не встретилось каких-либо упоминаний на этот счет, рискнем предположить, что к наместнику Е. И. Алексееву подобные листовки отношения не имели.

на Востоке», укрепил позиции Японии на мировой арене и стал краеугольным камнем всей ее внешней политики¹. В результате с первых дней вооруженного конфликта с Россией японская пропаганда рука об руку с британской повела наступление широким фронтом, наряду с негласным субсидированием «независимой» дальневосточной прессы используя методы открытой и активной антирусской агитации. Годовой бюджет ее центрального пропагандистского аппарата в Токио, по русской оценке, составлял не менее 10 млн иен, или сумму, кратно превышавшую траты японского Генштаба на разложение своего противника изнутри путем тайного финансирования его революционных партий и военно-технической подготовки вооруженного восстания в России².

Благодаря всему этому в первые месяцы войны Япония доминировала на региональном и западном информационном пространстве, убеждая мировое сообщество, что не она, а Россия является подлинной виновницей и инициатором вооруженного конфликта на Дальнем Востоке. Успех Японии в позиционировании себя как миролюбивой, бескорыстной, цивилизационно близкой Западу державы получил в ее дальневосточной пропаганде парадоксальное преломление. Он позволил Токио отбросить первоначальные тревоги относительно возможного вступления в войну на стороне России других западных стран, движимых опасениями «желтой угрозы», и активизировать панзиатскую пропаганду среди своих ближайших соседей и соплеменников. «Япония стремится сгруппировать вокруг себя все народы Востока, дабы новой коалицией стран желтой расы оказать могущественный противовес всякому влиянию белолицых», — заключил Л. Ф. Давыдов, воочию наблюдая работу ее пропагандистской машины на Дальнем Востоке³.

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 418 (Морской Генеральный штаб). Оп. 1. Д. 4487. Л. 15, 17 (Справки Морского Генерального штаба о Японии, 1910–1917 гг.).

² Подробнее об этом см.: *Akashi Motojiro. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War*, Inaba Chiharu / Ed. Olavi Falt, Antti Kujala. Helsinki, 1988; *Павлов Д. Б. Японские деньги и первая русская революция*. М., 2011.

³ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 311. Л. 59 (Копия донесения Л. Ф. Давыдова генерал-адъютанту А. Н. Куропаткину. Пекин, 10/23 декабря 1904 г. № 1171).

В годы Русско-японской войны Япония пошла по пути идеологической ассимиляции, по терминологии Альфреда Рибера¹, азиатских народов — ближайшего объекта своего культурного воздействия. Ее панзиатская пропаганда, с одной стороны, стала ферментом для активизации антиевропейских настроений в Китае и Корее, с другой — выступила частью «лексикона власти» Токио в Азии, явившись идеологическим фундаментом для продолжения экспансии Японии на азиатском материке и ее попыток утвердить там «новый порядок» под своей эгидой четверть века спустя. Культура самой Японии 1890–1945 гг., считает Вера Маки, «была пропитана чертами колониальной и имперской державы, сама японская идентичность являлась идентичностью субъектов империи»².

Что касается яростной антирусской риторики Токио времен Русско-японской войны, то последующие события, особенно период «исключительной русско-японской дружбы» 1914–1917 гг., доказали ее во многом конъюнктурный характер. В годы Первой мировой войны виновником своего недавнего вооруженного конфликта с Россией японская печать выставляла уже Германию («Asahi»), а со своим северным соседом призывала установить «долговечные добрососедские отношения», указывая, что такой союз станет «союзом идеальным, союзом, которого требует сама природа» («Osaka Mainichi»), — правда, при условии признания Петроградом политического и экономического преобладания Японии в Китае. Всенародные торжества лета 1916 г. по случаю заключения военно-политического союза с Россией — банкеты с участием первых лиц государства, многодневные массовые манифестации, нескончаемый улично-газетный «банзай!» здоровью и процветанию русского императора, его семье, подданным и вооруженным силам, — казалось, вычистили из общественного сознания антироссийские стереотипы времен Русско-японской войны. Однако на деле они оставили столь глубокий отпечаток в исторической памяти японцев, что неприязненное отношение к России по сей день является устойчивым «коллектив-

¹ *Rieber Alfred J. Persistent Factors in Russian Foreign Policy: an interpretive essay // Imperial Russian Foreign Policy / Ed. Hugh Ragsdale. Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1993. P. 343.*

² *Mackie Vera Picturing Political Space in 1920s and 1930s Japan // Nation and Nationalism in Japan / Ed. Sandra Wilson. Routledge, 2002. P. 40.*

ным верованием» почти 80 % из них — груз негативных клише и сегодня продолжает отягощать отношения двух стран¹. «Традиционная враждебность и безразличие» японцев к России давно стали общим местом и в историографии.

Самодержавная бюрократия, не умея, а часто и не желая конструктивно взаимодействовать со своей прессой, в решении внешнеполитических проблем отводила мнению российского общества лишь «эпизодическую роль»². В то же время она придавала значение созданию благоприятного образа России на мировой арене, а начало войны с Японией еще больше актуализировало эту задачу. По мнению Майкла Хьюза, Теодора Тарановски и других западных исследователей, учет фактора общественного мнения явился одним из признаков упадка старой, «кабинетной» дипломатии и вступления внешней политики царизма в переходную эпоху, которая в основном завершилась к Первой мировой войне³. Соответственно этому Бюро печати в центральном аппарате МИД начало функционировать только в думский период, а решение о создании пресс-служб в составе русских зарубежных представительств «в целях более правильного и широкого осведомления зарубежного мнения о внутренних делах России» было принято уже Временным правительством — в августе 1917 г.⁴

Вступив в идейно-пропагандистское соперничество с Токио с большим опозданием, Петербург руками своих военных и гражданских пред-

¹ Подробнее об этом см.: *Verbitsky S., Hasegawa Ts., Rozman G.* Misperceptions Between Japan and Russia // *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. October, 2000. P. 5; *Разумовский И. А.* Особенности формирования образа России в Японии // *Восток—Запад: Историко-литературный альманах 2007—2008* / Под ред. В. С. Мясникова. М., 2008. С. 219.

² *MacLaren McDonald David.* United Government and Foreign Policy in Russia, 1900—1914. Cambridge, Mass., London, 1992. P. 5.

³ *Hughes M.* Diplomacy Before the Russian Revolution. Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894—1917. McMillan Press, 2000; *Taranovskii Th.* Institutions, Political Culture, and Foreign Policy in Late Imperial Russia. Kazan, Moscow, St.-Petersburg. Multiple Faces of the Russian Empire / Ed. Catherine Evtuhov et al. Moscow, 1997. P. 64—65.

⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 99. Т. 2. Л. 419 (Секретная телеграмма МИД послу в Вашингтоне Б. А. Бахметеву. Петроград, 3/16 августа 1917 г. № 4102).

ставителей на Дальнем Востоке попытался переломить русофобский настрой региональной печати и завоевать симпатии азиатских народов. При сходстве тактики задачи и организационно-финансовые ресурсы ее пропагандистской деятельности были намного скромнее японских. Отражая идеологические атаки противной стороны, российская пропаганда стремилась не более чем создать в странах региона то, что сегодня часто именуют «mainstream effect» или «climate of opinion» — сделать благожелательную в отношении России тенденцию туземных общественных настроений господствующей. Другая цель заключалась в том, чтобы подорвать образ Японии как цивилизованной, миролюбивой страны и показать подлинную (экспансионистскую) направленность ее дальневосточного курса.

Осуществить задуманное в полной мере не удалось, призывы доморожденных «востокофилов» решать имперские задачи на Дальнем Востоке «во всеоружии культурного влияния на Китай и китайцев»¹ остались фигурами речи. Региональные газеты, которые находились под русским контролем, смогли лишь поколебать монополию японского воздействия на дальневосточную аудиторию и снизить «градус» ее прежде «необузданной» японофилии. «Война и непрерывные победы японцев, — доносил в октябре 1905 г. в Брюссель бельгийский посланник в Пекине, — безусловно произвели огромное впечатление если не на массу, то на образованный класс китайцев. С белой расы снят ореол непобедимости, который обеспечивал ей если не симпатию, то уважение китайцев... В печати, в собраниях воспевается эта победа и из нее выводят заключение, что если 40 миллионов японцев продиктовали свою волю самой грозной европейской державе, то 400 миллионов китайцев, хорошо вооруженных и умело руководимых, могут справиться со всем миром»². Исследователи также отмечают отношение китайцев к Японии тех лет как к наставнику, у которого следует поучиться; паназиатская проповедь Токио находила отклик в широком спектре китайского общества, от придворных кругов до революционеров, с последующим «вели-

¹ *Ухтомский Эспер, кн.* Перед грозным будущим: К русско-японскому столкновению. СПб., 1904. С. 12.

² АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 226. Л. 373 об. — 374 (Перевод донесений бельгийского посольства в Пекине. Деша от 16 октября 1905 г.)

ким исходом» китайцев на учебу в Японию¹. Проекты Петербурга распространить свое идейное влияние на остальную Азию провалились – в годы Русско-японской войны симпатии крупнейших колониальных народов Востока также оставались на японской стороне².

Вместе с тем усилия России по обретению «своей» прессы в Китае и Корее оказались бесполезными. Региональная печать, находившаяся под ее негласным контролем, вместе с зарубежными военными корреспондентами выступила «рычагом» для воздействия на мировое общественное мнение в выгодном для России, антияпонском духе. В результате их скоординированных шагов с осени 1904 г. прежний «глянец» образа Японии, несмотря на ее продолжавшиеся военные успехи, стал тускнеть (что, однако, не добавило популярности в мире дальневосточной политике Петербурга). Новый всплеск антироссийских настроений на Западе в связи с октябрьским (1904) «гульским инцидентом» уже не имел японофильской подоплеки и тихо сошел на нет в ходе международного расследования действий русской эскадры в Северном море. К моменту подписания Портсмутского мирного договора мировая печать была настроена уже заметно настороженнее к Японии и благожелательнее к России, нежели в начале дальневосточной войны. Ход портсмутских переговоров, условия мира и, особенно, массовые протесты в самой Японии против его «унизительных» статей подорвали представление об альтруизме ее политики. Помимо этого в ходе беспорядков 5–6 сентября 1905 г. иностранцам угрожали физической расправой, а в одной японской столице было разгромлено с десяток культовых сооружений неправославных христиан. Неудивительно, что на Западе «токийский бунт» расценили уже как конфликт цивилизационного уровня с неизбежным последующим охлаждением прояпонских симпатий.

¹ Wang Y. C. *Chinese Intellectuals and the West, 1872–1949*. University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1966. P. 227–229; Whiting Allen S. *China Eyes Japan*. University of California Press, 1989. P. 31–32.

² Подробнее см.: Marks Steven. «Bravo, Brave Tiger of the East!» *The War and the Rise of Nationalism in British Egypt and India // The Russo-Japanese War in Global Perspective...* Vol. 1. P. 612–613.

Д. В. Пирогов

Проблемы финансирования русской армии накануне Первой мировой войны

По окончании Русско-японской войны перед Военным министерством вставала главная задача – как можно быстрее восстановить боеспособность армии. В первую очередь требовалось восполнить все истраченные запасы и затем исправить явные ошибки и недочеты, выявленные войной. Но на пути решения этих вопросов вставала главная проблема любых преобразований – деньги. Неудачная война, внутренняя смута, тяжелое экономическое положение страны – все это не могло способствовать скорейшему разрешению главных вопросов. Как отметил военный министр А. Ф. Редигер, «мы всегда были бедны деньгами, и поэтому на огромную армию отпускались совершенно недостаточные средства»¹. Это подтверждает и его преемник на посту военного министра В. А. Сухомлинов: «Государственный бюджет наш хронически страдал недоборами»².

Из-за отсутствия средств в казне нельзя было рассчитывать на скорейшее разрешение всех вопросов, касающихся нужд армии, но все-таки работа по восстановлению велась. Сухомлинов говорит, что после войны требовалось как можно скорее восполнить всю израсходованную материальную часть³, после чего приступить к реформам⁴. И в первую очередь военному министру пришлось столкнуться с министром финансов Владимиром Николаевичем Коковцовым, перед которым стояла задача восстановить финансовое положение России после войны и внутренней смуты. Противостояние двух министров – военного и финансов – и является главным вопросом всех реформ. Все зависело от того, выделит

¹ Редигер А. Ф. *История моей жизни: Воспоминания военного министра М.*, 1999. Т. 1. С. 499.

² Сухомлинов В. А. *Воспоминания*. Минск, 2005. С. 218.

³ Там же. С. 184, 200.

⁴ Там же. С. 234.

ли Министерство финансов средства, даст ли дополнительные ассигнования, позволит ли увеличить сметы по Военному министерству.

В 1905 г. военным министром стал Александр Федорович Редигер. Именно ему предстояло начать работы по восстановлению обороноспособности русской армии. Был предложен комплекс первоочередных мер, на которые требовалось до 200 миллионов рублей единовременно¹, на что министр финансов ответил, что сверх установленной нормы может выделить не более 5 миллионов, и только благодаря поддержке Совета министров проект А. Ф. Редигера был принят с незначительными изменениями².

Но в последующие годы добиваться дополнительных ассигнований было значительно труднее. Военному министру нужна была поддержка общественности или высокопоставленного лица, которые могли бы воздействовать на министра финансов. В первую очередь А. Ф. Редигер обратился к председателю Совета министров П. А. Столыпину, который вполне сочувственно относился к нуждам армии и готов был в Совете министров защищать сметы Военного министерства³. За поддержкой военный министр обратился и к председателю Совета государственной обороны — великому князю Николаю Николаевичу, так как «в Государственном совете отношение к армии и ее нуждам было самое сочувственное»⁴. Заручившись поддержкой, министру было легче добиваться дополнительных ассигнований, хотя далеко не всегда его требования удовлетворялись в полной мере «и препятствием к тому являлся Совет министров по инициативе министра финансов»⁵. В 1906 г. положение армии оставалось тяжелым, «армия должна была сама себя обслуживать и даже на вольных работах сама зарабатывать себе часть средств на свое пропитание и удовлетворение мелких нужд солдата»⁶. При этом и те деньги, которые выделялись на армию, приходили не в начале

¹ Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 478.

² Там же. С. 478.

³ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 230.

⁴ Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 189.

⁵ Там же. С. 189.

⁶ Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 499.

бюджетного года, а часто лишь к концу последнего, вследствие чего приходилось с этими средствами обращаться весьма осторожно и заранее рассчитывать, сколько и на что потратить¹. Если Военное министерство выходило за рамки заранее составленной сметы, то все переплаты сверх сметы Министерство финансов возмещало крайне медленно, оспаривая каждую цифру². Несмотря на поддержку П. А. Столыпина и великого князя Николая Николаевича, Военное министерство не могло получить в полной мере всех необходимых средств, так как государственный бюджет этими средствами не располагал. А. Ф. Редигер пишет: «...на одни инженерные работы в крепостях требовалось около 300 миллионов рублей, а ежегодно на это отпускалось всего около 6 миллионов. И больше нам выделить не могли»³.

Несколько изменилась ситуация в деле финансирования армии после открытия III Государственной думы. Как отмечает военный министр, в 1907 г. «Третья Дума проявила чрезвычайный интерес к вопросам государственной обороны и образовала у себя комиссию государственной обороны под председательством А. И. Гучкова»⁴.

Вопросы распределения бюджетных средств находились в ведении Думы, в том числе и военный бюджет. Поэтому если военный министр желал получать не только полагающиеся по смете средства, но и дополнительные ассигнования, ему необходимо было заручиться поддержкой Думы. Лидер думской комиссии А. И. Гучков предложил военному министру сотрудничество, взамен которого обещал помощь в финансировании армии. Как отмечает товарищ военного министра А. А. Поливанов, «члены Государственной Думы Гучков и Хвощинский просили военного министра принять делегацию от комиссии обороны, чтобы быть ориентированными в военных мероприятиях, на что военный министр дал согласие»⁵. Таким образом, А. Ф. Редигер решает добиваться средств путем сотрудничества с Думой и ее комиссией. Вскоре глава во-

¹ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 234.

² Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 12.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 188.

⁵ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. С. 34.

енного ведомства «отчитался комиссии о программе действий и о статье расхода в 2,1 млрд рублей»¹.

Посредником между Думой и военным министром стал товарищ министра Алексей Андреевич Поливанов, который «по просьбе А. И. Гучкова должен был общаться с представителями Думы по военным вопросам»². Но сотрудничество с Думой еще не означало решения всех финансовых проблем. Средств по-прежнему выделялось мало, и военному министру приходилось решать, на что их потратить в первую очередь, а что можно отложить. Не раз на запросы военного министра министр финансов отвечал: денег нет³.

В 1908 г. Военное министерство спрашивало на армию 293 миллиона рублей, но В. Н. Коковцов «препятствовал ассигнованию кредитов военному министерству»⁴. Несмотря на поддержку Думы, министр финансов отказывался давать средства сверх предельного бюджета для военных нужд; в личной просьбе к А. Ф. Редигеру В. Н. Коковцов просил, чтобы смета на 1909 г. не превышала сметы 1908 г.⁵ Но, несмотря на ограниченность средств и широту проблем армии, военному министру А. Ф. Редигеру все же удалось провести ряд серьезных и неотложных мероприятий по восстановлению армии.

В 1909 г., после скандала в Государственной думе, на пост военного министра был назначен Владимир Александрович Сухомлинов, которому, как и его предшественнику, пришлось искать поддержки у председателя Совета министров П. А. Столыпина и у Государственной думы. И если с П. А. Столыпиным отношения складывались хорошо⁶, то с комиссией по государственной обороне дело обстояло сложнее. На первых порах, как и при А. Ф. Редигере, отношениями с Думой занимался А. А. Поливанов, но новый министр не доверял своему заместителю, что ускорило конфликт с Думой. В. А. Сухомлинов пишет, что «в

¹ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний... С. 35.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 29, 37, 39, 51, 88; Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 73, 172, 210; Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 233, 236.

⁴ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 233.

⁵ Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

⁶ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 230.

начале 1909 года в Государственную Думу был внесен проект об отпуске денег на преобразование армии. Комиссия по государственной обороне полностью одобрила законопроект», и в целом «Государственная Дума отнеслась сочувственно к дальнейшему преобразованию армии»¹. Но уже в конце 1909 г. «разгорелся большой конфликт с Гучковым при поддержке генерала Поливанова»². Таким образом, новый военный министр теряет поддержку Гучкова в Думе и вынужден с большим трудом отстаивать интересы армии в Думе³. Однако личные трения между В. А. Сухомлиновым и А. И. Гучковым не могли быть препятствием на пути реформирования и реорганизации армии.

В 1910 г. у государства появилась возможность выделить дополнительные средства на армию и флот, в связи с чем В. А. Сухомлинову было предложено составить программу необходимых реформ в армии. Он вспоминал: «Деньги, необходимые для восстановления обороноспособности страны могли быть выделены только с рассрочкой на 10 лет, и для того, чтобы работы можно было распределить более или менее целесообразно, приходилось кредиты распределять так, чтобы ведомство, которое должно было скорее подготовиться к войне, получало бы средства первым и больше, а другое — меньше и позже. Для этого пришлось и в морском и в сухопутном министерствах составлять большую и малую программы»⁴. После того как программы были составлены, на квартире военного министра прошло совещание, после которого император «признал за благо прежде всего предоставить возможность именно морякам встать на ноги»⁵.

В 1911 г. после покушения погибает П. А. Столыпин, и его место занимает В. Н. Коковцов с сохранением портфеля министра финансов⁶. В. А. Сухомлинов вспоминал: «Для меня это был самый неблагоприятный выбор. Из-за нашей борьбы в Совете министров

¹ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 237.

² Там же. С. 246.

³ Поливанов А. А. Указ. соч. С. 75.

⁴ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 240.

⁵ Там же. С. 241.

⁶ Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 351.

по отпуску кредитов на нужды армии у меня с ним сложились самые неприязненные отношения»¹. После 1912 г., когда противоречия на Балканах усиливаются, все больше осознаётся необходимость своевременной подготовки армии к возможной европейской войне. И, как отмечает К. Ф. Шаццло, Военное министерство все же смогло добиться некоторого увеличения финансирования в 1912 г., но и оно было недостаточным².

Добиться серьезных изменений в финансировании армии Военному министерству удалось только в 1914 г. Была составлена большая программа – широкие меры по подготовке армии к войне. Редигер приписывает инициативу принятия большой программы не военному министру, а Государственному совету, членом которого он сам тогда являлся: «И только к марту 1914 года Военное министерство внесло в Думу и в Совет представления о серьезном усилении армии. Из Думы дело поступило в Совет только в июне, так что Совету нам пришлось докладывать только 23 июня, за месяц до начала войны»³. Окончательно утверждена программа была 24 июня 1914 г. Редигер отмечал: «В общем, план усиления армии был хорош»⁴. Однако его принятие слишком затянулось, и первые результаты могли бы начать проявляться только к 1916 г.⁵

Итак, основной проблемой восстановления боеспособности армии была проблема финансирования. Помимо тяжелого финансового положения государства положение усугублялось личными отношениями между министром финансов и военным министром. Как и полагается, министр финансов стремился как можно скорее восстановить экономику Российской империи, урезая все возможные расходы, в том числе и на армию. При этом военный министр старался опираться на Совет государственной обороны и Государственную думу, с которой имел тесный контакт в лице председателя думской комиссии по

¹ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 323.

² Шаццло К. Ф. Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 230.

³ Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 359.

⁴ Там же. С. 360.

⁵ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 240.

государственной обороне А. И. Гучковым. И пока эти отношения были спокойные, армия получала кредиты сверх предельного бюджета. Но в 1909 г. новый военный министр В. А. Сухомлинов не смог наладить контакт с думской комиссией, чем сильно усложнил процесс получения дополнительных средств. В 1911 г., после гибели П. А. Столыпина, председателем Совета министров стал В. Н. Коковцов с сохранением должности министра финансов, что еще больше ухудшило положение военного министра. В 1912 г., после разгоревшегося на Балканах конфликта, и Дума и Совет министров принимают решения об увеличении кредитов на армию. Но только в 1914 г., незадолго до начала войны, высочайше была утверждена большая программа, результаты которой не успели проявиться до начала войны. Верховный главнокомандующий русской армией – император Николай II – не мог оказать действенной помощи в выделении средств на армию, несмотря на сочувственное отношение к ее нуждам.

Согласно основным законам Российской империи, вопрос распределения бюджетных средств целиком находился в ведении Думы, с которой и приходилось в первую очередь налаживать контакт военному министру. Таким образом, сразу три органа влияли на решение финансовых проблем:

- 1) военный министр, который разрабатывал план реформ, а следовательно, рассчитывал необходимые для реформ средства;
- 2) министр финансов, в задачи которого входило восстановить экономику страны после Русско-японской войны;
- 3) Государственная дума, которая пыталась контролировать ход реформ в Военном министерстве, оказывая давление на военного министра при обсуждении военного бюджета.

Разносторонность взглядов и задач каждого из органов не позволила в полной мере подготовиться к войне и своевременно выделить необходимые средства на подготовку армии.

Е. В. Оксенюк

Организационная структура Российского Общества Красного Креста (РОКК) в начале XX в.

Признание ценности человеческой жизни, то есть права каждого человека на жизнь, наряду с приоритетом христианских ценностей в XIX в. положили начало активной общественной благотворительной деятельности в Европе и России. Одной из таких благотворительных организаций стало международное Общество Красного Креста, имевшее к началу XX в. свои отделения во многих странах Европы и Азии. Российская империя вступила в эту организацию в 1867 г., когда была подписана Женевская конвенция, а существовавшие в России женские общества милосердия приняли устав Красного Креста.

Будет справедливым заметить, что пальма первенства в создании женских общин милосердия принадлежала русским женщинам. Как известно, идея организации помощи больным и раненым воинам начала реализовываться еще до образования Красного Креста. Во время Крымской войны (1853–1856) возникла Крестовоздвиженская община, сестры которой осуществляли первую медицинскую помощь на поле боя. Так, несколько стихийно, под впечатлением от тяжелого состояния воинов, пострадавших на войне, в России возникают общины сестер милосердия, которые позже присоединяются к международной Женевской конвенции и становятся частью большой международной организации, призванной помогать больным и раненым солдатам, независимо от принадлежности их к армии противника или союзника.

К началу XX в. Российское Общество Красного Креста стало одним из самых масштабных отделений международного Общества. Российский Красный Крест развивается, открывая общины и комитеты по всей империи. Активное расширение сферы деятельности РОКК и увеличение числа членов общества скоро потребовали от управления четкой структуризации в организации работы, поскольку в это время не только увеличивалась численность медицинского персонала, которому требовалась постоянная практика, но и функции самого общества постепенно расширялись, не ограничиваясь лишь подготовкой штата медицинских

сестер в мирное время. Красный Крест существовал за счет частных пожертвований, что обязывало его обеспечить полную прозрачность своей деятельности на любом этапе. Чтобы этот принцип мог воплотиться в жизнь, РОКК постепенно превращается из стихийно образовывавшихся общин в разветвленную структуру с уставом, жестко регламентирующим все стороны жизни как общества в целом, так и каждого местного учреждения в частности.

Согласно уставу РОКК, руководящую функцию в его жизни выполняло главное управление, находившееся в Санкт-Петербурге, — «высший и центральный орган управления всего общества»¹. Главное управление «представляет собою коллегиальное учреждение, состоящее из 25 членов, избираемых на общем собрании Общества. Во главе главного управления состоит председатель, избираемый членами сего управления и утверждаемый августейшей покровительницей Общества»². И если председатель общества назначается вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая и является покровительницей Красного Креста в России, так же как и освобождается от своих обязанностей только после резолюции императрицы, то остальной состав главного управления постоянно обновляется. Устав общества предписывает ежегодно заменять шесть членов из двадцати пяти, причем выбывают «старожилы» управления — люди, дольше других проработавшие в управлении³. Однако с обоюдного согласия общего собрания и членов управления эти люди могут быть избираемы вновь на свои должности. Понятно, что такой порядок призван организовать работу общества наиболее плодотворно. С одной стороны, во главе общества стоит человек, облеченный доверием покровительницы общества. Председатель является связующим звеном между императрицей и остальным обществом, может докладывать ей о нуждах и перспективах общества, поскольку только председатель обладает правом доклада императрице. Ежегодное обновление состава главного управления помогает войти в управление людям активным, способным принести большую пользу обществу, открывает для общества новые перспективы развития, исключая возможность возникновения некоего

¹ Устав Российского Общества Красного Креста. Ставрополь, 1893. С. 15.

² РОКК. Организация и краткий очерк деятельности. СПб., 1911. С. 4.

³ Устав Российского Общества Красного Креста. Ставрополь, 1893. С. 11.

зазора между управляющим аппаратом и остальными, рядовыми членами Красного Креста.

По уставу главное управление должно собираться для обсуждения текущих дел не реже одного раза в месяц. Причем решения на этих заседаниях принимаются по принципу большинства голосов присутствующих членов. Однако, чтобы решение было принято и получило законную силу, на подобных собраниях должно присутствовать не менее пяти человек из двадцати пяти членов управления.

В главное управление присылаются для согласования уставы новых общин сестер милосердия, больниц, приютов для престарелых и больных сестер и других организаций Красного Креста, где они проверяются на наличие противоречий с основными положениями и принципами общества¹. Под полным контролем главного управления находятся финансовые средства Красного Креста — как суммы, находящиеся на банковских счетах и поступающие непосредственно в управление, так и другие денежные средства, получаемые непосредственно на местах общинами сестер милосердия и комитетами от местных жертвователей.

Главное управление особое внимание уделяло финансовой отчетности и отчетам о деятельности РОКК на местах. Управление требовало предоставления информации о численности общин, их составе, без согласования с управлением община не могла приобрести какую-либо недвижимость за счет средств общества, то есть руководство деятельностью общества было централизовано, и здесь сосредоточивались все «сведения о капиталах, имуществе, личном санитарном составе, прочих средствах отделов общества»². Для ведения делопроизводства общества при главном управлении состоял штат чиновников, а именно: управляющий канцелярией, его помощник, бухгалтер, казначей и контролер³. Так, должен был быть организован руководящий орган РОКК согласно уставу для обеспечения высокой продуктивности и минимуме финансовых затрат.

Следующий уровень в вертикали структуры Российского Общества Красного Креста занимали окружные и местные управления, где сосре-

¹ Устав Российского Общества Красного Креста. Вильна, 1897. С. 17.

² Устав Российского Общества Красного Креста. Ставрополь, 1893. С. 15.

³ Там же. С. 13.

доточивалось руководство местными учреждениями общества. Основать такое управление могли действительные члены Красного Креста, но обязательным условием для открытия управления являлась численность добровольцев — не меньше восьми человек. На общем собрании управления избирались председатель (председательница), товарищ председателя и казначей, заведующий распределением и хранением финансовых средств управления¹. По модели главного управления из окружного или местного управления ежегодно переизбирается четверть участников.

Местные органы Красного Креста обладали определенной свободой в выборе рода благотворительной деятельности при следовании основным принципам работы общества, оговоренным в уставе. Однако в начале XX в. главное управление проводило политику централизации всей деятельности общества, поэтому в это время местные управления хотя и «сохраняют права и обязанности... но для единства действия приводят свои предположения по соглашению с подлежащими окружными управлениями»², в то время как окружные управления «приводят в исполнение свои предположения не иначе как по предварительном соглашении с главным управлением и исполняют постановления и распоряжения сего последнего или непосредственно, или чрез местные комитеты»³ также «для сохранения единства действий общества». Помимо этого, каждое управление собирало ежегодные отчеты с местных управлений и комитетов «для приобщения к их собственным отчетам»⁴ и предоставления в главное управление для проверки.

Таким образом, местное управление осуществляло руководство учреждениями Красного Креста своего района. Одним из таких местных учреждений являлся комитет Красного Креста, который формально мог быть образован в любой самой глухой деревеньке, если бы нашлось пятеро добровольцев, принявших нормальный устав Красного Креста и сообщивших о своем существовании в главное управление. Обычно комитет ограничивался сбором финансовых и материальных средств в

¹ Устав Российского Общества Красного Креста. Ставрополь, 1893. С. 14.

² Там же. С. 22.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 30.

пользу Красного Креста для нужд войны или каких-нибудь других общественных бедствий.

При комитете или самостоятельно могла быть основана община сестер милосердия. Для руководства общиной и подведомственных ей лечебных и иных учреждений устав предписывает сформировать комитет общины¹, который состоит из членов-благотворителей и действительных членов. Членами-благотворителями становятся лица, пожертвовавшие общине или подведомственным ей учреждениям значительные суммы, не менее 2000 рублей единовременно или ежегодно жертвующие 300 рублей, а звание действительных членов получают лица, которые одновременно жертвуют обществу не менее 200 рублей².

Как и на других ступенях структуры Красного Креста, комитет общины возглавляет выборный попечительный совет, во главе которого находится попечительница общины, она же и председательница комитета. Обязательными членами совета с правом голоса становятся главный врач, священник, сестра-настоятельница общины, а также уполномоченный от окружного или местного управления³. Помимо этого, на общем собрании членов комитета избираются товарищ председательницы, делопроизводитель и, если требуется, казначей⁴. Как попечительница, так и казначей, делопроизводитель и товарищ попечительницы избираются сроком на три года. По истечении этого срока общее собрание вправе снова переизбрать на эти должности тех же людей, если они заслужили доверие комитета, или заменить их другими членами общины⁵. В сферу ответственности попечительного совета входит непосредственное управление общиной, решение ежедневных вопросов, касающихся хозяйственных дел общины, например, установление платы для больных, приходящих в лечебные учреждения общины, заключение договоров по подрядам и поставкам в общину, а

¹ Нормальный устав общин сестер милосердия Российского Общества Красного Креста. Иркутск, 1904. С. 4.

² РОКК. Организация и краткий очерк деятельности. С. 3.

³ Нормальный устав общин сестер милосердия... С. 7.

⁴ Устав Российского Общества Красного Креста. Ставрополь, 1893. С. 17.

⁵ Нормальный устав общин сестер милосердия... С. 9.

также ежемесячная проверка кассы комитета¹. Более серьезные вопросы, такие, как утверждение отчета общины для окружного или местного управления, создание ревизионной комиссии для проверки денежной отчетности, имущества и осмотра всех учреждений, принадлежащих общине, установление сметы на следующий год, покупка-продажа недвижимости, установление размера членского взноса или внесение изменений в устав общины, — эти вопросы решаются только общим собранием членов комитета общины².

Внутренняя жизнь общины сестер милосердия полностью находится под контролем сестры-настоятельницы, которая принимает в общину сестер исключительно христианского вероисповедания, в возрасте от 18 до 40 лет. Сестра сдает настоятельнице свои документы, у которой они хранятся вплоть до выхода сестры из общины, и получает вид на жительство³. Несмотря на то что РОКК является светской общественной благотворительной организацией, внутренний распорядок общины сестер милосердия похож на монастырский общежительный устав. Все сестры живут вместе в общежитиях при лечебных учреждениях общества в полном послушании старшей сестре-настоятельнице⁴.

Целью любой общины в мирное время является подготовка медицинского персонала для осуществления помощи больным и раненым воинам во время войны и в мирное время и для оказания помощи пострадавшим во время общественных и стихийных бедствий. Обучение и практику сестры получают или в лечебных заведениях Красного Креста, подведомственных общине, или, за его неимением по недостатку средств, в городских и сельских больницах⁵.

К началу XX в. лечебные учреждения Красного Креста стали отдельным направлением деятельности общества. Когда появилась возможность формировать и содержать при общинах лечебные заведения, РОКК активно занялся организацией больниц не только для обучения

¹ Нормальный устав общин сестер милосердия... С. 8.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 12.

⁴ РОКК. Организация и краткий очерк деятельности. С. 6.

⁵ Нормальный устав общин сестер милосердия... С. 1.

сестер и подготовки их к работе с ранеными и больными воинами на войне, но и для оказания амбулаторной и стационарной помощи бесплатно или за минимальную плату для малообеспеченных людей.

Деятельность лечебных заведений Красного Креста регулировалась с помощью циркуляров главного управления и позже утвержденными императрицей Марией Федоровной «Основных положений устройства и деятельности лечебных заведений Российского Общества Красного Креста, открываемых учреждениями этого общества». Положения позволяют общине сестер милосердия открыть больницу только в том случае, если она располагает специально отведенными на это средствами, чтобы содержание больницы не велось за счет запаса, отложенного на случай войны. Средства должны быть рассчитаны таким образом, чтобы хватило не только на обустройство лечебного учреждения, но и на ведение дела¹. Главной целью открытия больниц при общине по-прежнему остается подготовка сестер в военное время для ухода за больными и ранеными воинами, поэтому лечебные заведения Красного Креста не могут быть профилирующими, так как сестра милосердия должна обладать всеми доступными навыками ухода за различными больными².

Лечебным заведением управляет выборный врачебно-хозяйственный комитет, который занимается хозяйственно-административными делами больницы. А специализированное управление, касающееся лечебного процесса, требующее определенной квалификации, лежит на главном враче. Во врачебно-хозяйственный комитет помимо председателя местного комитета общины входит главный врач, старшая сестра и член комитета, отвечающий за хозяйственную часть. Ведению врачебно-хозяйственного комитета подлежат правила приема больных – условия платного и бесплатного лечения, правила внутреннего распорядка и определение обязанностей санитарного персонала больницы³. Если позволяют средства, положения устройства лечебных заведений Красного Креста дают право «устраивать аптеки, склады и запасы врачебных и

¹ Нормальный устав общин сестер милосердия... С. 99.

² Там же.

³ Там же. С. 100–101.

санитарных предметов»¹ – в таком случае управляющий аптекой входит во врачебно-хозяйственный комитет.

Так выглядит вертикаль структуры РОКК. Ей свойственно строгое внутреннее соподчинение, как в любом бюрократическом аппарате. При этом сохраняется некий элемент добровольности, на которой и основана общественная благотворительная деятельность. Это выражается в выборе руководства членами общества на каждом уровне вертикали структуры. Руководством РОКК большое значение придается общим собраниям, на которых присутствуют не только члены главного управления, но и делегаты от окружных, местных управлений, комитетов и общин Красного Креста. Именно общим собраниям «принадлежит руководящая и контролирующая роль», в то время как «зависимость от главного управления сводится лишь к общему направлению деятельности местных органов, по наблюдению за выполнением основных требований устава общества, за правильным расходом сумм, за точной и своевременной отчетностью»².

Общее собрание занимается утверждением смет, новых видов деятельности общества, решает вопрос о расширении кредитов³. Помимо этого, именно на общем собрании представители окружных и местных управлений или комитетов имеют возможность вынести на обсуждение свои предложения. Собрания бывают годовыми (проводятся в конце каждого года), дополнительными (созываются в начале года, если появляются замечания к ежегодным отчетам, присылаемым с мест), и чрезвычайными, созываемыми в особых обстоятельствах – с началом войны или другой крупномасштабной катастрофы, требующей активной поддержки от Красного Креста и серьезного напряжения сил общества⁴.

Общее собрание считается состоявшимся, а его решения легитимными, если на нем присутствовало не менее тридцати человек, не менее пяти из которых являются членами главного управления, однако и в этом случае решение считается принятым, только если оно было поддержано

¹ Нормальный устав общин сестер милосердия... С. 100–101.

² Отчет РОКК за 1905 г. Ч. I. Отд. А. Общий обзор деятельности общества. СПб., 1906. С. 10.

³ Там же.

⁴ Устав Российского Общества Красного Креста. Ставрополь, 1893. С. 33.

не менее чем двумя третями голосов присутствовавших на общем собрании¹.

Однако практика показала, что реальная власть в управлении РОКК все-таки принадлежит главному управлению. Несмотря на его подчиненное положение по отношению к общему собранию, чрезвычайные ситуации случались не так часто, и обычно «руководящая роль» общего собрания сводилась лишь к ежегодной проверке финансовых и других отчетов.

Помимо этого, были и другие нюансы, которые отдаляли идеально четкую и прозрачную структуру РОКК от буквы устава. В начале XX в. РОКК стало крупнейшей благотворительной организацией, к нему стекались огромные финансовые средства, что позволяло обществу весьма расширить границы своей деятельности. Это привело к тому, что четкая, немногослойная структура вертикали Красного Креста перестала справляться, по крайней мере в столице, со своей задачей, поскольку изначально не была рассчитана на подобные масштабы.

Речь идет о различных видах деятельности если и предусмотренных изначально уставом, то не регламентированных им досконально. Под непосредственным контролем главного управления стали появляться различные подотделы и комиссии, отвечавшие за новые отрасли работы РОКК. Одним из основных нововведений в деятельности Красного Креста, логично вытекающим из основных принципов работы общества, стало основание лечебной комиссии. Согласно «Правилам об отправке на лечебные станции и оказании пособий больным и раненым, имеющим право на покровительство РОКК», утвержденным в декабре 1908 г., «на лечебную комиссию при главном управлении Российского Общества Красного Креста возлагается рассмотрение ходатайств о предоставлении лечения на средства Красного Креста»² на лечебных водах и в санаториях.

В обязанности строительно-технической комиссии входило рассмотрение проектов и смет на все приобретаемые и строящиеся здания, а

¹ Устав Российского Общества Красного Креста. Ставрополь, 1893. С. 34, 36.

² Сборник главнейших, касающихся деятельности Российского Общества Красного Креста законоположения и главнейших действующих циркуляров главного управления названного общества. СПб., 1912. С. 206.

также на перестройку уже имеющихся в собственности Красного Креста построек. Потребность в создании подобной комиссии особенно возросла в начале XX в., поскольку к этому времени русский Красный Крест обладал уже большим количеством недвижимости и постоянно увеличивал собственность в разных населенных пунктах империи.

Несколько отдельных комиссий отвечали за различные направления в финансовой сфере общества. В начале XX в. РОКК — уже огромная, разветвленная структура с солидными счетами в банке и постоянными денежными поступлениями от жертвователей. Для главного управления было чрезвычайно важным показать, что средства, приходившие от жертвователей, не тратились впустую, а до последнего рубля шли на дело помощи больным и раненым воинам. Исходя из этого соображения, было создано несколько разных комиссий для контроля за распределением финансовых средств общества. Бюджетная комиссия формировала бюджет общества на будущий год, а отдельно от нее работала комиссия по рассмотрению смет местных учреждений, которые получали пособие на содержание от главного управления.

Разные комиссии отвечали за распределение пособий врачебно-санитарному персоналу, работавшему на Дальнем Востоке, семьям погибших там сестер милосердия, врачей и увечным воинским чинам и сестрам милосердия, которым полагалось пособие по состоянию здоровья и выслуге лет.

Особое место отводилось ревизионной комиссии, которая регулярно устраивала проверки в общинах и лечебных учреждениях Красного Креста, а также занималась рассмотрением и обработкой отчетов, предоставляемых местными учреждениями.

Следует также упомянуть о наградной комиссии, составлявшей списки членов РОКК и других лиц, особо отличившихся на поприще благотворительной деятельности или же оказавших особую поддержку обществу¹.

Основным новшеством в расширении деятельности главного управления стал совет складов. После горького опыта Русско-японской войны Красным Крестом были сделаны определенные выводы о степени подготовки и скорости мобилизации общества в случае начала военных

¹ РОКК. Организация и краткий очерк деятельности. С. 13.

действий. Тогда было принято решение создать сеть складов с главным в Петербурге, чтобы в случае войны хотя бы в первое время не испытывать стеснения в снаряжении медицинских отрядов и снабжении всем необходимым полевых госпиталей.

Совет складов был создан в 1906 г., в его состав вошли лица, участвовавшие в организации снабжения и вообще деятельности Красного Креста на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны¹. На главном складе в Петербурге, для которого было специально приобретено большое здание, хранилось снаряжение для 10 госпиталей на 200 кроватей, шесть подвижных лазаретов на 50 кроватей, оборудование для четырех военно-санитарных поездов на 500 человек: каждый с кухнями и перевязочными, и для 10 питательных пунктов, пять из которых были рассчитаны на 1000 человек в день, а пять — на 500 человек каждый.

Таким образом, структура Красного Креста выглядит как вертикаль соподчиненных учреждений с сильной централизованной властью в столице, где главное управление строго контролирует деятельность местных учреждений. Простая модель организации, представленная в уставе, в начале XX в. перестала соответствовать требованиям времени, а Общество постепенно обросло различными комиссиями и отделами, что сделало его систему достаточно сложной и бюрократичной.

Т. Н. Лантева

Упразднение военных поселений

16 декабря 1857 г. Департамент военных поселений был упразднен и создана Временная комиссия для ревизии книг и счетов, окончания дел и разбора архива бывшего Департамента военных поселений. Таким образом, эксперимент по созданию самоокупающейся и самовоспроизводящейся армии, предпринятый Александром I, просуществовал более сорока лет и был прекращен императором Александром II.

¹ РОКК. Организация и краткий очерк деятельности. С. 7.

Современники называли причиной упразднения плохую организацию жизни в поселениях. По словам ротного командира одного из поселенных полков капитана Заикина¹, богатые стали бедными, имевшие средний достаток совсем обеднели, пастбища находились слишком далеко, весь быт был устроен скверно. Все это плохо стимулировало поселян к увеличению производительности труда. Главным достоинством должностных лиц считалось не высокое образование и профессиональные способности, а умение четко исполнять приказания руководства². Подполковник Панаев писал, что офицеры трудились прилежно, тратили материалы, изнуряли людей, но не знали цели, к достижению которой прилагают усилия. При таких условиях процветание было труднодостижимо. Кроме того, настоящей дисциплины в округах не было, войска были деморализованы³.

Дореволюционные авторы чаще обращали внимание на тот ущерб, который наносили военные поселения казне: большие материальные затраты, потребность в постоянных денежных вливаниях при условии, что хозяйство поселений не возмещало затраченных сумм. Другой фактор, упоминаемый исследователями, — опасность поселений в отношении внутривластного спокойствия. Население округов, составляющее как бы особую изолированную касту, угрожало массовыми возмущениями, которые неоднократно имели место. Своей прямой задачи поселения не выполняли и, отделяя военных людей от гражданских, только препятствовали увеличению численности армии⁴. Был сделан вывод, что военные поселения экономически невыгодны как для государства, так и для крестьян, среди которых селились войска. Последним они принесли особенные неудобства, подвергнув изменениям весь их жизненный

¹ *Заикин*. Рассказ командира второй роты императора австрийского Франца I поселенного полка капитана Заикина // Бунт военных поселенцев в 1831 г.: Рассказы и воспоминания очевидцев. М., 1870. С. 4–5.

² *Панаев*. Рассказ инженер-подполковника Панаева, производителя работ в округе поселенного Гренадерского императора Австрийского полка // Бунт военных поселенцев в 1831 г.: Рассказы и воспоминания очевидцев. М., 1870. С. 67.

³ Там же. С. 66–68.

⁴ *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 367.

уклад¹. В это время высказывалась точка зрения, перекладывающая вину за неудачу опыта военных поселений исключительно на личные качества графа А. А. Аракчеева: «Несомненно, что успешность или неуспешность осуществления этой идеи всецело зависели от того лица, которое поставлено во главе дела; здесь требовался человек с государственным умом, чрезвычайно широким кругозором... и т. д. Кого же ставит во главе этого дела Император? Графа Аракчеева! Трудно было подыскать более неудачного руководителя, и притом еще совершенно ограниченного и бесконтрольного»².

В советские годы вопросу отмены военных поселений не уделялось значительного внимания. Дело выглядело так, как будто военные поселения отмирали постепенно, а главным событием в их постепенном упразднении явилось восстание 1831 г. Такой взгляд не объяснял количественного роста территории военных поселений и численности населения в них в царствование Николая I. В настоящее время большинством исследователей признаются причины упразднения военных поселений, названные в конце XIX и в начале XX в. Это обеднение крестьянских хозяйств в округах поселений, вскрытое ревизией, предпринятой Александром II³, экономическая неэффективность⁴, резкая ломка устоев⁵. А. А. Керсновский объясняет прекращение существования военных поселений их изначальной нежизнеспособностью: крестьянин переставал быть крестьянином, а солдатом так и не становился⁶. Можно видеть в неудаче эксперимента с военными поселениями и проявление сложно-

¹ Лыкошин А. Военные поселения // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911; *Кайгородов В.* Аракчеевщина. М., 1912. С. 63.

² *Никольский В. П.* Внутренний быт и состояние русской армии к концу царствования Александра I // История русской армии и флота. Т. 5. М., 1911. С. 135.

³ *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 2. М., 1993; *Ячменихин К. М.* Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 45.

⁴ *Коваленко А. Ю.* Эпоха Александра I в контексте государственной деятельности А. А. Аракчеева. Комсомольск-на-Амуре, 1999. С. 63.

⁵ *Сахаров А. Н.* Александр I и Аракчеев // Отечественная история. 1998. № 4. С. 35.

⁶ *Керсновский А. А.* Указ. соч. С. 23–30.

сти закрепления западных форм (в виде регулярной армии) на русской почве, где крестьянство являлось носителем традиционной культуры¹.

Обзор исследовательской литературы показывает широту и разнообразие оценок военных поселений и узость хронологических рамок исследований. Только с 80-х гг. XX в. началось изучение материалов за период с 1831 по 1857 г., доля работ с использованием этих документов в общей массе исторических исследований эксперимента с поселениями чрезвычайно мала. Проблема упразднения Департамента военных поселений и образования его архива в исследовательской литературе до сих пор не затрагивалась.

Положение об учреждении Временной комиссии для ревизии книг и счетов, окончания дел и разбора архива бывшего Департамента военных поселений наделяло ее следующими функциями: окончание книг и счетов, поступивших на ревизию в Департамент военных поселений до 1 января 1858 г., окончание дел, возникших при ревизии прошлых лет таких же книг и счетов, окончание дел, которые не были решены к 1 января 1858 г. по различным частям Департамента военных поселений (кроме иррегулярных войск и тех, которые поступили в ведение Распорядительного комитета по управлению южными поселениями), разбор дел архива Департамента военных поселений, составление генеральных отчетов по книгам и счетам для Государственного контроля.

Во главе Временной комиссии стоял заведующий, подчиняющийся военному министру и обладающий правами и обязанностями директора хозяйственных департаментов Военного министерства. Штат комиссии составляли 29 человек. Из них выделялось общее присутствие, в обязанности которого входило решение всех вопросов по военно-учебному отделению и счетной части². Для ведения делопроизводства был назначен специальный делопроизводитель³.

¹ *Матвеев О. В.* Военные поселения. Идеи. Проекты. Реализация. Великий Новгород, 1999. С. 26.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. Оп. 12.

³ К части делопроизводителя относятся почти все материалы, сохранившиеся от Временной комиссии.

Незаконченные дела счетного отделения, а также счета и книги, не прошедшие ревизию, передавались в счетную часть Временной комиссии. Бухгалтерия Временной комиссии рассматривала годовые отчеты за предшествующие годы, ведомости, балансы и балансовые отчеты, месячные ведомости о суммах, отпускаемых на деятельность самой Временной комиссии. Контроль вел дела по ревизии отчетов, шнуровых книг и тетрадей, составленных за предшествующие годы, журналы расходов¹. Документы Военно-учебного отделения после передачи в комиссию попали в ведение Управления для заведования военными школами².

Из документов архива Департамента военных поселений Временная комиссия отобрала дела временного и постоянного хранения; дела, не подлежащие хранению, были уничтожены. Из сохраненных дел комиссия отобрала подлежащие передаче в другие архивы Военного министерства³.

Срок действия Временной комиссии для ревизии книг и счетов, окончания дел и разбора архива бывшего Департамента военных поселений был ограничен 1 марта 1859 г., но в действительности комиссия смогла завершить работу лишь к 1 сентября 1859 г. Архив департамента, вошедший во Временную комиссию как составная часть, продолжал работать под названием Временного архива дел упраздненного Департамента военных поселений. Дела части делопроизводителя за 1858–1859 гг. отражают непосредственно деятельность комиссии. Вместе с ними хранятся дела, которые не были закончены делопроизводством и не были переданы в другие ведомства и документы о создании, деятельности Временной комиссии и ее упразднении, а также подобного рода сведения о временном дежурстве для окончания дел округов пахотных солдат. Документальные материалы части делопроизводителя содержат сведения об учреждении архива в городе Старая Руса для хранения дел округов пахотных солдат северных губерний под названием Временного архива всех управлений бывших округов пахотных солдат.

¹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 8. Д. 5496–5894.

² Там же. Оп. 5.

³ Там же. Оп. 12. Историческая справка к фонду.

Из материалов Временной комиссии можно сделать выводы о работах, производимых по разбору дел архива Департамента военных поселений, выдаче дел из архива по различным запросам и возвращении их обратно. Дела были разделены на несколько разрядов по степени важности, и те из них, которые предполагались к уничтожению, были проданы с торгов. Особую важность представляют эти документы в связи с тем, что они поясняют процесс упразднения Департамента военных поселений и самой системы поселений. Это бумаги об упразднении Лесного управления округов пахотных солдат и о передаче части дел этих округов в Инженерное ведомство, о передаче города Старая Руса в гражданское ведомство и упразднении Комитета по устройству города Старая Руса, об образовании Управления училищ военного ведомства и передаче ему не законченных делопроизводством дел Военно-учебного отделения Департамента военных поселений.

Документы содержат итоговые отчеты, имеющие большое значение для оценки финансовой стороны деятельности военных поселений, выяснения их экономической рентабельности. Среди них: отчеты и сведения о состоянии округа военного поселения Охтенского порохового завода, дела о сдаче в аренду завода, его отдельных частей, мельниц и т. д.

Небольшой группой в массе документов Временной комиссии являются составленные ею описи и ведомости дел временного дежурства бывших округов пахотных солдат, а также материалы по личному составу комиссии и других управлений бывшего ведомства военных поселений.

Архив ведомства военных поселений просуществовал дольше всех других его структур. В разные годы он назывался: Архив штаба военных поселений (1821–1826), Архив Главного штаба его императорского величества по военным поселениям (1827–1832), Архив Временного департамента военных поселений (1833–1835), Архив Департамента военных поселений (1835–1857), Архив временной комиссии для ревизии книг и счетов, окончания дел и разбора архива бывшего Департамента военных поселений (1858–1859), Временный архив дел упраздненного Департамента военных поселений (1859–1862).

Архив военных поселений появился в 1821 г. с образованием Штаба военных поселений. Порядок сдачи дел в архив был определен приказом по Главному штабу его императорского величества по военному поселе-

нию № 25 от 14 февраля 1829 г. Ликвидирован архив был 6 августа 1862 г. Дела по строительной части он передал в Инженерный департамент, все остальные — в Общий архив Инспекторского департамента¹.

Документы Архива военных поселений, хранящиеся в РГВИА, отличаются полнотой и хорошей сохранностью. В них представлены история, устройство, условия работы архива, нормы, установленные для обеспечения сохранности и использования документов, научно-справочный аппарат учреждения.

Материалы архива Департамента военных поселений содержат производственную переписку, приказы и рапорты со сведениями о порядке хранения, сдачи дел в архив и выдачи их из архива, о правилах сдачи дел отделениями и канцелярией, их разборе, определении их разряда в зависимости от значимости и о выделении к уничтожению. Документы Архива содержат материалы о выделении в его рамках Комитета для рассмотрения решенных дел, подлежащих уничтожению, и работе этого комитета. По требованию отделений Департамента военных поселений Архив предоставлял дела и справки на определенный срок. Были разработаны нормативные акты о порядке выдачи и приема дел обратно, приняты меры против несвоевременного возвращения дел в архив.

Целая группа документов касается устройства архивохранилища: оборудования помещения под архив, изготовления шкафов, полок и коробов для хранения дел, об устройстве дополнительных шкафов для приема новых дел в связи с недостатком помещений². Широко представлены документы периода функционирования Временного архива дел упраздненного Департамента военных поселений. Это отчеты о деятельности самого Временного архива и Временного архива всех отделений бывших округов пахотных солдат за 1859—1861 гг. и справки к отчетам по архиву за более раннее время (1850—1856). Среди документов Временного архива находятся ежемесячные ведомости прихода, расхода и остатка денежных средств Временного архива, материалы ревизий дел прошлых лет, законченные дела прошлых лет, информация о деятельности самого архива³.

¹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 14.

² Там же.

³ Там же. Оп. 8. Д. 5895—6063.

Полностью отражена в документах работа Временного архива. Рабочая переписка показывает ассигнования денежных средств на его устройство, распределение этих средств, укомплектование архива личным составом, выдачу жалованья, пособий, займов служащим. Имеются формулярные списки чиновников этого учреждения¹. По этим материалам можно видеть не только постановку архивного дела в конкретном архивном учреждении, но и в России в середине XIX в. в целом. Тут же находятся дела о закрытии Временной комиссии и начале самостоятельного существования Временного архива, о его ликвидации в 1962 г. и передаче дел в общий архив Инспекторского департамента².

Все документы архива можно разделить на три части: дела, хранящиеся в Архиве за 1810—1864 гг.³, алфавиты дел архива за 1827—1844 гг.⁴, делопроизводственные описи дел фонда по всем частям Департамента военных поселений, а также реестры и описи дел, подлежащих уничтожению за все годы существования Архива⁵. Дополнением к материалам Архива Департамента военных поселений являются документы Управления округов пахотных солдат Новгородской, Витебской и Могилевской губерний⁶ об учреждении, деятельности и ликвидации местных архивов в округах, систематизации дел, наведении справок, руководству личным составом.

Небольшой блок материалов Управления главного начальника южных поселений, освещающий события 1857—1865 гг., образует фонд № 1073 РГВИА. Делопроизводственная переписка начальника южных поселений за указанные годы раскрывает процесс реформирования, связанных с упразднением системы поселенных войск. Переписка с Военным министерством, Временным распорядительным комитетом по устройству южных поселений, с заведующим округами военных поселений и командиром Временного Кременчугского инженерного

¹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 14.

² Там же.

³ Там же. Д. 1—231.

⁴ Там же. Д. 232—265.

⁵ Там же. Д. 266—397.

⁶ РГВИА. Ф. 397, 398.

округа посвящена ликвидации пятого округа бывшего корпуса инженеров военных поселений, устройству южных поселений, передаче строений бывшего пятого округа во временный Кременчугский округ, а из него — в ведение главного начальника южных поселений¹. Необходимо отметить, что бытовавшее в советской историографии представление об экономической убыточности военных поселений и их постепенном отмирании не может считаться бесспорным. Сохранившаяся делопроизводственная переписка говорит о возведении новых зданий, заготовке строительных материалов и ассигновании денежных средств в 1857–1863 гг.² Таким образом, происходившие изменения следует признать не отмиранием, а скорее попыткой реорганизации системы поселений. Среди бумаг Управления главного начальника южных поселений содержатся материалы о привлечении к реформированию системы поселенных войск как военных, так и гражданских специалистов³. Сохранились инструкции и приказы строительной части, свидетельствующие о попытках развития южных военных поселений в конце 1850-х — начале 1860-х гг.

В 1864 г. Управление главного начальника южных поселений было ликвидировано. Сохранились материалы о разборе дел в архивах управлений военных поселений, о составлении ведомостей дел, о передаче материалов из архивов Штаба инспектора резервной кавалерии и Главного управления военных поселений⁴.

Анализ материалов Управления главного начальника южных поселений говорит о том, что в 1857 г. правительство не стремилось окончательно уничтожить военные поселения, для их развития отпускались значительные средства. С другой стороны, долги Департамента военных поселений перед округами не позволяют считать поселения приоритетным направлением военной политики. Отрицательные результаты принятой реформы и смещение интересов в вопросе формирования армии послужили причинами упразднения южных поселений в 1864 г.

¹ РГВИА. Ф. 1073. Оп. 1.

² Например: РГВИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 2 и др.

³ РГВИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 7, 13 и др.

⁴ Там же. Д. 13.

Материалы фонда 1073 в совокупности показывают разносторонние связи местных управлений округов по вертикали и горизонтали, а также постановку архивного дела. Таким образом, небольшой по объему фонд (14 единиц хранения) имеет значение для правильной оценки явления военных поселений.

Документы периода упразднения военных поселений практически не использованы в исследовательской литературе, между тем они представляют большую научную ценность. Их малая изученность служит причиной некоторых заблуждений и в целом обедняет историческую науку. Рассмотрение комплекса документов о поселениях позволяет прояснить и проанализировать итоги деятельности поселений пехоты и кавалерии, разносторонне оценить это явление, связать его с политической обстановкой в России в XIX в.

Сведения об авторах сборника

Авдеев Александр Григорьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

Башкеев Виктор Викторович – мл. науч. сотрудник Института Востоковедения РАН

Грабко Мария Евгеньевна – аспирантка кафедры Истории России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

Деоник Дмитрий Витальевич – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Исторического факультета ПСТГУ

Захаров Георгий Евгеньевич – канд. исторических наук, ст. преподаватель кафедры всеобщей истории Исторического факультета ПСТГУ

Ионов Александр, священник – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

Копылова Елена Анатольевна – соискатель кафедры истории России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

Лаптева Татьяна Николаевна – соискатель кафедры истории России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

Лаушкин Алексей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

Оксенюк Евгения Владимировна – аспирантка кафедры истории России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

Павлов Дмитрий Борисович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

Паромов Кирилл Яковлевич – соискатель кафедры истории России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

Пирогов Дмитрий Викторович – аспирант кафедры истории России и архивоведения Исторического факультета ПСТГУ

Ульянов Марк Юрьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры Всеобщей истории Исторического факультета ПСТГУ

Целуйко Максим Сергеевич – аспирант ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия..... 7

Часть I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И НАСТОЯЩИМ

Д. В. Деоник
Об исторических свидетельствах и восприятии истории
в различные эпохи..... 8

В. В. Башкеев, М. Ю. Ульянов, М. С. Целуйко
Подходы к исследованию политических процессов
в описании древней и средневековой истории Китая
и стран Юго-Восточной Азии 41

Г. Е. Захаров
История Церкви в свете историко-эксессиологического
подхода.....71

А. Г. Авдеев
Стихотворная эпитафия черниговского полковника
Якова Кондратьевича Лизогуба 80

Часть II. «СВЕТИЛЬНИК ГОРЯЩИЙ»: ЦЕРКОВЬ И ДУХОВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СИНОДАЛЬНУЮ ЭПОХУ

А. В. Лаушкин
Святитель Тихон (Беллавин) и восстановление церковного
почитания древних ростовских святых.....92

Свящ. А. Ионов
Издательская деятельность Комиссии по разбору и описанию
Архива Святейшего Синода: к вопросу о теории и практике
описания и публикации архивных документов в архивах Русской
Православной Церкви до 1917 г. 99

<i>Е. А. Копылова</i>	
Дискуссии о единоверчестве в Петербургском отделе Общества любителей духовного просвещения (1872–1880).....	119
<i>М. Е. Грабко</i>	
Московский священнослужитель конца XIX –начала XX века на рабочем приходе	137
<i>К. Я. Паромов</i>	
В. В. Розанов о «войне 1914 г.», «русском возрождении» и «молодом московском славянофильстве» (по материалам публицистики 1914–1918 гг.)	147
Часть III. «НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СУДЕБ И ЭПОХ»: ВОЙНА, РЕФОРМЫ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ	
<i>Д. Б. Павлов</i>	
Японо-русское идейно-пропагандистское противостояние в войне 1904–1905 гг.	177
<i>Д. В. Пирогов</i>	
Проблемы финансирования русской армии накануне Первой мировой войны.....	201
<i>Е. В. Оксенюк</i>	
Организационная структура Российского Общества Красного Креста (РОКК) в начале XX в.	208
<i>Т. Н. Лаптева</i>	
Упразднение военных поселений.....	218
Сведения об авторах сборника	228

??? издание

«Отголосок прошедшего в будущем»
Сборник научных статей
преподавателей и аспирантов Исторического факультета

Корректор *О. В. Хвостова*
 Верстка *Ю. Б. Полищук*

Подписано в печать 15.10.2012. Формат 60 x 90/16.
 Объем 14,5 п. л. Тираж ??? экз. Заказ №

Издательство Православного Свято-Тихоновского
 гуманитарного университета
 115184, Москва, Новокузнецкая ул., д. 23, корп. 5а
 E-mail: izdat@pstgu.ru
 www.pstgu.ru

«Свято-Тихоновский университет открывает возможности получения богословского образования не только будущим пастырям, но и мирянам, которые призваны трудиться как в церковной сфере, так и в иных сферах общественной жизни – в науке, в школе, в социальных учреждениях, в СМИ».

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Бесплатное обучение на дневном отделении.

Диплом государственного образца. Отсрочка от армии.

Общежитие. Стажировки за границей.

■ **Факультеты:**

Богословский, Миссионерский, Церковного пения, Церковных художеств, Исторический, Филологический, Педагогический, Социальных наук, Информатики и прикладной математики, Дополнительного образования, Хоровое училище (среднее профессиональное образование), Центр духовного образования военнослужащих, Аспирантура

■ **Подготовительные курсы.** Олимпиада «Аксиос»

■ **Формы обучения:** очная, очно-заочная (вечерняя), заочная
Дистанционное образование (Интернет-образование)

Выпускники Богословского института при ПСТГУ имеют возможность принять священный сан

Дни открытых дверей в 2011/12 учебном году:

11 декабря, 12 февраля, 18 марта, 13 мая

Адрес: 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23, стр. 5А

Приемная комиссия: тел. (495) 951-67-84,

(495) 953-92-53, 8-800-100-77-18 (звонок бесплатный)

E-mail: priemkom@pstgu.ru <http://pstgu.ru>

Свидетельство о государственной аккредитации № 0801 от 16 июля 2007 г.